

ПОЛЕН ПАРИС
•
РОМАНЫ
КРУГЛОГО
СТОЛА

• БРЕТОНСКИЙ ЦИКЛ •

- ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ.
ОБРЕТЕНИЕ КНИГИ ГРААЛЬ
- СВЯТОЙ ГРААЛЬ
- МЕРЛИН
- КОРОЛЬ АРТУР

Полен Парис

Романы Круглого Стола. Бретонский цикл

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67752530

Романы Круглого Стола. Бретонский цикл / П. Парис: Алетейя; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00165-495-7

Аннотация

Бретонские сказания о короле Артуре, рыцарях Круглого Стола и поисках священного Грааля и созданные на их основе французские рыцарские романы почти не знакомы российскому читателю, хотя они гораздо старше, полнее и многообразнее известной у нас английской версии Артурианы. Перевод выполнен по изданию известного медиевиста XIX века, хранителя отдела рукописей французской Национальной библиотеки проф. П. Париса: «Романы Круглого Стола, переложённые на современный язык Поленом Парисом и сопровождаемые исследованиями происхождения и особенностей этих великих сочинений».

В книгу вошли четыре произведения, наглядно показывающие, как жанр светского романа постепенно вырастает из библейского апокрифа. Это прозаическое переложение романа

Робера де Борона «Иосиф Аримафейский» (конец XII в.), еще более ранняя легенда «Обретение Книги Грааль», роман «Святой Грааль» (один из первых образцов европейской «обрамленной повести») и уже вполне классический рыцарский роман «Король Артур».

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей литературы, религии и европейской культуры.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От издателей	6
Введение	17
I. Бретонские лэ	21
II. Ненний и Гальфрид Монмутский	43
III. Латинская поэма: Vita Merlini[61]	85
IV. О латинской книге Грааля и о поэме про Иосифа Аримафейского	103
Дополнение к стр. 85, по поводу слова Graal	133
Книга первая	137
Переход к «Святому Граалю»	168
Обретение книги Грааль	170
Книга вторая	190
I. Иосиф и его сын прибывают в Саррас. – Посвящение сына Иосифа в сан. – Первое таинство причастия	191
II. Эвалак, король Сарраса. – Сераф, его шурин. – Толомей Сераст, король Египта. – Крещение Эвалака и Толомея, нареченных Мордреном и Насьеном. – Путешествие Мордрена. – Остров Погибельной Гавани	207
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Полен Парис

Романы Круглого Стола. Бретонский цикл

*Памяти Игоря Степановича Мальского и
Тамары Константиновны Горышиной, зачинателей
этого проекта*

От издателей

Романы Круглого Стола (или рыцарские романы Артуровского цикла) не принадлежат к числу произведений, хорошо известных русскоязычному читателю. Наверное, не будет ошибкой предположить, что ближайшая ассоциация, возникающая у многих при имени легендарного короля, – это веселая пародия Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», а при упоминании рыцарских романов – воспоминание о тех книгах, которыми зачитывался Дон Кихот Ламанчский и которые, в конце концов, свели с ума «рыцаря печального образа». Более эрудированный читатель наверняка вспомнит стихотворные романы Кретьена де Труа, роман о Тристане и Изольде и самое капитальное издание артуровских легенд (точнее, их английской ветви), собранных английским писателем XV в. Томасом Мэлори и вышедших в русском переводе в серии «Литературные памятники» («Смерть Артура», 1974 г.).

Ко времени написания этой последней книги уже сформировался целый пласт рыцарской литературы – фантастическая вселенная, полная приключений, с ее идеалами верности королю и прекрасной даме. На протяжении нескольких веков эта литература играла неоспоримую роль в формировании культуры и менталитета европейских народов. Но распространялись эти произведения в рукописной фор-

ме, то есть медленно, с неизбежными неточностями и вариациями. Сэру Томасу Мэлори несказанно повезло: незадолго до создания его книги было изобретено книгопечатание. Этот фактор оказался решающим для дальнейшей судьбы Артурианы: именно английская версия завоевала наибольшую популярность у читателей, и последующие поколения поэтов, художников, кинематографистов черпали вдохновение в основном из нее.

Однако изначально артуровская «вселенная» зародилась не среди англосаксов, к каковым принадлежал и Мэлори, а гораздо раньше среди кельтских племен: в Уэльсе и затем в Бретани (Франция), куда бежала часть кельтов, побежденных саксонцами. И именно во Франции на рубеже XII–XIII вв. возникли первые романы на эту тему, сначала стихотворные, а затем и прозаические.

В подготовленном переводном издании читатель найдет одно из наиболее полных собраний главной (можно сказать, магистральной) ветви артуровских легенд: цикл самых ранних французских рыцарских романов. Это интереснейший сплав устных кельтских преданий, бродячих сюжетов со всего мира, усвоенных французскими жонглерами, латинских хроник ученых монахов и библейских апокрифов (иногда откровенно еретических), возникших в ходе христианизации Британских островов.

Романы эти исходно несли совсем другую идеологию и смысловую нагрузку, чем позднейшая компиляция Мэло-

ри, хоть он и ссылается постоянно на некую «французскую книгу», бывшую ему образцом. Основная идея артуровского цикла по бретонской версии заключается в мистической связи Артура и его рыцарей с чашей Грааль. В первой книге читатели как раз и увидят завязку этого сквозного сюжета. И эта завязка неожиданно приводит нас... к евангельскому апокрифу. Мы встретим здесь, в частности, историю происхождения Круглого Стола от стола Тайной Вечери; Понтия Пилата, умывающего руки именно в той чаше; легенду о крещении Великой Бретани Иосифом Аримафейским – хранителем Грааля и первым епископом, рукоположенным самим Иисусом Христом. Впоследствии Грааль таинственным образом исчезает, и его поиски станут главной целью странствий рыцарей будущего. Его обретет рыцарь без страха и упрека – последний потомок Иосифа, который должен явиться при дворе короля Артура и занять предназначенное для него пустующее место за Круглым Столом, нейтрализовав тем самым предательство Иуды. Таким образом, свод бретонских романов представляет собой связную, логически выстроенную эпопею от момента крестных мук Иисуса до подвигов сэра Галахада и до последней битвы рыцарей Круглого Стола.

Как мы видим, вся история «времен превратностей и приключений» Великой Бретани здесь носит отчетливо религиозный, а не светский характер. Только на бретонском материале можно с самого начала наблюдать эволюцию жанра ры-

царского романа, который в дальнейшем будет становиться все более куртуазным и занимательным; по живости диалогов и по степени проработки характеров эти романы, на наш взгляд, явно превосходят свой англоязычный аналог.

Вторая уникальная возможность, которую предоставляет нам бретонский цикл, – возможность проследить ход и обстоятельства рождения многих классических стереотипов и мифов, связанных со средневековьем. Из этих текстов многое можно узнать и об истинном положении «прекрасных дам», и о коллизиях, возникавших при толковании рыцарского кодекса чести, и о средневековом судопроизводстве, и об организации военных действий. В XII веке это еще живая практика; ко времени же написания «Смерти Артура» смысл ее во многом утрачен, и это подчас порождает нелепицы, которых Мэлори просто не осознает. В самом деле, чего у него только нет: оруженосцы сражаются бок о бок с рыцарями; король (а не священник) крестит сарацина; на турнирах сплошь и рядом применяют боевое оружие; герои и героини поголовно грамотны и обмениваются тайными письмами. А в чем состоит для рыцаря ужас поездки в телеге, в XV веке вообще непонятно. Все эти нюансы для наших бретонских авторов совершенно очевидны, и подчас они-то и становятся двигателями сюжета.

Есть еще один интересный нюанс: и король Артур, и его кельтские друзья и сородичи постоянно воюют с захватчиками-саксонцами. В XV веке, когда Артур становится общена-

циональным героем Британии, англосакс Мэлори политкорректно умалчивает о таких эпизодах или, на худой конец, заменяет саксонцев сарацинами.

Наконец, интереснейший аспект сюжетов этой ранней версии – пронизывающая их идеология «бытового христианства» и христианского мифотворчества, густо замешанного на языческих представлениях, которые сохранились у кельтских христиан еще со времен римского владычества. К примеру, тайна происхождения чародея Мерлина связана с противостоянием Бога и дьявола и сопровождается очень выразительным описанием деятельности инкубов. Книжная культура позднего средневековья уже воспринимает те христианские идеи, которые были нормальны для XI–XII веков, как противоестественные и даже еретические, и в позднейших версиях они буквально выкорчеваны. Чего стоит, например, утверждение, что текст книги «Святой Грааль» собственно написано Иисусом Христом, или легенда о сотворении мира из четырех первоэлементов! Да и научные идеи из ранних романов специфичны для этого времени: вряд ли мы услышим впоследствии, скажем, о «землях, образующих последний оком Океана».

Наш перевод основан на единственном издании свода бретонских рукописей, подготовленном известным медиевистом XIX в. Поленом Парисом (тт. 1–5, 1865–1877). «Романы Круглого Стола, переложенные на современный язык Поленом Парисом и сопровождаемые исследованиями проис-

хождения и особенностей этих великих сочинений» – таков полный заголовок этого труда. В нашей стране это издание практически неизвестно. Одна из его частей очень кратко пересказана в книге А. Свентицкого «Книга сказаний о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола». Эта небольшая книга, вышедшая в 1923 г. малым тиражом, давно уже стала библиографической редкостью. Упоминание о труде Париса есть в послесловии А. Д. Михайлова к русскому переводу книги Т. Мэлори «Смерть Артура», где этот пятитомник приводится в качестве характерного примера «череды пересказов, переделок, транскрипций» артуровских легенд. Это не совсем справедливо. Конечно, это не точный перевод со старофранцузского, а переложение; но не только оно. Если бы Парис ставил перед собой только цель пересказать легенды Круглого Стола, ему достаточно было бы воспользоваться более поздними сводными изданиями, как это делали другие «обработчики» в последующие годы. Но он был не пересказчик, а ученый-исследователь, профессор языка и литературы Средних веков в крупном парижском образовательном центре Коллеж де Франс; и потому он обратился к первоисточникам. Будучи главным хранителем отдела рукописей Национальной библиотеки, он использовал множество рукописных текстов артуровских легенд, записанных анонимными «собираателями», как их называет сам Парис. Многие из них были также и сочинителями различных вставок и новых эпизодов, которые они охотно добавляли к уже прославленным

романам; ибо, как пишет один историк французской литературы, в те времена подделка состояла не в том, чтобы поставить свое имя на творении другого, но имя другого на своем творении. Скрупулезной работе над рукописями – чтению, исследованию текста, сопоставлению вариантов, переписке с учеными коллегами – Парис отдал 36 лет. В конце последнего тома он, очевидно, с полным правом говорит о себе: «... из всех моих современников я, быть может, единственный, кто полностью прочитал легенды Артуровского цикла, первых предков всех тех сказаний, которые потом стали обозначать словом Романы».

Фактически Парис сделал для Артурианы во Франции то же, что Мэлори в свое время сделал в Англии на доступном ему материале. Но к тому же, будучи историком и литературоведом, он щедро снабжает свой труд комментариями, сносками, цитатами, научной полемикой, иногда довольно язвительного свойства. Обширное Введение Париса включено в текст этого тома; не менее обширное Приложение будет включено во второй. В нем Парис, предвидя, что не успеет осуществить все задуманное, публикует целыми страницами необработанный старофранцузский текст и только отчасти пересказывает его, как делал прежде. Мы намеренно не стали состязаться с автором в эрудиции и глубине анализа и в своем предисловии не описываем подробно ни историю кельтских племен, ни историю рыцарских романов, ни культурную среду средневековой Европы вообще и феномен ры-

царства в частности. В отношении выводов и гипотез о взаимосвязи романов и об их авторстве тоже уступаем слово Парису.

Впервые мы опубликовали наш перевод первых двух его томов в виде четырех отдельных выпусков в 2016–2020 гг. во французском издательстве Clément Courrèges éditeur тиражом всего по 100 экземпляров. Это издание было ориентировано на менее подготовленного читателя: в нем было сильно сокращено «Введение» Париса, а во вступительной статье разъяснялись многие вещи, хорошо известные тем, кто глубоко интересуется историей Средних веков. Издание не попало в российские библиотеки, по причине его иностранного происхождения, и скоро, видимо, станет практически недоступно для читателей. Однако материал этот, безусловно, заслуживает переиздания, притом в полном виде, к чему мы и приложили усилия в дальнейшем.

В данном переводе мы опустили только часть справочного аппарата: например, «Грамматические заметки и наблюдения», в которых Парис комментирует происхождение некоторых современных ему французских слов и выражений от старофранцузских корней. Эти специальные подробности, как нам кажется, не слишком информативны для русскоязычного читателя.

Написание имен собственных в основном соответствует правилам перевода с французского языка, но имена главных героев даны в форме, традиционно сложившейся в «артури-

анской» литературе: Артур, а не Артюс; Гвиневра, а не Женьевра; Кей, а не Кё, и т. д. Есть также герои, написание имен которых варьирует и у самого Париса. В таких случаях мы тоже отдавали предпочтение тем вариантам, которые близки к традиционным. Возможно, некоторые наши версии будут спорными, особенно если учесть, сколько вариантов имен подчас можно найти для одного и того же персонажа.

Немного конкретнее скажем о тех романах, которые входят в первый том публикуемого сборника.

Том открывается прозаической версией романа Робера де Борона «Иосиф Аримафейский» (XIII в.). Роман в стихотворной форме публиковался в России, но его переложение в прозе у нас неизвестно. Здесь еще нет ни слова о короле Артуре, но закладываются многие сюжетные линии и ходы, которые получают продолжение в дальнейшей Артуриане.

Далее идет уникальный текст VIII века «Обретение Книги Грааль», где Грааль – еще даже не чаша, но книга! Несмотря на очень небольшой объем, эта новелла задает идеологическую направленность всему циклу. Ее сюжет – приключения монаха, будущего переписчика Артурианы, отправившегося на поиски оригинала романа о Святом Граале, написанного «собственноручно Иисусом Христом».

Следом опубликован и сам «Святой Грааль», роман неизвестного автора XIII в. (по мнению Париса – Вальтера Мапа). Это один из наиболее ранних европейских образцов «обрамленной повести», жанра, воспринятого от арабов при

посредстве крестоносцев и паломников к Гробу Господню. Основной сюжет о миссионерских деяниях Иосифа и его сподвижников в Британии прерывается многочисленными вставными рассказами и апокрифами о пророческом корабле царя Соломона, о смысле одежды епископа, о приключениях великого врача Гиппократы при дворе римского императора Тиберия (великолепная сказка в духе Боккаччо) и т. д. В конце его мы уже видим имена Гавейна, Агравейна и других рыцарей будущего Круглого Стола.

«Мерлин» – это снова сюжет Робера де Борона, основательно переработанный позднейшими авторами. В этом романе Парис впервые представляет не только пересказы и компиляции старинных текстов, но и обширные фрагменты подлинных старофранцузских рукописей. Уникален сюжет о зачатии и рождении Мерлина и о его деяниях во младенчестве.

Завершает книгу роман «Король Артур» неизвестного автора. Об этом, казалось бы, знакомом персонаже мы здесь узнаем много нового: в основном роман посвящен молодости героя, истории его сватовства к Гвиневре, первым управленческим ошибкам на королевской стезе и, конечно, войне с саксонцами.

Поскольку жизни Артура и Мерлина тесно связаны между собой, то в романе о короле Артуре чародей Мерлин является одним из полноправных действующих лиц, и наоборот. Тексты сохранили множество утраченных в позднейших пе-

переработках «языческих» и «еретических» деталей и легенд. В т. 2 войдет впервые публикуемый на русском языке «Ланселот Озерный». Этот роман по объему в полтора раза превосходит все предыдущие вместе взятые и охватывает всю жизнь легендарного рыцаря. Характер этого рыцаря обрисован яркими и подчас неожиданными красками, делающими его скорее романтическим, чем эпическим героем, совершенно удивительным для рубежа XII–XIII века. В толщину этого романа вплетаются сюжеты «Рыцаря Телеги» (у нас известна стихотворная версия Кретьена да Труа) и заключительной книги «Смерти Артура».

Надеемся, что мы достигнем нашей скромной цели – познакомить российских читателей с этим сокровищем кельтской, французской и общеевропейской культуры. Мы будем рады, если эта книга привлечет внимание не только широкой публики, но и исследователей, которые, несомненно, смогут найти здесь благодатный материал.

Все замечания и пожелания будут приняты с интересом и благодарностью.

Екатерина Мальская (Россия)

Денис Колен (Франция)

Введение

Перевод Т. К. Горьшиной, Е. Н. Мальской

Название *Романы Круглого Стола* относится к серии книг, написанных на французском языке, отчасти стихами, а отчасти прозой, и посвященных либо сказочной истории Утер-Пендрагона и его сына Артура, либо приключениям других принцев и доблестных рыцарей, бывших якобы современниками этих королей. Через четыре литературных столетия Средневековья эти книги пронесли идеал рыцарского совершенства: во множестве знатных семей детям, даже при крещении, охотно давали имена этих вымышленных героев, которым присваивали гербы, дабы иметь удо-

вольствие их позаимствовать. Дело заходило еще дальше: их покровительству вверяли состязания, турниры, иногда даже судебные поединки. В сочинительстве этого рода несколько религиозных преданий, присущих галло-бретонской церкви, стали тем основным стволом, от которого, подобно ветвям и побегам, очевидно, и произросли во множестве первоначальные повести. Взаимосвязь и в самом деле весьма удачная, хотя, может быть, она должна была заявить о себе сама, чтобы придать вид подлинности самым невероятным измышлениям, далеким от всякого правдоподобия.

О происхождении этих прославленных сочинений все нынче единодушны во мнении. Это отблеск преданий, распространенных в двенадцатом веке среди бретонцев Англии и Франции. Сами же эти предания проистекали из трех различных источников:

- памяти о долгом сопротивлении островных бретонцев саксонскому господству;
- *лэ*, или поэтических песнопений, избежавших забвения
- судьбы старинных летописей – и постоянно лелеемых народным воображением;
- легенд, связанных или с утверждением христианской веры в островной Бретани, или с обладанием некими реликвиями и их утратой.

Следует еще добавить к этим трем отечественным источникам ряд заимствований с Востока, распространяемых во Франции и особенно в Бретани, с начала двенадцатого века,

паломниками из Святой земли, испанскими маврами и иудеями всех стран.

Таким образом, наши романы достаточно хорошо представляют собрание исторических, поэтических и религиозных сказаний древних бретонцев, хотя и измененных более или менее при их вхождении в иностранную литературу. Изучать Романы Круглого Стола значит, с одной стороны, проследить действие в старинных бретонских легендах; а с другой, – наблюдать превращения, которые претерпевали эти легенды при своем, так сказать, вторжении в литературу других стран. Одна и та же основа окрашивается в различные оттенки при переходе от исходного наречия к любому другому. Но я не намерен проследить истории Круглого Стола во всех видоизменениях, которым они могли подвергнуться: предоставляю другим писателям, более сведущим в германских языках, заняться их изучением в немецком, фламандском и даже английском варианте. Франция почерпнула их из бретонского свода и открыла другим нациям, подав пример, как извлечь из этого пользу: я же ограничил поле моих исследований различными формами, в которые бретонские сказания облеклись во французской литературе. Это дело еще довольно долгое, и если я счастливо достигну цели, то будет проторена дорога для тех, кто захочет постичь сочинения того же рода на других европейских языках.

I. Бретонские лэ

В первой половине двенадцатого века в аббатстве, расположенном на границе Уэльса, бенедиктинский монах Гальфрид переложил на латынь ряд сказочных повествований, украсив их заголовком *Historia Britonum*. Сейчас я расскажу, перевел ли он всего лишь – как он сам утверждал – некую книгу, в старину написанную на бретонском; вправду ли у него не было иного источника, кроме книги на чистой латыни; и не добавлял ли он более или менее к исходному тексту. Но даже если допустить, что Гальфрид Монмутский сверялся лишь с одним письменным источником, нельзя утверждать, что все сказания, добавленные к этому первоначальному документу, были плодом его воображения. Еще задолго до первой трети двенадцатого века бретонские арфисты пересказывали легенды, позже подхваченные французскими романистами. Поясним, кто же эти бретонские арфисты.

Чтобы доказать их существование и их популярность в старые времена, необязательно приводить знаменитые цитаты из Атенея, Цезаря, Страбона, Люциана, Тацита. Достаточно вспомнить, что в четвертом веке, при полном расцвете христианства, во Франции еще была школа друидов; Аузоний¹ дает тому неоспоримое свидетельство. Фортунат в седь-

---

¹ Децимий Магнус Аузоний (310–395) – римский поэт, живший в г. Бурдигале (совр. Бордо), столице провинции Аквитания. (Прим. перев.).

мом веке дважды слагал воззвания к арфе и к роте² бретонцев. В начале одиннадцатого века Дудо Сен-Кантенский, норманнский историк, дабы разнести по миру славу герцога Ричарда I, призывал армориканских арфистов прийти на помощь писцам Нормандии. Таким образом, хорошо установлено, что французские бретонцы

Jadis suloient, par proesse,
Par curteisie et par noblesse,
Des aventures qu'il ooient
Et qui à plusurs avenoient,
Fere les lais, por remembrance;
Qu'on ne les mist en obliance³.

[Некогда имели обыкновение,
Из доблести своей, учтивости и благородства,
О приключениях, ими слышанных
И бывших со многими,
Складывать лэ на память,
Чтобы не кануть им в забвение (ст. – фр.)].

Значит, под названием «лэ» понимались сказы, исполняемые бретонскими арфистами. Между тем эти лэ принимали определенную стихотворную форму и подчинялись ясно выраженным мелодиям, требующим состязания голоса и му-

---

² Рота (ротта) – старинный музыкальный инструмент, по конструкции близкий к лире, распространенный в Западной Европе. (Прим. перев.).

³ Мария Французская. Лэ об Эквитане. (Прим. П. Париса).

зыкального инструмента. Ведение голоса в лад с инструментом, несомненно, имело для наших предков особое очарование: ведь в самых давних наших французских поэмах затем и поминают бретонских жонглеров, чтобы воздать должное нежности их песен, равно как и занимательности их историй. Мой ученый друг, г-н Фердинанд Вольф, чью недавнюю кончину оплакивает вся Европа, столь превосходно изучил все, связанное с бретонскими лэ, что теперь мне нет нужды доказывать их значение и былую популярность: я ограничусь подборкой из нескольких отрывков, которые смогут лучше обосновать или завершить его блестящие исследования. И в первую очередь, у нас есть довольно веские причины полагать, что даже в глубокой древности форма лэ предписывала двенадцать двойных строф определенного размера. Французский трувер Рено, переводчик весьма старинного лэ об Иньоресе, считает, что в память о двенадцати дамах, отвергших всякую пищу после того, как им поднесли на обед сердце их друга⁴, история их злоключений была поделена таким образом:

D'eles douze fu li deuls fais,
Et douze vers plains a li lais.

[Из них двенадцать недели траур
И двенадцать полных строф сложили для лэ (ст. – фр.).]

---

⁴ Два лэ, об Иньоресе и о Гироне, послужили образцом для прекрасного романа Кастелян из Кузи, написанного в начале четырнадцатого века. (Прим. П. Париса).

Такова же была, вероятно, и обычная форма других лэ; по крайней мере, в четырнадцатом веке ее требовали от того, что сочиняли в подражание им французские поэты. «Лэ, – говорит Эсташ Дешан⁵, – дело долгое и труднодостижимое; ибо надобны двенадцать строф, и каждая поделена надвое». Но в переводах двенадцатого и тринадцатого веков эту форму не сохраняли. Мария Французская и ее соперники воспроизводили лишь общую основу бретонских лэ, не приравниваясь ни к особому ритму, ни к мелодии, им сопутствующей. Однако все были согласны, что эта мелодия придавала приятность изначальным лэ, и в конце лэ о *Гижмаре* Мария говорит:

De ce conte qu'oï avés
Fu li lais Gugemer troves,
Qu'on dit en harpe et en rote.
Bone en est à oïr la note.

[Из этой повести, вами слышанной,
Сложили лэ о Гижмаре,
Что сказывают под арфу и роту:
Приятны слуху его тона (ст. – фр.)].

А в начале лэ о *Грэлене*⁶:

---

⁵ Французский поэт (1346–1406). (Прим. перев.).

⁶ Авторство здесь точно не установлено. Некоторые исследователи полагают,

L'aventure de Graelent
Vous dirai, si com je l'entent.
Bon en sont li ver à oïr,
Et les notes à retenir.

[Приключение Грэлена
Расскажу вам, как умею.
Стихи его хороши, чтобы внимать,
А ноты, чтобы запоминать (ст. – фр.)].

Музыкальная слагаемая лэ была столь же разнообразна, сколь и основа повествований; то мягкая и нежная, то оживленная и громкая. Французский автор аллегорической поэмы о *Замке любви* говорит нам, что балки в этом здании были сотворены из *нежных* бретонских лэ:

De rotruenges estoit tos fais li pons,
Toutes les planches de dis et de chansons;
De son de harpe les staches des fons,
Et les solijes de *dous* lais des Bretons.

[Из припевов был сложен весь мост,
Все доски из сказов и песен,
Из звуков арфы глубинные крепления,
А балки из нежных бретонских лэ (ст. – фр.)].

что это анонимное лэ, по сюжету похожее на Ланваля Марии Французской, но, возможно, созданное раньше. (Прим. перев.).

А с другой стороны, автор романа о *Трое*, современник Гальфрида Монмутского⁷, желая изобразить, какой шум поднялся в кровавой битве от ударов копий и от криков раненых, говорит, что рядом с этими воплями бретонские лэ показались бы жалкими всхлипами:

Li bruis des lances I fu grans,
Et haus li cris, à l'ens venir;
Sous ciel ne fust rien à oïr,
Envers eus, li lais des Bretons.
Harpe, viele, et autres sons
N'ert se plors non, enviers lor cris...

[Великий шум там был от копий
И громкие крики звенели оттуда;
Против них бы не было слышно под небом
Никакого бретонского лэ.
Арфа, виола и прочие звуки —
Перед этими криками жалкие всхлипы (ст. – фр.)].

Конечно, не таким был лэ, который сочиняла и пела для развлечения белокурая Изольда:

En sa chamber se siet un jour
Et fait un lai piteus d'amour;

---

⁷ Бенуа де Сент-Мор (ум. 1173) – французский трувер, служивший при дворе Генриха II. (Прим. перев.).

Coment dans Guirons fu surprise
Por s'amour et la dame ocis
Que il sor totes riens ama;
Et coment li cuens puis dona
Le cuer Guiron à sa mollier
Par engine, un jour, à mangier.
La reine chante doucement,
La vois acorde à l'instrument:
Les mains sont beles, li lais bons,
Douce la vois et bas li tons.

[В своем покое сидела однажды
И слагала жалостный лэ о любви;
Как Гирон был застигнут и убит
За свою любовь и за даму,
Которую любил превыше всех других;
И как потом однажды граф
Сердце Гирона своей супруге
Обманом подал на обед.
Нежно поет королева,
Голос вторит инструменту:
Руки ее красивы, лэ хорош,
Сладок голос и негромок звук (ст. – фр.)].

Заметим здесь, что эти лэ о *Горионе*, или *Гороне*, или *Гр-элене* пели не только в Бретани, но во всех концах Франции. Свидетельство тому дает жеста⁸ об *Ансеисе Картахенском*.

⁸ Жеста (chanson de geste [песнь о деяниях]) – эпическая поэма о героях, в кото-

В одной из рукописей, содержащих ее, читаем:

Rois Anséis dut maintenant souper:
Devant lui fst un Breton vieler
Le lai Goron, coment il dut fner.

[Теперь королю Ансеису за ужин пора:
Перед ним на виоле Бретонец играл
Лэ о Гороне, каков ему будет конец (ст. – фр.)].

В другой рукописи той же поэмы находим такой вариант:

Li rois sor un lit à argent,
Por oblier son desconfortement
Faisoit chanter le lai de Graelent.

[Король на серебряном ложе,
Чтобы забыть свои горести,
Велел запеть лэ о Грэлене (ст. – фр.)].

В жесте про Вильгельма Оранского, когда фея Моргана⁹ увезла Ренуара на остров Авалон:

рой, согласно идеалам раннего Средневековья, прославляются их подвиги, их воинская доблесть и сила. Жесты предназначались для пения или распевной декламации. Примером жести является знакомая русскоязычному читателю «Песнь о Роланде». (Прим. перев.).

⁹ Образ волшебницы Морганы, как и многих других героев Артурианы, восходит к кельтскому фольклору, в котором имя Морриган носила богиня войны и смерти; сходное имя было у одной из богинь воды. (Прим. перев.).

Sa masse fait muer en un faucon,
Et son vert elme muer en un Breton
Qui *doucement* harpe le lai Gorhon.

[Тело его обернулось соколом,
А его зеленый шлем обернулся Бретонцем,
На арфе *нежно* играющим лэ о Гороне (ст. – фр.)].

Наконец, сам Роланд числил среди лучших своих друзей юного Грэлена, которого автор жесты об *Аспремоне* изображает бретонским жонглером:

Rolans appellee ses quatre compaignons,
Estout de Lengres, Berengier et Hatton,
Et un damsel qui Graelent ot non,
Nés de Bretaigne, parens fu Salemon.
Rois Karlemaine l'avoit en sa maison
Nourri d'enfance, mout petit valeton.
Ne gisoit més se en sa chamber non.
Sous ciel n'a home mieux viellast un son,
Ne mieux deist les vers d'une leçon.

[Роланд зовет четырех своих друзей,
Эстольта из Лангра, Беранже и Отона
И юношу по имени Грэлен,
Что родом из Бретани, отец его Соломон¹⁰].

---

¹⁰ Соломон (Салаун) (годы правления 857–874) – герцог, а затем и король

Король Карл Великий у себя в дому
Воспитывал в детстве его, совсем юнцом.
Но он в покое своем не сидел,
Под небом, не дома любил на виоле играть
И любил говорить стихи из урока (ст. – фр.).]

Эти отрывки, безусловно, подтверждают высокую репутацию бретонских лэ. Наши французские поэты знали их хотя бы по названиям; но им нравились песни, хотя не всегда были понятны слова. Тогда им случалось путать, как в предыдущем примере, имя героя с именем автора или композитора.

Из всех этих древних песенных преданий более всего прославились те, которые молва приписывала Тристану: такие как *Смертный лэ*, *Лэ о Слезах*, *Влюбленные* и *Жимолость*.

Сам Тристан напоминает своей возлюбленной об этих произведениях в одной из старинных поэм, посвященных его приключениям, от которой сохранились, к сожалению, лишь немногие фрагменты:

Onques n'oïstes-vous parler
Que moult savoie bien harper?
Bons lais de harpe vous apris,
Lais Bretons de nostre païs.

Малой Бретани, был убит и впоследствии канонизирован как мученик. (Прим. перев.).

[Вы никогда не слыхали,
Что я весьма умелый арфист?
Я научу вас хорошим лэ на арфе,
Бретонским лэ из наших краев (ст. – фр.)].

А Мария Французская с особым очарованием поведала нам, по какому случаю Тристан сочинил лэ о *Жимолости*: они были, говорит она об Изольде и Тристане,

Come del chevreuil estoit
Qui à la codre se prenoit.
Ensemble pooient bien durer,
Mais qui les vousist deserver,
Li codres fust mors ensemment
Com li chievres, hastivement.
“Bele amie, si est de nus:
Ne vus sans mei, ne jo sans vus”.
Pour les paroles remembrer,
Tristans qui bien savoit harper
En avoit fet un novel lai;
Assez briefment le numerai:
Gottlieb, l’apelent en engleis,
Chievre le noment en franceis.

[Как жимолость была,
Что прильнула к орешнику¹¹.

---

¹¹ В наших северных широтах этот образ совершенно не работает. Но надо учесть, что на родине этого лэ жимолость – не куст, а лиана; орешник – тоже не кустарник из подлеска, а довольно высокое и крепкое дерево, пригодное для

Вместе им бы долго жилось,
Но если бы кто желал их разлучить,
Орешник умер бы тотчас,
Равно как и жимолость.
«Милый друг, это же про нас:
Ни вы без меня, ни я без вас».
Чтобы запомнить эти слова,
Тристан, искусный в игре на арфе,
Сложил из них новый лэ;
Назову его вполне кратко:
Goatleaf зовут его по-английски,
*Chèvrefeuille*¹² именуют по-французски (ст. – фр.)].

Между тем этот лэ о *Жимолости* уже в двенадцатом веке считался одним из самых древних. Автор жести о *Гарене Лотарингском* дает ему прозвучать на свадебном пиру:

Bondissent timbre, et font feste moult grant
Harpes et giques et jugléor chantant.
En lor chansons vont les lais vielant
Que en Bretaigne frent *jà* li amant.
Del *Chevrefoil* vont le sonnet disant
Que Tristans fst que Iseult ama tant.

[Взлетают звуки, украшая пир,
Напевы арф, и скрипок, и жонглеров.

опоры. (Прим. перев.).

¹² На обоих языках «жимолость» буквально значит «козий лист». (Прим. перев.).

За пеньем лэ вступает под виолу,
В Бретани сложен некогда влюбленным.
Про *Жимолость* в ней говорил Тристан,
Так неразлучный с милою Изольдой (ст. – фр.)].

Кроме того, не следует думать, что все сюжеты, излагаемые в бретонских лэ, относятся к делам бретонским. Мария Французская в своей версии лэ о *Терновнике* говорит о некоем ирландце¹³, воспевавшем историю Орфея:

Le lai escoutent d'Aelis
Que un Irois doucement note.
Mout bien le sonne en sa rote.
Après ce lai autre commence.
Nus d'eux ne noise ne ne tense.
Le lai lor sone d'Orféi;
Et quant icel lai est feni,
Li chevalier après parlerent,
Les aventures raconterent
Qui soventes fois sont venues,
Et par Bretagne sont séues.

[Внимают лэ об Элисе,
Что нежно наигрывает Ирландец.

---

¹³ Ирландские барды были популярны в Англии и даже во Франции, как можно заключить из этого отрывка. Добавим, что во времена правления Стефана был один принц из Северного Уэльса, Грифидд ап Конан, который пригласил ирландских сказителей, чтобы наставить и переобучить валлийских бардов. (Прим. П. Париса).

Прекрасно он звучит на его роте.
За этим лэ начинается другой.
Ни один из них не гремит, не напрягает.
После звучит лэ об Орфее;
А когда этот лэ окончен,
Рыцари заговорили,
Стали рассказывать случаи,
Какие часто приключались
И по всей Бретани известны (ст. – фр.)].

Арфисты бретонские, валлийские, шотландские и ирландские обогащали свой репертуар сказаниями, пришедшими, прямо или косвенно, из Греции или Италии: драгоценными обломками, спасшимися при крушении античной цивилизации. Но, передаваясь по памяти, без записи, лэ легко смешивали в себе сюжеты разных времен и народов и становились примерами самой замысловатой путаницы. В наших романах Круглого Стола мы без труда различим частые заимствования из легенд о Геракле, Эдипе и Тезее; из «Метаморфоз» Овидия и из Апулея. И мы не будем воздавать должное личной эрудиции романистов, чтобы пытаться оспорить древность этих лэ; ибо многие из этих мифологических сюжетов, вероятно, давно уже составляли достояние бретонских менестрелей.

Из всех народов Европы бретонские племена были в самом благоприятном положении, чтобы сохранить почти нетронутыми и свой изначальный язык, и свои традиции.

Островные бретонцы, став жертвой англосаксов, замкнулись в угрюмой покорности, но так и не смогли и не захотели воспринять привычки завоевателей. В Уэльсе они вели себя, подобно иудеям во всем мире: они сохранили свою веру, свои надежды, свои антипатии. Те из них, что пришли во Францию и дали армориканскому полуострову имя, которое англичане похитили для своей родины, никогда не смешивались с французской нацией. Поэтому у них скорее можно найти хранилище галльских преданий, чем у галло-романцев, ставших французами. Когда-то бретонцев объединяли с галлами общие обычаи и вера; изменилась вера, но не самая суть обычаев, не древние объекты народного поклонения. Епископам, при всей поддержке церковных соборов, так никогда и не удалось искоренить у них страх перед некоторыми деревьями, лесами, источниками. Было ли причудливое расположение камней Карнака, Мариакера¹⁴ и Стоунхенджа их творением или же предшествующих племен, памяти о которых история не сохранила, но они питали к этим громадам почтение, смешанное с ужасом и не подвластное никаким разумным доводам. Ничто не могло избавить их от суеверий о людях, обернувшихся волками, оленями, борзыми собаками; о женщинах, наделенных знанием, которое давало им власть над всеми силами природы. А поскольку они

---

¹⁴ Карнак – поселение (совр. коммуна), а Мариакер – лес в департаменте Морбиан (Бретань). В этом департаменте действительно есть мегалитические памятники: Карнакские камни, Диссиньяк и др. (Прим. перев.).

считали старинные лэ верным отображением прошлых вре-
мен, отсюда они заключали, а их соседи во Франции и в Ан-
глии склонны были думать вслед за ними, что обе Бретани
давным-давно были, а возможно, и поныне остаются миром
колдовства и чудес.

Вот, однако, хорошо установленный литературный факт.
Лэ, поэтические сказания и песнопения бретонцев, разно-
сились по всей Франции, иногда бретонскими арфистами и
жонглерами в изначальной форме, а иногда французскими
труверами и жонглерами в чисто повествовательных перево-
дах, причем задолго до XII века. Эти лэ собрали в себе вели-
кое множество более или менее давних преданий и могли тя-
гаться в области народной поэзии разве что с жестами и нра-
воучительными историями, одним из первых примеров ко-
торых стал *Роман о Семи Мудрецах*. На три главных источни-
ка сочинительства ссылаются такие стихи в *Песне о Сенах*¹⁵:

Ne sont que trois materes à nul home entendant:
De France, de Bretagne et de Rome la grant.
Et de ces trois materes n'I a nule semblant.
Li conte de Bretagne sont et vain et plaisant,

---

¹⁵ Сенами здесь и в романах Круглого Стола именуется саксонцы – германские племена, жившие в Северной Европе, в основном на территориях, примыкавших к Северному морю. В V–VI вв. Британию завоевали саксонцы вместе с другими германскими племенами – англами и ютами; однако Гальфрид Монмутский и его пересказчики собирательно называют саксонцами всех завоевателей. Дополнительную остроту вражде к пришельцам придавало то, что саксонцы (сены) были язычниками, а бритты (бретонцы) – христианами. (Прим. перев.).

Cil de Rome sont sage et de sens apparent,
Cil de France sont voir chascun jour aprenant.

[Для человека сведущего есть лишь три рода материй:
Из Франции, из Бретани и из Рима Великого.
И ни одна из трех материй не имеет себе подобных.
Рассказы из Бретани вздорны и забавны,
Из Рима – благоразумны и, бесспорно, здравы,
Из Франции – что ни день, поучают (ст. – фр.)].

Впрочем, понятно, что бретонские лэ после перевода французскими труверами неизбежно теряли мелодическое начало, самую узнаваемую часть оригиналов. Это судьба всех музыкальных произведений: они быстро устаревают; лишь самые красивые арии остаются надолго и перпевают-ся; но иначе обстоит дело с хорошо рассказанными историями и приключениями. Потому-то и сохранились исходные сказания и забылась музыка, некогда главное их украшение, и тем скорее, чем чаще ее слушали вначале.

Между тем в этих старинных мелодиях наши предки десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков находили столько же прелести, сколько мы находим ныне в неаполитанских или венецианских песнях, в красивейших ариях Моцарта, Россини, Мейербера. Будучи разделены на несколько двойных куплетов, демонстрируя разнообразие ритмов и звучаний, объединив в себе вокальную и инструментальную музыку, бретонские лэ стали нашими первыми кантатами. Кто-

то сказал: если мир – это семейный портрет, то прошедшие века должны иметь немало родственных черт с настоящим. Почему бы поколениям, столь полюбившим многоречивые сказы о войне, любви и приключениях, позволившим их исполнителям создать обширный и деятельный цех, почему им было не постичь мелодических созвучий, могучего воздействия музыки? Почему им было не иметь своего Марио, своей Патти, своего Малибрана, Шопена, Паганини? Музыкальное чувство не ждет, пока объединятся несколько сотен инструментов и певцов, чтобы обнаружить себя: оно воздействует на человеческую душу во все времена, во всех странах, как род неосознанной тяги к наслаждениям, превосходящим все земные. Это чувство нелегко определить; еще труднее от него избавиться. Исключения я здесь не беру в расчет; я говорю о большей части человечества. Есть среди нас и те, кто видит в системе мира лишь ход механизмов, издавна заведенных неведомо кем и неведомо зачем. Другим даже в сладчайших мелодиях слышится один шум, тем более терпимый, чем менее он длится. Эти исключительные и, я бы сказал, внечеловеческие натуры повредят музыкальному чувству не больше, чем идее Провидения¹⁶, столь же глубин-

---

¹⁶ Когда наши предки приглашали певцов и инструменталистов на все свои пиры и во все военные походы, они подавали нам пример, который мы усвоили. Нынче нет ни одного полка, в составе которого не было бы музыкантов. Только вместо велеречивых военных песен у нас есть мощное звучание инструментов, так же ценимое лошадьми, как и людьми. В Средние века король менестрелей часто бывал всего лишь дирижером группы музыкантов, а я припоминаю, как в

ной и врожденной.

Да, наши предки – и здесь я намеренно говорю обо всех классах нации, не давая привилегии высшим перед низшими, – были отзывчивы к прелести музыки и поэзии никак не менее, чем мы это приписываем себе сейчас. Какой круг собравшихся мы увидели бы сегодня на многолюдных площадях Парижа, этой столицы искусств и словесности, вокруг бедного исполнителя, пришедшего прочесть или спеть поэму во много тысяч строк, будь это даже поэма Ламартина или Виктора Гюго? Так вот, что уже невозможно сегодня, то бывало во всех уголках Франции в столь усердно бранимые (вероятно, потому, что плохо известные) времена Гуго Капета и Людовика Толстого. А для поколений, столь падких на песни и стихи, конечно, нужны были артисты, жонглеры, музыканты, труверы и сочинители, обладающие известным мастерством и гуманитарным образованием. Что они не знали греческого и не были великими латинистами, что они часто не обременяли себя умением писать и даже читать, это я вполне допускаю. Но их память не страдала из-за такой малости: она от этого становилась только лучше и крепче, уснащенная преданиями, восходящими к самым отдаленным истокам и собранными со всех частей света; преданиями тем более заманчивыми, что они преодолели огромное время и

1814 году видел войска, полки казаков верхом на неоседланных лошадях, с пиками в руках, а перед ними несколько шеренг певцов, которые и без инструментов производили необычайно сильное впечатление. (*Прим. П. Париса*).

пространство, заиграв отблесками, придавшими им особую самобытность. У жонглеров имелись наготове песни любой длительности, сказания любого рода. Чтобы понравиться наверняка, они должны были много знать, хорошо петь и говорить, учитывать произношение, обычное для той публики, к которой они обращались, владеть искусством удерживать внимание, не утомляя его. Эта профессия давала достаточно большие преимущества, чтобы поддерживать среди тех, кто ею занимался, благотворное соперничество и чтобы побуждать их непрерывно искать новые источники сказаний и песен. Они немедленно усвоили и главнейшие лэ Бретани, и самые занимательные повести Востока, придавая этой более-менее экзотической добыче французскую форму сказа, фэблию, авантюрного романа.

Неоспоримая древность и приоритет бретонских лэ по отношению к романам Круглого Стола устраняют одно затруднение, которое давно меня занимало. Как объяснить, спрашивал я себя, характер и возникновение второго *Святого Грааля*, *Ланселота* и *Тристана* среди общества, которое до сих пор слушало и знало лишь жесты, отражение столь грубых, жестоких и примитивных нравов? Каким образом Гарен Лотарингский, Вильгельм Оранский, Карл Великий, Роланд могли столь внезапно уступить место учтивому Артуру, томимому любовью Ланселоту, роковому Тристану, любовно-страстному Гавейну? Как неукротимую Людию, неистовую Бланшефлер, гордую Орабль могли так быстро сменить

столь нежные и утонченные героини, как Изольда, Гвиневра, Энида и Вивиана? Как, наконец, такие разные произведения – выражение двух столь противоположных состояний общества – могли близко столкнуться в двенадцатом веке?

Именно в двенадцатом веке, и даже раньше того, во Франции существовали два поэтических течения, два выразительных начала одного и того же общества. Французские труверы черпали из одного источника, бретонские арфисты – из другого. Первые выражали нравы, характер и чаяния франкских племен; вторые, отделенные от прочего населения Франции своим языком и обычаями, лелеяли в стороне воспоминания о былой независимости и хранили культ патриотических традиций. Они предпочитали картинам битв и сражений французских баронов легенды о былых приключениях, где причиной была любовь, или те, что утверждали суеверия, с которыми тщетно боролось христианство. Мелодичные формы бретонской поэзии разносились далеко и вскоре завоевали сердца французов в других наших провинциях; арфистов хорошо принимали за пределами Бретани; затем появился интерес и к сюжетам песен, которым так охотно внимали слушатели. Постепенно французские жонглеры обратили это себе на пользу и поняли, сколь привлекательны могут быть все эти лэ о Тристане, Орфее, Пираме и Тисбе, Горионе, Грэлене, Иньоресе, Ланвале и т. д. Во Франции хорошо принимали любые сказки и истории, сочиненные для развлечения; долгое время их продолжали ценить наравне с

жестами, этим великим и мощным творением древней нации франков; но слушали все-таки сказки из Бретани, и жесты день ото дня теряли ту почву, которую отвоевывали лэ и бретонские легенды, внедряясь в средневековое общество. Благодаря их влиянию нравы становились мягче, чувства нежнее, характеры гуманнее. Сказаниям о ссорах феодалов, о войнах против мавров, которые более не угрожали Франции, с каждым днем все явственнее предпочитались картины придворных турниров, любовных испытаний и сверхъестественных приключений, составляющих основу бретонской поэзии.

Но эта достопамятная революция произошла не в один день: Франция еще только готовилась к ней, когда Гальфрид Монмутский написал книгу, которой довелось стать предтечей и привести к созданию *Романов Круглого Стола*.

II. Ненний и Гальфрид Монмутский

Прежде всего следует заметить, что в начале двенадцатого века возродились интерес и вкус к изучению истории, заброшенной и почти забытой со времен Карла Великого. Немало способствовал этого рода ренессансу наглый фальсификатор, который под именем архиепископа Тюрпена выпустил в свет лживое описание похода Карла в Испанию. Дискредитируя народные песни-жесты, прежде единственные источники исторических преданий, подменяя сказки жонглеров не менее фантастическими байками, но опиравшимся на авторитет архиепископа, уже прославленного известными певцами, испанский монах, автор этого благоговейного подлога, приучал современников верить только тем рассказам, которые подтверждались книгами видных духовных лиц. Вскоре после этого Сюжер, знаменитый аббат из Сен-Дени, не довольствуясь личным примером в составлении современной ему истории, возложил на своих монахов труд объединить старинные тексты наших анналов, начиная с Эмуана, собирателя трудов Григория Турского, до историков – современников первого Крестового похода, не исключая и этой фальшивой хроники Тюрпена. В это же время Ордерик Виталий¹⁷

---

¹⁷ Ордерик Виталий – английский хронист французского происхождения (1075 – ок. 1142), автор «Церковной истории». Вероятно, этот «светоч» и имеет в виду Парис. (Прим. перев.).

воздвиг своего рода светоч для истории Нормандии, отблеск которого падет на всю Францию; а в Великой Бретани Генрих I и его внебрачный сын Роберт, граф Глочестерский, провозгласили себя щедрыми покровителями многих видных духовных особ, таких как Вильям Мальмсберийский¹⁸, Генрих Хантингдонский¹⁹ и Карадок из Лланкарфана²⁰, трудившихся над тем, чтобы собрать по крупицам историю острова Альбион и народов, один за другим населявших его.

Эти историки, столь достойные благодарности потомков, обыкновенно не датировали свои труды; и все же они, как и Ордерик Виталий, отмечали время, когда труд завершен, предоставляя нам угадывать, когда они его начали и сколько времени отвели на его исполнение. Как правило, они не особо пускали в оборот первую версию, внося в исходную рукопись то или иное число изменений и переделок, отчего и плодилось в последующие годы столько редакций, значительно пересмотренных и дополненных. Так что мы можем только утверждать, что книги Вильяма Мальмсберийского, Генриха Хантингдонского, Ордерика Виталия и Сюжера вы-

---

¹⁸ Вильям Мальмсберийский (ок. 1019–1143) – английский историк, монах-бенедиктинец, автор «Истории английских королей» и «Новой истории». (Прим. перев.).

¹⁹ Генрих Хантингдонский – внук Генриха Шотландского, архидьякон Хантингдона, автор многотомной «Истории англвов». (Прим. перев.).

²⁰ Карадок из Лланкарфана (ум. 1156) – валлийский клирик, автор «Жития Св. Гильдаса» и «Жития Св. Кадога». В последнем в качестве одного из персонажей фигурирует король Артур. (Прим. перев.).

шли в свет между 1135 и 1150 годами.

Такую же примерную датировку имеет и *Historia Britonum* Гальфрида Монмутского. Но у нас есть все основания полагать, что книга подверглась нескольким редактурам, довольно далеко разнесенным во времени²¹. Генрих Хантингдонский определенно говорит в заключительном слове своей *Historia Anglica*, что в 1139 году аббат из Бека показывал ему в своей монастырской библиотеке экземпляр *Historia Britonum* и что он пожалел, что не знал о нем раньше. С другой стороны, Гальфрид Монмутский сам уведомляет в начале седьмой книги, что он вставил туда пророчества Мерлина, идя навстречу пожеланию Александра, епископа Линкольского, в свое время самого щедрого и самого превозносимого из прелатов. Однако эти последние слова не сходятся с датировкой, которую приводит Генрих Хантингдонский: ведь епископ Линкольнский Александр, которого явно уже не было в живых, когда Гальфрид так говорил о нем, умер только в августе 1147 года²². Так что в том экземпляре

---

²¹ Эта часть Введения была прочитана в Академии надписей и изящной словесности, когда мой почтенный друг, сэр Фредерик Мэдден, прислал мне исследование О Гальфриде Монмутском, только что опубликованное им, в обмен на мою работу. Я с превеликим удовольствием вижу, что выводы английского ученого-историка в точности совпадают с моими по части двойной датировки выхода в свет *Historia Britonum*. Если бы я узнал об этом раньше, я бы удовольствовался переводом всего, что он так хорошо изложил по поводу этой двойной даты. (Прим. П. Париса).

²² См. M. T. Wright. On the literary history of Geoffroy of Monmouth. In-4, 1848, p. 7. (Прим. П. Париса).

Historia Britonum, на который мог ссылаться Генрих Хантингдонский в 1139 году, предисловия к седьмой книге не было; и, что еще более затрудняет сверку дат, все сочинение в целом посвящено Роберту, графу Глостерскому и, как я сейчас докажу, задолго до его смерти, случившейся в октябре того же самого 1147 года. Чтобы свести все это, приходится признать, что Гальфрид Монмутский несколько раз переделывал свой труд.

Вот как у него возникла мысль сочинить его. Примерно в 1130 году Вальтер²³, архидьякон Оксфордский, которому приписывали обширные познания в истории, привез из Франции книгу, якобы написанную на бретонском языке и содержащую – по-бретонски ли, или по-латыни – историю древних королей острова Британия. Вальтер показал свой том Гальфриду Монмутскому и поручил ему, если верить собственным словам того, *перевести ее на латынь*. «В то самое время, – добавляет Гальфрид, – мне довелось в интересах других изысканий окинуть взором историю королей Британии; и я был удивлен, не найдя ни у Беда²⁴, ни у Гиль-

---

²³ Гальфрид не дает нам родовое имя архидьякона Вальтера, или Готье. Но, сверившись со списками прежних духовных чинов Оксфорда, мы нашли там Вальтера Валлингфордского, предполагаемого современника Гальфрида Монмутского. (Прим. П. Париса).

²⁴ Беда Достопочтенный (ок. 672–735 гг.) – бенедиктинский монах англосаксонского происхождения, живший в Нортумбрии, впоследствии канонизирован. Автор трудов по богословию, риторике и грамматике, а также «Церковной истории народа англоv», за которую почитается как «отец английской истории». (Прим. перев.).

даса²⁵ упоминания о государях, чье правление предшествовало рождению Иисуса Христа; и даже ни слова об Артуре и государях, правивших в Британии после воплощения Христова. Однако славные деяния этих королей оставались знамениты во многих странах, где о них слагали благозвучные сказания, словно бы могли подкрепить их письменным свидетельством. Я исполнил пожелание Вальтера, хотя и не был искушен в красноречии и не мог бы наплести ворох изящных оборотов, позаимствованных у сочинителей. Я употребил скромный стиль, мне присущий, и сделал точный перевод бретонской книги. Если бы я украсил ее цветами риторики, я вызвал бы досаду моих читателей, удержав их внимание на моих словах, а не на сути истории. Какова она ни есть, эту книгу, благородный граф Глочестерский, я ныне смиренно преподношу вам. Следуя вашим советам, я намерен ее исправить и довольно проявить в ней ваше благотворное влияние, чтобы она перестала быть ничтожным созданием Гальфрида и стала творением королевского сына, того, в ком мы почитаем видного философа, превосходного ученого, доблестного воина, великого полководца; одним словом, правителя, с приходом которого Англия рада обрести второго Генриха».

Эти строки Гальфрида Монмутского дают нам возмож-

---

²⁵ Гильдас (Гильда) Премудрый (500–570 гг.) – британский проповедник и святой, бритт по происхождению, автор исторического труда «О гибели Британии». (Прим. перев.).

ность выдвинуть первую датировку его книги. Характер похвал, расточаемых графу Глостерскому, подходит для времени, когда этот внебрачный сын Генриха I, не признавая власти своего брата-короля, взялся за защиту прав и интересов своей сестры, императрицы Матильды, графини Анжуйской, – несомненно, в тайной надежде самому получить изрядную долю в наследстве покойного короля-отца. Эта гражданская война, первые успехи в которой сменились долгими невзгодами, еще продолжалась в 1147 году, когда графа Глостерского настигла смерть. Стало быть, Гальфрид Монмутский посвятил ему свою книгу раньше этого срока, а скорее всего, около 1137 года, в начале войны. В то время валлийцы под предводительством того Вальтера Эспека, о котором говорится в хронике Жоффруа Гаймара²⁶, только что одержали знаменательную победу, которая, казалось, предвещала окончательный триумф Матильды и падение ее брата Стефана I. Но после долгой череды неудач, последовавшей за мимолетным успехом 1137 года, Гальфрид, очевидно, уже не стал бы обращаться в тех же выражениях к своему патрону, графу Глостерскому. По крайней мере, ясно, что он даже не дождался смерти этого правителя, чтобы посвятить королю Стефану другой экземпляр своей книги, ныне хранящийся в библиотеке Берна.

---

²⁶ Жоффруа Гаймар – англо-норманнский клирик, историк и поэт, живший в первой половине XII в. Перевел с латыни первую часть «Истории бриттов» Гальфрида, позже на ее основе с привлечением других источников создал собственную стихотворную «Историю англов». (Прим. перев.).

В только что приведенном предисловии содержится несколько явных противоречий. Если Гальфрид перевел бретонскую книгу, только уступив настояниям архидьякона Оксфордского, почему он посвящает ее графу Глостерскому?

Если он ограничился тем, что честно и без чуждых прикрас изложил эту старинную бретонскую книгу, почему он заранее благодарит графа Роберта за добрые советы и за изменения, которым подвергнет эту книгу? Наконец, почему мы находим здесь пророчества Мерлина, уже опубликованные им задолго до того?

Добавлю, что, по его собственному признанию, начиная с одиннадцатой книги, он дополнял предполагаемый бретонский текст личными воспоминаниями Вальтера Оксфордского, этого столь глубокого знатока исторической науки. *Ut in britannico praefato sermone inveni, et a Gualtero Oxinefordensi in multis historiis peritissimo viro audivi*²⁷.

Так что, существовала бретонская книга или нет, очевидно, что Гальфрид Монмутский не довольствовался ее переводом или пересказом: он ее приукрасил, развил и дополнил. Подтверждением тому мы имеем его собственные слова.

Впрочем, я не питаю никаких сомнений, не выдвигаю никаких возражений против существования некой книги, про-

---

²⁷ Как я обнаружил вышеупомянутое на британском языке и слышал от Вальтера Оксфордского, мужа отменно сведущего во многих историях (лат.). (Прим. перев.).

образа и первоисточника книги Гальфрида Монмутского. Я даже весьма склонен согласиться с г-ном Ле Ру де Ленси, автора ценных исследований о происхождении романа *Брут*²⁸, что книгу-оригинал привез из Нижней Бретани Вальтер Оксфордский и что именно благодаря Вальтеру Гальфрид Монмутский ознакомился с ней.

Но осмелюсь утверждать, что книга, привезенная из Малой Бретани, либо никогда не была написана по-бретонски, либо сразу по прибытии в Англию была переведена Гальфридом Монмутским на латынь. И эта книга – в точности та самая, которую именуют хроникой Ненния²⁹.

Как мы только что видели, Гальфрид Монмутский удивляется, что не читал ни у Беда Достопочтенного, ни у Гильдаса Премудрого ничего, что относилось бы к древним бретонским королям и даже к прославленному и всеми любимому Артуру. В самом деле, ни Беда, ни Гильдас не говорят обо всем этом ни слова, а если бы Гальфрид Монмут-

---

²⁸ Стихотворный «Роман о Бруте» (1155 г.) – произведение нормандского поэта Васа, написанное по-французски и посвященное мифической истории Брута, потомка Энея и предка британских королей. Многие мотивы этого романа взяты из книги Гальфрида Монмутского. В этом романе впервые появляется образ Круглого Стола, столь популярный в позднейших рыцарских романах. Король Утер-Пендрагон якобы собственноручно изготовил стол круглой формы, за которым все равны, чтобы избежать распрей и обид среди своих воинов. Позже это изобретение стали приписывать Мерлину. (Прим. перев.).

²⁹ Ненний – валлийский монах и историк IX века, автор книги «История бриттов». В русскоязычном переводе эта книга издана как дополнение к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (см. список литературы). (Прим. перев.).

ский смог прочитать «Церковную историю» Ордерика Виталия, увидевшую свет в то время, когда сам он принимался за работу, он бы и там ничего не нашел об этих королях и героях. Но было все же одно повествование, задолго до «Церковной истории» Ордерика, из которого он, Гальфрид Монмутский, наверняка узнал большую часть тех самых имен и которое имел под рукой, поскольку мог переносить оттуда целые фразы в собственное сочинение. Это и была хроника Ненния, в самых древних списках безымянная, а в некоторых других приписываемая Гильдасу Премудрому. Несмотря на более позднюю датировку рукописей (самые старые относятся к середине двенадцатого века), невозможно отрицать, что сочинена она в очень отдаленную эпоху. Она восходит к девятому веку, а в самом верном ее тексте – к 857 году или же, согласно гг. Пэрри и Дж. Шарпу, к 858, к четвертому году правления Св. Эдмунда, короля Восточной Англии. Но она, вероятно, не была известна в Англии до двенадцатого века; ибо первые два историка, которые на нее ссылаются, – это Вильям Мальмсберийский и Генрих Хантингдонский. Мальмсбери взял из нее историю о любви Вортигерна к прекрасной Ровене³⁰, дочери Хенгиста, и все, что он считал нужным упомянуть о древнем вожде бретонцев Артуре. «Сей Артур, – говорит он, – родоначальник стольких глупых бретонских небылиц; однако вполне достоин внушить вместо лживых рассказней и подлинное к себе почтение, будучи

---

³⁰ В русскоязычном издании – Ронуэн. (Прим. перев.).

когда-то благородной опорой шаткой своей отчизны и отважным зачинателем сопротивления иноземному гнету»³¹.

В этом высказывании Вильям Мальмсберийский, как нам кажется, выражает двоякого рода сожаление: и о краткости Ненния, и о феерическом многословии Гальфрида Монмутского, ставшем уже чрезвычайно модным. Последние строки Монмута не оставляют сомнения в том, что *Historia Britonum* появилась раньше, чем *Historia Regum Anglorum* Мальмсберийского. «Я завещаю труд рассказать о саксонских королях, которые правили в Уэльсе, – говорит он, – Карадоку Лланкарфанскому, Вильяму Мальмсберийскому и Генриху Хантингдонскому. Однако я заклинаю их хранить молчание о королях бретонских, пока они не увидят бретонскую книгу, привезенную Вальтером Оксфордским, которую я перевел на латинский язык». Но эта якобы бретонская книга определенно была, повторяю, краткой латинской хроникой Ненния, и Гальфрид тешил себя иллюзией, думая, будто он один об этом знает; ведь Мальмсбери, прежде чем в последний раз приложить руку к своей бесценной истории английских королей, смог с нею свериться и распознать, что чистосердечно рассказал старый летописец, а что самовольно добавил туда Гальфрид Монмутский.

Но пока Мальмсбери учинял такое испытание историческому здравомыслию, два других современника-летописца,

---

³¹ De Gestis Angliae Regum [О деяниях английских королей (лат.)], кн. I. (Прим. П. Париса).

Генрих Хантингдонский и Альфред Беверлийский, принимали рассказы того же Гальфрида на веру. Первый, дабы утешиться, что узнал их слишком поздно, свел их в эпистолу, приложенную к новейшим спискам с его труда; второй воспроизвел всю *Historia Britonum* фразу за фразой, если не слово в слово³².

Я возвращаюсь к Неннию. Уортон и лучшие критики единомышленны в том, чтобы рассматривать хронику, носящую это имя, как творение армориканского бретонца, а г-н Томас Райт убежден, что этот текст попал в Англию лишь в первой половине двенадцатого века³³. Более того, с проникательностью, которая, думается нам, могла бы привести его и к другим прозрениям, мой ученый друг установил, что у Гальфрида Монмутского была перед глазами эта хроника двенадцатого века и что он даже буквально списывал оттуда целые фразы и страницы. Так, например, Гальфрид присовокупля-

---

³² Alvredi Beverlacens. Annales, seu Historia de gestis regum Britanniae, lib. IX [Альфред Беверлийский. Анналы, или История деяний королей Британии в девяти книгах (лат.)]. (Прим. П. Париса).

³³ «Самое примечательное обстоятельство, связанное с ранними рукописями Ненния, состоит в том, что они, по-видимому, были написаны за рубежом и на самом деле никогда не были в Англии... И вправду, из всех рассуждений следует, что эта книга была в Англии новинкой, когда попала в руки Вильяму Мальмсберийскому и Генриху Хантингдонскому; и нам вполне позволительно предположить, что она была привезена из Франции». (On the literary history of Geoffroy of Monmouth. London, In-4, 1848, f. 7). Это мнение тем более ценно, что г-н Райт не выводит никакого следствия из континентального происхождения [книги] Ненния и ее запоздалого появления в Англии. (Прим. П. Париса).

ет к пути, проделанному троянцем Брутом, историю из Ненния о походе одного египетского вождя, который якобы заселил Ирландию. Вот для начала Ненний:

«И он сорок два года странствовал со своими по Африке; миновав Озеро Солеварен, пришли они к Филистинским Алтарям и, пройдя мимо Рузикады и гор Азарских, миновали реку Мальву и, перейдя Мавританию, достигли Геркулесовых Столбов, и пустились по Тирренскому морю³⁴», и т. д. (§ 15).

А вот Гальфрид Монмутский (кн. 1, § 17): «И после тридцатидневного плавания достигли берегов Африки... Затем они подошли к Алтарям Филистимлян и к Озеру Солеварен и проплыли мимо областей Руссикады и гор Азары... Переправившись затем через реку Мальва, они пристали к берегам Мавритании... Нагрузив захваченным свои корабли, они направились к Геркулесовым столбам... Они все же ускользнули от них и вошли в Тирренское море».

Эти географические данные, точность которых Гальфриду, пожалуй, было бы трудно проверить и которые он просто добавляет к мифическому путешествию Брута, чтобы раздуть бретонскую легенду за счет легенды ирландцев, вполне очевидно принадлежат перу единственного из двух авторов, а именно Ненния, старейшего из них. И многие

---

³⁴ Пер. с латинского А. С. Бобовича. Здесь и далее цит. по изданию: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: Наука, 1984. (Прим. перев.).

другие фразы не дают усомниться в воздействии первой истории на вторую: например, рассказ о появлении Амброзия (у Гальфрида – Мерлина) при дворе Вортигерна; описание пира, на котором прекрасная Ровена, дочь Хенгиста, пьет за здоровье бретонского короля. Но если учесть, что Гальфрид Монмутский, имея перед глазами хронику Ненния, мог говорить будто бретонская книга – единственная, где сохранилась память об Артуре и его предшественниках, придется вполне естественно усомниться в его полной искренности и поискать причины подобному притворству. Так мы без особых усилий придем к догадке, что эта латинская хроника Ненния и была исходным текстом или переводом бретонской книги, привезенным с материка архидьяконом Оксфордским. Этой гипотезе не стоит опасаться сверки с бретонской книгой, сохранившейся под названием *Brut y Brennined*; поскольку сейчас общепризнано, даже среди бретонских любителей древностей³⁵, которых их страстность завела весьма далеко от реальности, что эта вторая книга есть не что иное, как перевод *Historia Britonum* Гальфрида Монмутского, перевод относительно недавний, по мнению лучших экспертов, гг. де Курсона и де ла Борде-

---

³⁵ Мне очень жаль, что я вынужден исключить из их числа моего многоопытного и ученого друга, г-на де ла Вильмарке, который упорно придерживается всех положений У. Оуэна. (Прим. П. Париса). Эрсар де ла Вильмарке в 1860 г. издал объемистый аналитический труд *Les Romans de la Table Ronde et les Contes des anciens Bretons* [Романы Круглого Стола и легенды древних бретонцев]. (Прим. перев.).

ри, у которых я потрудился спросить совета. Правда, если сослаться на свидетельство Уильяма Оуэна, главного редактора *Mynyrian Archaeology of Wales*, то якобы до конца прошлого столетия дошел собственноручный манускрипт архидьякона Оксфордского, в конце которого можно прочесть: *Я, Вальтер, перевел эту книгу с валлийского на латынь, а в старости моей перевел с латыни на валлийский*. Но не может ли быть, что следует опустить первую часть этой фразы и ограничиться второй: *в старости моей перевел с латыни на валлийский*? Иначе для нас непостижимо, зачем Вальтеру, владельцу и первооткрывателю бретонского оригинала, понадобилось перевести его на латынь, а потом с собственного перевода обратно на валлийско-бретонский. В любом случае этот перевод Вальтера Оксфордского, латинский или бретонский, относится лишь к самой книге Гальфрида Монмутского, а не к той, которая ее породила.

У нас есть и другие способы показать, что Гальфрид постоянно имел перед глазами хронику Ненния и не пользовался никаким другим письменным текстом. Вначале, как и Ненний, он придает острову Бретань столько же миль в длину и в ширину; как и Ненний, он описывает плодородие, общий вид, горы, реки, побережье этого края; он ничего не меняет в хронологии первого автора, от легендарного Брута и до сказочного Артура. Только вместо одного слова или строчки, посвященных каждому королю, Гальфрид пишет по целой строке на слово, а вместо одной фразы – параграф

или главу. Все у него становится материалом для дальнейшего развития. Если вы сравните его текучую речь с первоисточником, вы увидите, как тот оказался напитан то затверженной школьной премудростью, то национальными легендами, бытовавшими у певцов и жонглеров островной и материковой Бретани; но не другими бретонскими или валлийскими книгами, коих, возможно, еще и на свете не было. Но особенно часто Гальфрид прибегает к латинским сказаниям, черпая оттуда краски, наносимые на первоначальную основу. Путешествие Брута и появление сирен взяты из *Энеиды*. Жрица Дианы, задержавшая Брута, чтобы предсказать ему судьбу, списана с одной главы Солина³⁶. История Утер-Пендрагона и Игрейны – плагиат из мифа об Амфитрионе. Король Бладуд со своими восковыми крыльями – это Дедал из *Метаморфоз*. Битва Артура с великаном с горы Святого Михаила – имитация битвы Геркулеса с Каком. Вряд ли кому придет в голову, что все эти прекрасные эпизоды, оставленные Неннием без внимания, могли оказаться в книге, написанной на нижнебретонском наречии задолго до двенадцатого века. Но нетрудно принять, что человек искусный, каковым и был на деле Гальфрид Монмутский, мог прибегнуть к Вергилию, к Овидию, чтобы расцветить узорами простую основу Ненния, и всегда легко удастся распознать долю каждого из них. Так сверкающие краски витража не мешают просле-

---

³⁶ Гай Юлий Солин – римский писатель III века н. э., автор трактата по географии «Собрание достопамятных сведений». (Прим. перев.).

дить свинцовые швы, которые его оправляют и удерживают. Однако я не хочу сказать, что Гальфрид Монмутский обязан всем, что он прибавил к Неннию, одним только латинским поэтам: он взял из местных преданий то, что написал о друидических камнях Стоунхенджа, перевезенных с ирландских гор на равнину Солсбери; из бретонских лэ почерпнуты еще трогательная история короля Лира, последняя битва Артура, его смертельное ранение и отплытие на остров Авалон.

Вот последнее доказательство тесных уз, связывающих хроники Ненния и Гальфрида. Первая останавливается на перечислении двенадцати битв Артура³⁷. С этого места Гальфрид, предвидя нужду в другом провожатом, извещает нас, что он дополнит найденное им в бретонской книге услышанным из собственных уст архидьякона Оксфордского. Мог ли он яснее признаться в том, что лишился посоха, на который до сих пор опирался? Ведь, повторив народные легенды во всем, что касалось Артура, он лишь бегло упоминает о событиях, связанных с историей англо-саксонского завоевания. Он принимает как есть известные рассказы, не прибегая вновь к своим школярским воспоминаниям, чтобы исказить

---

³⁷ Все, что следует за этим местом в рукописи хроники Ненния, уже к делу не относится. Это добавления, которые переписчики даже старались хорошенько отделить от предыдущего; такие как житие Св. Патрика, рассказ о миссии Августина, и т. д., и т. п. Я рад был увидеть, что мое мнение об истинной датировке хроники Ненния разделяют гг. Пэрри и Дж. Шарп. «Есть веские основания полагать, что все, содержащееся в *Historia Britonum* после перечисления подвигов Артура, – это последующая вставка». (*Monumenta historica Britannica*, т. I, предисловие, стр. 64). (Прим. П. Париса).

их. Это был единственный способ придать им некую совместимость с легендами, собранными прежде. В самом деле, возникало искушение отчасти поверить этим легендам при виде того, как близок их собиратель к рассказам всех прочих историков, говоря о временах более знакомых.

Но здесь я предвижу возражение даже со стороны тех, кто, подобно мне, всей душой расположен видеть в труде Ненния первоисточник *Historia Britonum*. Почему бы нам не признать без колебаний, что эта хроника Ненния была написана по-бретонски и в таком виде привезена с материка в Англию?

Я отвечу, что Ненниева латынь скорее выдает не перевод двенадцатого века, а подлинник девятого, и что вряд ли ее можно приписать без оглядки таким церковным чинам, как Вальтер Оксфордский или Гальфрид Монмутский. Эта латынь сохраняет всю закоснелость, весь облик второй половины девятого века; однако она напоминает творение человека, не привыкшего писать по-латыни; живя во времена, когда единственными читателями были церковники, когда никто еще и думать не мог написать книгу по-бретонски, он кое-как изложил на латыни то, что наверняка выразил бы яснее на привычном ему наречии. Латынь Григория Турского, Фредегара³⁸ и монаха из Санкт-Галлена³⁹, современни-

---

³⁸ Франкский летописец VII в., автор «Хроники Фредегара». (Прим. перев.).

³⁹ Санкт-Галлен – город в Швейцарии, возникший в VII в. вокруг бенедиктинского монастыря Св. Галла. Монастырь назван в честь ирландского монаха, его основателя, мощи которого покоятся в местной базилике. Монастырь славился своей библиотекой, и его монахи изготовляли множество рукописей. Извест-

ка Ненния, – это не латынь Сюжера, Мальмсбери или Гальфрида Монмутского. Впрочем, если бы книга была бретонской, как бы удалось Гальфриду Монмутскому воспроизвести многие места, буквально совпадающие в латинской версии? Кто-то еще, возможно, скажет, что архидьякон Вальтер мог перевести бретонскую книгу, а Гальфрид следовал этому переводу; но, повторяю, архидьякон перевел бы ее не столь неуклюжей латынью. И потом, решив однажды сделать вид, что есть некий бретонский текст, чтобы было чем разбавить ее содержимое, Гальфрид наверняка желал скорее сокрытия, чем приумножения той книги, которая разоблачила бы его собственные выдумки. И можно заключить, что если он присвоил из нее так много, значит, был уверен, что экземпляр, бывший у него на руках, никому и никогда не будет известен.

Кроме того, остаются в полной силе и другие возражения, которые можно выдвинуть против существования бретонской хроники девятого века. Для кого могла быть написана эта книга? Для тех, кто понимал только по-бретонски? Но они так же не умели читать по-бретонски, как и по-латыни. Читать учились, только принимаясь за латынь, и именно умением читать духовные лица отличались от всех прочих французов, англичан и бретонцев⁴⁰. Предположим обратное:

но, какого монаха имел в виду Парис. (Прим. перев.).

⁴⁰ Однако я не собираюсь отрицать, что некоторые бретонские предания могли быть записаны даже раньше, чем предпринята попытка написать книгу по-французски. Хотя мне не случалось это видеть, это вполне возможно: бретонским вождям и их бардам могло понадобиться зафиксировать письменно неко-

что в девятом веке некоему церковнослужителю пришла в голову хорошая идея пойти по стопам Беда Достопочтенного, записав на единственном в ту пору литературном языке подлинные или выдуманные предания своих соотечественников; и трудности, которые нас смущали, тут же исчезают. Эта хроника, редко копируемая в Нижней Бретани, где она родилась, лишь в двенадцатом веке будет занесена в островную Бретань руками архидьякона Оксфордского; Гальфрид Монмутский получит доступ к ней и, полагая, что она совершенно неизвестна, возьмет ее за основу более крупного сочинения. Но поскольку, если бы он признал источник, откуда черпал, с него могли бы спросить за все им добавленное, он заранее предупредит возражения, допустив существование другой книги, совершенно отличной от той, что у него на руках.

При этом если ни первопроходец Гильдас, ни Беда Достопочтенный ничего не говорили о бретонских королях, упомянутых в хронике Ненния, то истолковать их молчание очень легко. Все эти царственные особы, мифические потомки троянского Брута, были пока известны только в маленькой Бретани, где их превратили в естественных сопер-

---

торые пророческие стихи, генеалогические списки, местные легенды и суеверия. Но если эти записки и были во времена Гальфрида, можно с уверенностью сказать, что он к ним не обращался и нигде не позволяет заподозрить, что он знал эти триады, эти валлийские поэмы с пятого по одиннадцатый век, по поводу которых вышло так много шума и так мало толку. (Прим. П. Париса).

ников Франка и Бавона⁴¹ из французских и бельгийских легенд. Если Беда ни разу даже не написал имени Артура, это может быть, оттого, что память о бретонском герое сохранялась только среди обитателей Уэльса и Арморики. Беде, англосаксу по происхождению, и не было нужды вникать в бретонские сказки, описывая историю англичан⁴². Что же до святого Гильдаса, ему нечего было сказать об отважных попытках Артура противостоять натиску англичан на тех немногих страницах, где перечислены несчастья и грехи его соплемен-

---

⁴¹ Франк – легендарный основатель династии Меровингов, предок Карла Великого, также ведущий свою родословную от троянцев. Бавон Гентский (622–659) – святой, почитаемый и в католической, и в православной традиции. (Прим. перев.).

⁴² Мне кажется, тем не менее, что стоит отметить довольно очевидный пропуск в «Церковной истории» Беды как раз в том месте, где могло стоять имя Артура, вождя бретонских воинов, во времена правления Аврелия Амброзия. Это в главе XVI его первой книги, которая заканчивается так: «Вождем их в то время (ок. 450 г.) был некий Амброзий Аврелиан... Под его водительством бритты собрали силы, вынудили своих победителей к битве и с помощью Божьей победили. С того времени побеждали то бритты, то их противники, до года битвы у горы Бадон, где бритты сразили немало число своих врагов спустя сорок четыре года после прибытия тех в Британию. Но об этом после». [Здесь и далее цит. по изд.: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов / Пер.: В. В. Эрлихман. СПб.: Алетейя, 2001]. Здесь речь идет о победе у Бата, или у горы Бадон, честь которой все дружно приписывают Артуру. Однако после слов *но об этом после*, которые надо понимать как *но об этом мы поговорим после*, следует ожидать, что Беда вернется к этим важным событиям в последующих главах. Между тем там об этом ничего нет: он переходит к истории пелагианской ереси, рассказывает, как бретонцы победили благодаря молитве и храбрости святого Германа, затем переходит к обращению саксонцев, начавшемуся почти через сто лет после победы при горе Бадон. (Прим. П. Париса).

ников. Тем не менее, Артур существовал: он действительно боролся против вторжения саксонцев, и память об этих славных битвах хранилась в памяти бретонцев, укрывшихся кто в горах Уэльса, а кто в области Франции, населенной их бывшими соотечественниками.

Он стал героем множества лэ, основанных на реальных подвигах. Но народная фантазия не замедлила преобразить его: с каждым днем прославлявшие его лэ претерпевали все более причудливые превращения. Из более-менее удачливого защитника своей островной родины он стал таким образом победителем саксонцев; правителем трех королевств; покорителем Франции, Исландии и Дании; грозой римского императора. Более того, избавив его от общей участи, феи перенесли его на остров Авалон; они якобы держат его там, чтобы однажды он возвратился в мир и дал бретонцам их былую независимость. Таким Артур был уже в бретонских песнях, задолго до сочинения Гальфрида Монмутского. Эти песни, особенно распространенные в Арморике, с большим интересом слушали по всей Франции в то самое время, когда победа норманнов обеспечила им столь же благожелательный прием в Англии. Именно тогда Гальфрид Монмутский, опираясь на безыскусную хронику Ненния, ввел эти сказочные предания в латиноязычную литературу, откуда они вскоре перешли в наши Романы Круглого Стола.

Но в области подлинной истории Ненний занимает то место, на которое лишил себя права Гальфрид. Если он и

собрал немало сказочных легенд, он сделал это от чистого сердца. В его книге больше узнаются плоды драгоценной и неподдельной памяти. Страсть Вортигерна к дочери Хенгиста, коварство саксонцев, тщетные усилия бретонцев изгнать этих страшных союзников – все это из области реальных фактов. Автор, чуждый приемам литературной композиции, с полным простодушием доводит до нас оба мнения о происхождении бретонцев, бытовавшие в его время. «Одни, – говорит он, – производят нас от Брута, внука Троянца Энея; другие утверждают, что Брут был внуком Алена, того из потомков Ноя, который пришел населить Европу». Вот так, хоть и донося отголоски народных сказаний, Ненний не склоняется в пользу ни одного из них и соблюдает ту меру, которую можно ожидать от честного историка. Он даже говорит не о Мерлине, а о некоем Амброзии, от которого произвели первоначальное имя мифического пророка бретонцев. Для Ненния Амброзий еще не сверхъестественное существо, это сын римского графа или консула. Он не рассказывает о любовных делах Утер-Пендрагона и Игрейны, об этой новой версии Овидия. Он довольствуется рассказом об Артуре, который стоял во главе бретонских войск и одержал двенадцать славных побед над врагами своего отечества. «Во времена Окты, сына Хенгиста, – читаем мы в конце его книги, – Артур сопротивлялся Саксам или, скорее, Саксы нападали на бретонских королей, у которых Артур был предводителем их войск. Хотя были Бретонцы и знатнее его, он

двенадцать раз был избран, чтобы возглавить их, и столько же раз одержал верх. Первая из этих битв была в устье реки Глейн (на краю Нортумбрии); четыре последующих на другой реке, которую Бретонцы называют Дуглас (у южного края Лотиана); шестая на реке Бассас (близ Норт-Бервика); седьмая в Целидонском лесу (возможно, Калидонском или Каледонском); восьмая у замка Гурмойс (близ Ярмута). В тот день Артур носил на своем щите образ Пресвятой Девы, Богородицы, и милостью Господа нашего и святой Марии он обратил в бегство Саксов и долго преследовал их, учинив им великое побоище. Девятая была в городе Легиона, называемом Карлион (Эксетер); десятая на песках у реки Риброит (в Сомерсетшире); одиннадцатая на горе под названием Агнед Кабрегониум (Кэтбери); наконец, двенадцатая, о которой долго и оживленно спорили, у горы Бадон (Бат), где ему удалось утвердиться. В этой последней битве он собственноручно убил девятьсот сорок врагов. Бретонцы одержали верх во всех этих баталиях; но никакая сила не могла превозмочь предначертания Божьего. Чем более Саксы терпели неудач, тем более они просили подкрепления у своих братьев из Германии, которое непрестанно прибывало до времен Иды, сына Эоппы и первого правителя саксонского племени, который воцарился в Бернике и в Йорке».

Тому, что мы находим о бретонском герое в книге Гальфрида Монмутского, далеко до этого свидетельства, возможно, вполне исторически достоверного.

Г-н Томас Райт уже совершенно признал, что большая часть добавлений к Неннию, внесенных английским бенедиктинцем, не могла быть переведена с некой бретонской книги. Пройдемся беглым взором по этим добавлениям. История Брута, или Брутуса, изложена здесь с такой уверенностью и ясностью, как будто речь идет о современном правителе. Нам приводят его письма, прения его совета, речи его собственные и обращенные к нему, чествования на его свадьбе. Прежде чем войти в возраст своих дальних странствий, подновленных странствий из Энеиды, он причаливает к галльскому побережью, где Турн, один из его капитанов, строит город Тур – как уже поведал Гомер, прибавляет Гальфрид. Разумеется, никто во времена Гальфрида не был способен отыскать у Гомера упоминание подобного факта. Но рассказчик прекрасно знал, что ему поверят на слово⁴³. Наконец, герой прибывает на остров Альбион, указанный оракулом Дианы как конечная цель и награда за его труды. Он нарекает эту страну своим именем и перед смертью возводит большой город, который называет Новой Троей, или *Триновантом*, в память о Трое: имя, впоследствии замененное на *Лондон*. «Из *Лондона*, – добавляет Гальфрид, – чужеземцы (то есть, очевидно, норманны) сделали *Лондр*⁴⁴».

---

⁴³ Пожалуй, эту небылицу можно будет найти в «Романе о Трое» Бенуа де Сент-Мора, поэта-современника Гальфрида Монмутского. (Прим. П. Париса).

⁴⁴ *Londres* – так действительно звучит название английской столицы по-французски. (Прим. перев.).

Фантастическая история наследников Брута почерпнута в меньшей мере из Вергилия и в большей – из устных сказаний Бретани. В случае с королем Гудибрасом Гальфрид проявляет довольно неожиданную щепетильность: «Когда этот правитель, – говорит он, – возводил стены Шефтсбери, слышали, как заговорил орел; и я привел бы его слова, если бы этот факт не показался мне менее внушающим доверие, чем вся прочая история» (кн. II, § 9). Пророчества Шефтсберийского орла славились у древних бретонцев: в своей двенадцатой и последней книге Гальфрид будет уверять, несмотря на выраженный вначале скепсис, что в 688 году король Малой Бретани Ален обращался к ним в то же время, что и к книгам Сивилл и Мерлина, чтобы узнать, отдавать ли ему свои корабли под начало Кадвалладру.

После Гудибраса следуют Бладуд, основатель Бата; – Лейр, или Лир, столь прославленный в балладах и у Шекспира; – Бренний, завоеватель Италии; – Элидур, Передур, которых позже присвоят немецкие поэты; – Кассивелаун, противник Цезаря. Наконец, в царствование Луция, около 170 года н. э., христианская вера впервые проникла в Великую Бретань с миссионерами папы Элевтерия. Здесь Гальфрид переводит Ненния и никак не ссылается на другое русло бретонских сказаний, относивших начало евангелических проповедей к Иосифу Аримафейскому, как это показано в романе *Святой Грааль*. Я поясню попозже, почему он обошел их молчанием.

Дальше Гальфрид напомнит, пожалуй, даже с большей скрупулезностью, чем ныне принято, о великом исходе бретонцев в Арморику в эпоху тирана Максимиана: он расскажет историю про одиннадцать тысяч девственниц, а затем про прибытие Константина, брата Альдроена – короля Малой Бретани. Константин провозглашен королем острова Альбион, и вот начиная с истории этого государя Гальфрид Монмутский оказывается соучастником автора или авторов романов о Мерлине и Артуре. Далее я остановлюсь только на тех местах из *Historia Britonum*, которым вторят или подражают наши романисты.

Константин оставил после себя трех сыновей: Константа, Аврелия Амброзия и Утер-Пендрагона.

Старший, Констант, вначале был отослан в монастырь; но Вортигерн, один из главных советников Константина, извлек его оттуда, чтобы объявить королем. При этом слабом и смирном правителе власть Вортигерна была безгранична; и потому он, сам примеряясь к короне, окружил короля-монаха свитой, набранной из пиктов; а эти чужаки под предлогом недовольства, внушаемого честолюбивым сановником, казнили несчастного короля, которого призваны были защищать. Они рассчитывали на благодарность от главного зачинщика преступления; они обманулись. Вортигерн вкусил плоды убийства, но, едва надев корону, велел повесить убийц того, от кого ее получил.

Однако никто не сомневался в том, какую роль он сыграл

в гибели Константа. Опекуны двух других сыновей Константина поспешили обезопасить им жизнь, перевезя их в Малую Бретань, где король Будиций принял их и позаботился дать им образование.

Узурпатор Вортигерн вскоре почувал угрозу: с одной стороны, от пиктов, желавших отомстить за убийц Константа, а с другой – от двух братьев, чей престол он занял. Чтобы предотвратить эту двойную опасность, он призвал на помощь саксонцев. Здесь Гальфрид долго рассказывает вслед за Неннием о прибытии Хенгиста, о любви Вортигерна к прекрасной Ровене, о его раздорах с саксонцами. Но автор романа о Мерлине умолчал обо всех этих подробностях и только повторил вслед за Гальфридом: «Так сделал Анжис и добился, чтобы Вортигер взял одну его дочь в жены, и да будет известно всем, кто слушает этот рассказ, что она была той, которая первой в этом королевстве произнесла: *Garsoil*»⁴⁵.

По Гальфриду Монмутскому, короля Вортигерна приглашают на роскошный пир, и когда он сидит там, дочь Хенгиста входит в зал, держа в руке золотой кубок, полный вина; она подходит к королю, учтиво кланяется и говорит ему: *Lawerd King, Wevs heil*⁴⁶! Король, воспламеняясь внезапно при виде ее несравненной красоты, спрашивает у своего толмача, что сказала юная дама и что ему следует ответить: «Она

---

⁴⁵ «За ваше здоровье» (ст. – фр.). См. роман «Мерлин», стр. 308. (Прим. перев.).

⁴⁶ «Дорогой король, будь здоров!» (древнеангл.) (Прим. перев.).

вас назвала господином королем и предлагает выпить за ваше здоровье. Вам надобно ответить ей: *Drinck heil*⁴⁷! Вортигерн так и сделал, и с того времени в Бретани установился обычай, когда пьют за кого-то, говорить ему *Wevs heil* и от него получать ответ *Drinck heil*». – От этого обычая, вероятно, происходит наше французское слово *trinquet*⁴⁸ и столь известное старинное выражение *vin de Garsoi*, или *Guersoi*, то есть вино, наливаемое для заздравного тоста в конце застолья. Впрочем, это пусть англичане нам нынче скажут, какая форма слова лучше: *Garsoil* или *Wevs heil*, и насколько у них еще почитают этот древний и патриотический обычай.

Вортигерн, жертва доверия, оказанного им саксонцам, удалился в Камбрию или Уэльс. Тогда его колдуны или астрологи посоветовали ему возвести башню, достаточно мощную, чтобы не бояться никаких своих врагов. Местом для этого строительства он выбрал гору Эрири; но каждый раз, как постройка начинала подниматься, камни рассыпались и рушились один за другим. Король требует от своих колдунов наложить заклятие на это чудо; сверившись со звездами, они отвечают, что надо найти ребенка, рожденного без отца, и окропить его кровью камни и раствор, идущие в дело. На поиски ребенка отряжают посланников; однажды, проходя по городу, называемому с тех пор Каэрмердин⁴⁹, они замеча-

---

⁴⁷ «Пью за здоровье!» (древнеангл.) (Прим. перев.).

⁴⁸ Чокаться, выпивать. (Прим. перев.).

⁴⁹ Каер-Merdin, город Мердина; ныне Кармарген в Южном Уэльсе. (Прим.

ют нескольких юнцов, играющих на площади; и тут же разгорается спор: «Ты еще смеешь пререкаться со мной! – сказал один из них. – Разве мы по рождению ровня? Во мне королевская кровь и по отцу, и по матери. А ты вообще неизвестно кто; у тебя никогда не было отца». Услышав эти слова, посланники подошли к Мерлину; они узнали, что ребенок в самом деле никогда не знал своего отца и что мать его, дочь короля Деметии (Южный Уэльс)⁵⁰, жила уединенно при церкви Св. Петра, среди монахинь. Мать и сына тотчас доставили к Вортигерну, и дама ответила, будучи допрошена: «Мой властительный сеньор, клянусь вашей и моей душой, я совершенно не знаю, что со мною случилось. Знаю только, что однажды, сидя с моими подружками в наших покоях, я увидела перед собой прекраснейшего юношу, который обнял меня, поцеловал, а после исчез. Много раз он приходил опять, когда я была одна, но не появлялся на глаза. Наконец, я его видела несколько раз в облике мужчины, и он оставил меня с этим ребенком. Клянусь вам, что никогда я не имела сношения ни с кем, кроме него». Удивленный король призвал мудреца Могантия. «Я нашел, – сказал тот, – в книгах философов и в преданиях древности, что многие люди рождены таким образом. Апулей учит нас в книге о Демоне Со-

---

П. Париса).

⁵⁰ Деметия (с начала V в. – Дивед) – область на юго-западе Уэльса, населенная кельтским племенем деметов. (Прим. перев.).

краты⁵¹, что между луной и землей обитают духи, коих мы зовем *инкубами*. В них есть нечто и от человеческой природы, и от ангельской; они могут по своей воле принимать человеческий облик и общаться с женщинами. Возможно, один из них посетил эту даму и заронил дитя в ее лоно⁵²».

И история о двух драконах, обнаруженных в основании башни, и их жестокая схватка, и толкования, данные Мерлином, и постройка высокой башни, – все было у Ненния, прежде чем Гальфрид Монмутский это развернул, а Роберт де Борон в точности воспроизвел. Посреди своего рассказа Гальфрид вставляет пророчества Мерлина, которые, по его словам, он перевел с бретонского по просьбе Александра, епископа Линкольнского. Эти пророчества добавлены в до-

---

⁵¹ Любопытно, что у Апулея это сочинение называется «О Божестве Сократа», хотя речь там действительно идет о демонах. (Прим. перев.).

⁵² Гальфрид Монмутский, который уж точно нашел это рассуждение не в старинной бретонской книге, вернется к разговору об этом классе духов-посредников в поэме *Vita Merlini*: *At cacodaemonibus post lunam subtus abundat, Qui nos decipiunt et temptant, fallere docti, Et sibi multotiens ex aere corpore sumpto Nobis apparent, et plurima saepe sequuntur; Quin etiam coitu mulieres aggrediuntur Et faciunt gravidas, generantes more prophano. Sic igitur coelos habitatos ordine terno Spirituum fecit...* (*Vita Merlini*, v. 780). [Ниже простор под луной зловредных демонов полон: Нас искушают они и морочат, обманам учены, Часто, себе сотворив из воздуха тело, воочью Демон является нам и с нами ведет разговоры; К женщинам даже порой приходят они для соитья, Так что, понесши от них, те рожают в нечестье и в сраме. Вот как устроил господь небеса и тройному сословью Духов назначил в них жить... (Пер. А. С. Бобовича)]. Апулей, в любопытной книге о Демоне Сократа, в самом деле говорит об этих полудемонах, но он умалчивает про *инкубов*, о чьи деяниях и подвигах напоминает св. Августин в XV книге своего труда *О граде Божием*. (Прим. П. Париса).

вольно многие списки романа о Мерлине; но невозможно отрицать, что они суть творения Гальфрида Монмутского, по крайней мере, в своей латинской форме. Как и бретонские лэ, они хранились в памяти арфистов и певцов из народа; и из этих-то зыбких и мимолетных баек, какими и подобает быть пророчествам, Гальфриду надо было извлечь ту версию, которая осталась нам и вскоре получила такой широкий отклик во всей Европе⁵³.

Вот еще эпизоды из *Historia Britonum*, которые присвоил автор романа о Мерлине и которые Гальфрид нашел не у Ненния.

После первого испытания Мерлиновой мудрости Вортигерн желает узнать, что еще ему может грозить и какой смертью он умрет. Мерлин советует ему избегать огня от сыновей Константина. «Эти королевичи уже плывут к берегам Британии; они изгонят Саксонцев, они вынудят тебя искать убежища в башне, которую предадут огню. Хенгист будет убит, Аврелий Амброзий коронован. Наследовать ему будет его

---

⁵³ Вера в пророчества Мерлина в Средние века была огромна. Ученые посвящали целые тома их толкованию и поискам примеров их исполнения. Например, в них находили предсказание спасения Франции девой (Жанной д'Арк). Дошло до того, что в XIV веке английский король Эдуард III обосновывал пророчеством Мерлина свои претензии на корону Франции. Только с XVI века отношение к этим текстам становится прохладным, а затем они вызывают и прямые насмешки. У Шекспира их высмеивает шут короля Лира, а Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» говорит об одной загадке «в стиле пророка Мерлина»: «вычитывайте в ней любые иносказания, придавайте ей самый глубокий смысл, выдумывайте, сколько вашей душе угодно». (Прим. перев.).

брат Утер-Пендрагон».

События подтверждают его предсказание; но у романиста Мерлин вмешивается постоянно и более решительно. Перевозка камней из Ирландии на равнину Солсбери, тех самых камней, известных под названием *Стоунхендж* или *Пляска великанов*, лучше и подробнее рассказана у Гальфрида; это событие приурочено к правлению Амброзия-Утера, который таким образом решил освятить место погребения убитых саксами бретонцев, чьи тела лежали на равнине; тогда как у романиста эти камни прибывают немного позже и ставятся вокруг могилы самого короля Амброзия, старшего брата Утер-Пендрагона.

Опять же у Гальфрида романисты позаимствовали историю любовной связи Игрейны и Утера и рождения Артура. Но у латиниста Артур наследует своему отцу, не проходя испытания мечом, вонзенным в наковальню на каменной плите.

Многих второстепенных героев наших романов Гальфрид упоминает, но весьма бегло; это наводит на мысль, что их популярность была еще не особенно велика. Таковы три брата Лота, Уриен и Агизель Шотландский. Лот, женатый здесь на сестре Артура, как и в романах, имеет двух сыновей: знаменитого Вальвания, или Гавейна, и Мордред, который предаст своего дядю Артура. Артур женится на Геневере (прекрасной Гвиневре⁵⁴), наследнице знатного римского рода.

---

⁵⁴ Имя Гвиневы, одного из главных женских образов Артурианы, производит-

Первым его противником становится норвежец Рикюльф, он же король Рион, который в романе об Артуре пожелает прибавить к двадцати четырем королевским бородам на своей мантии бороду короля Леодагана Кармелидского, отца Гвиневры. Фролло, король Галлии, тоже проигрывает Артуру, а вскоре после этого римский император Луций вторгается на равнины Лангра и собственной жизнью платит за то, что имел дерзость объявить войну Бретонцам.

Прекрасное описание празднования коронации Артура, плод воображения и классического образования Гальфрида, не повторяется в романе, где оно, возможно, было бы уместнее. Но французские сказители позаимствовали у Гальфрида историю о схватке Артура с великаном с горы Святого Михаила. Через несколько дней после великой победы, одержанной над римлянами и галлами, Артур получает известие о бунте Мордреда и неверности Гиневры. Убив своего племянника, он сам оказывается смертельно ранен, и его переправляют на остров Авалон, на котором, как дает нам понять Гальфрид, не говоря об этом прямо, феи исцелили его от ран и держат наготове ради грядущего освобождения бретонцев.

Мы не станем проследивать *Historia Britonum* после смерти Артура. Две последние книги относятся к наследникам бретонского героя и уже не представляют интереса для изучения собственно Романов Круглого Стола. Нам достаточно было упомянуть те эпизоды латинской книги, которыми яв-

но воспользовались романисты. То, что Гальффрид Монмутский говорит о Геневере, якобы она презрела свой прежний брак и взяла в супруги Мордреда, доказывает, что этот историк или, скорее, сказитель не имел никакого понятия о романе про Ланселота. Впрочем, его пропуски в длинном списке именитых персон, бывших на празднике в честь коронации Артура, также позволяют думать, что большинство героев Круглого Стола – Ивейн, Агравейн, Лионель, Галеот, Гектор Болотный, Сагремор, Бодемагус, Блиоберис, Персеваль, Тристан, Паламед, король Марк, прекрасная Изольда и Вивиана – не существовали или, по крайней мере, еще не вошли в литературные сочинения. То же можно сказать и о самом Круглом Столе, о котором Гальффрид не обмолвился ни разу. Утер-Пендрагон, Артур и Мерлин – вот три портрета, первыми набросками к которым он обеспечил романистов, и, выйдя отсюда, они попали во все те прекрасные легенды, которыми много веков подряд будет пленяться весь мир.

Historia Britonum произвела огромное впечатление во Франции и в Англии. Ее переписывали множество раз; все церковники желали немедленно получить ее в руки. Гальффрид Монмутский, вскоре после этого назначенный епископом Сент-Асафским, получил прозвище «Артуров» [d'Arthus], по имени героя, славу которого он увековечил⁵⁵. Его книга была своего рода неожиданным открове-

---

⁵⁵ В предисловии к русскому переводу «Истории бриттов» утверждается, что Гальффрид был сыном капеллана по имени Артур; в таком случае речь должна

нием для Генриха Хантингдонского, для Альфреда Беверлийского, для Робера из Мон-Сен-Мишеля⁵⁶, которые ничуть не усомнились ни в существовании бретонского оригинала, ни в точности перевода. Но не везде эти фантастические истории были приняты с одинаковым доверием. В самом Уэльсе, если и не в исходном, то во вторичном источнике бретонских вымыслов, нашлись возражения, автор которых, современник, вообще весьма доверчивый по натуре, – Гиральд Уэльский, или Камбрийский, – выступил проводником идей довольно забавного свойства. А именно, он говорил про одного валлийца, обладавшего способностью вызывать и заклинать злых духов. Этот человек, узнав, что один из его соседей одержим бесами, догадался положить на грудь больного Евангелие от Иоанна; бесы тотчас разлетелись, как стая птиц. Он решил, не сходя с места, произвести другой опыт: вместо Евангелия он положил книгу Артура Гальфрида; бесы сейчас же вернулись толпой, покрыв всю книгу и тело одержимого, и стали мучить его гораздо сильнее, чем прежде⁵⁷. Испытание как нельзя более убедительное, надо признать.

Но еще одним свидетельством, куда более почтенным для критического разума современников Гальфрида Монмут-

---

идти не о прозвище, а об обычном родовом имени. (Прим. перев.).

⁵⁶ Робер де Ториньи, первый аббат монастыря Сен-Мишель. (Прим. перев.).

⁵⁷ Girald. Cambr. Walliae Descriptio, Cap. VII (цит. по г-ну Т. Райту). (Прим. П. Париса).

ского, явился труд Вильяма Ньюбургского, *De rebus anglicis sui temporis libri quinque*⁵⁸, хроника которого была опубликована в конце двенадцатого века. Говорят, что он питал особую ненависть к бретонцам и что он ополчился на книгу Гальфрида, чтобы утолить жажду личной мести. Это неважно: с нас довольно того, что придется признать в его нападениях солидную аргументацию и подтверждение, что все или почти все кажется вымыслом уже в той книге, которой он, впрочем, не отказывал ни в древности, ни в бретонском происхождении.

«Бретонская нация, – говорит Вильям Ньюбургский, – населившая вначале наш остров, обрела в лице Гильдаса первого историка, коего редко где можно встретить и с коего редко делали списки, по причине его грубого и пресного стиля⁵⁹. Однако же это драгоценный памятник прямодушию. Хоть и Бретонец, он не колеблясь бранит своих соплеменников, предпочитая сказать о них мало хорошего и много плохого, чем погрешить против истины. От него мы узнаем,

---

⁵⁸ Вильям Ньюбургский (1136–1198) – английский каноник и историк, автор «Истории Англии». Название упомянутого труда буквально переводится как «О делах английских в свое время, в пяти книгах» (лат.). (Прим. перев.).

⁵⁹ Cum enim sermone sit admodum impolitus atque insipidus, paucis eum vel transcribere vel habere curantibus, raro invenitur [Ибо, поскольку он весьма невежествен и безвкусен в своей речи, редко можно найти, чтобы его переписывали либо хранили те немногие, кому это небезразлично] (лат.). – Здесь возможно, что Вильям Ньюбургский под книгой Гильдаса имел в виду ту, что мы приписываем Неннию; во многих рукописях двенадцатого века она имеет эту атрибуцию. (Прим. П. Париса).

сколь неопасны они были как воины и сколь ненадежны как граждане.

Вопреки Гильдасу, в наше время явился перед нами писатель, который, дабы стереть пятна с доброго имени Бретонцев⁶⁰, сплел повествование, до нелепости баснословное, и, движимый глупым тщеславием, представил нам оных превосходящими в воинской доблести Македонян и Римлян. Человек этот, по имени Гальфрид, получил прозвание Артуров за то, что возвел в ранг истории и издал на латыни басни, выдуманные об Артуре древними Бретонцами и изрядно им самим приукрашенные. Он совершил и более того, записав на латинском языке, как творение серьезное и подлинное, насквозь лживые пророчества некоего Мерлина, к коим и от себя добавил немало. Там он являет нам Мерлина рожденным от женщины и демона-инкуба и великим ясновидцем – несомненно, по причине святости его отца; тогда как здравый смысл, вкупе со священными книгами, учит нас, что демоны, будучи лишены божественного просветления, не прозревают ничего из вещей, еще не бывших, и способны лишь угадать продолжение неких событий по знакам, столь же доступным им, как и нам. Нетрудно признать ложность этих предсказаний Мерлина касательно тех событий, что произошли в Англии после смерти сего Гальфрида. Он говорит, что перевел эти нелепицы с бретонского; в любом случае, он

---

⁶⁰ Pro expiandis his Britonum maculis [Чтобы искупить эти пятна Бретонцев] (лат.). (Прим. П. Париса).

подкрепил их собственными домыслами, о чем следует известить тех, кто соблазнился бы принять их хоть с малейшим доверием. Для событий, случившихся прежде времени его труда, он мог привнести в эти пророчества все необходимые добавления, дабы привести их в согласие с истиной; но что касается книги, которую он назвал *Историей Бриттов*, надо быть совершенным невеждой в старинных хрониках, чтобы не видеть наглой и дерзкой лжи, нагромождаемой им без конца. Я опускаю все, что он нам повествует о подвигах Бретонцев до Юлия Цезаря – подвигах, возможно, сочиненных другими для удовольствия, но представляемых им как подлинные. Я опускаю то, что он добавляет во славу Бретонцев, начиная с Юлия Цезаря, который держал их в повиновении до времен Гонория, когда Римляне оставили остров, чтобы позаботиться о своей собственной защите на материке. Как известно, у Бретонцев, покинутых таким образом на милость своих врагов, был тогда королем Вортигерн, первый, кто запросил помощи у Хенгиста, вождя Саксов или Англов. Те же, оттеснив Пиктов и Скоттов, поддались соблазну, открываемому перед ними, с одной стороны, плодородием острова, с другой – трусостью тех, кто призвал их на помощь. Они поселились в Бретани, усмирили тех, кто пытался устоять против них, и вынудили жалкие остатки своих противников – тех, кого ныне называют Валлийцами – искать убежища на высотах или в лесах, одинаково недоступных. Победителями-Англами правили один за другим три всемогущих

короля, и среди них внучатый племянник Хенгиста, Этельберт, который, объединив под своим скипетром всю Англию вплоть до реки Хамбер, принял учение Евангелия, возведенное Августином. Альфред добавил к прежним завоеваниям Нортумбрию, одержав великую победу над Бретонцами и Скоттами. Эдвин последовал за ним; Освальд явился после Эдвина и не встретил на целом острове ни малейшего отпора. Все это в точности установил Беда Достопочтенный, свидетельств коего не отвергает никто. Итак, надо признать баснословным все, что этот Гальфрид пишет об Артуре и его преемниках, следуя кому-либо или себе самому. Он собрал эти выдумки, отчасти злонамеренно искажая истину, отчасти стараясь понравиться Бретонцам, кои в большинстве своем, говорят, настолько глупы, что по сию пору ждут Артура и полагают, что он не умер. Наследником Вортигерна он сделал Аврелия Амброзия, который якобы победил Саксов и отвоевал весь остров. После Амброзия у него правил брат того, Утер-Пендрагон, столь же почтенный. Сюда он и присовокупил столько лживых бредней касательно Мерлина. Артур, мнимый сын сего мнимого Утера, был бы четвертым королем Бретонцев, начиная с Вортигерна; в то время как, по правдивой истории Беды, четвертым королем Саксов, начиная с Хенгиста, был Этельберт, обращенный Августином. Таким образом, правление Артура должно быть современным таковому Этельберту. Но нетрудно здесь видеть, на чьей стороне истина. Именно эпоху правления Этельберта

он выбрал, чтобы превозносить славу и подвиги своего Артура; чтобы заставить его победить Англов, Скоттов и Пиктов; свести к досадной помехе его оружию Ирландию, Швецию, Оркады, Данию, Исландию; нескольких дней ему хватило, чтобы победить даже Галлию, с коей Юлию Цезарю едва удалось справиться за десять лет; не иначе как мизинец этого Бретонца был более могуч, чем хребет славнейшего из кесарей. Наконец, после стольких триумфов, он возвращает Артура в Бретань возглавить большое празднество с покоренными князьями и королями, в присутствии трех архиепископов из Лондона, Карлеона и Йорка, хотя у Бретонцев в то время не было ни одного архиепископа. Довершая все эти выдумки, наш сказитель учиняет большую войну с Римлянами: вначале Артур выходит победителем великана необычайных размеров, даром что со времен Давидовых никто из нас не слышал ни о каком великане. В этой войне с Римлянами ему в пору помериться силами со всеми народами земли: с Греками, Африканцами, Испанцами, Парфянами, Мидянами, Ливийцами, Египтянами, Вавилонянами, Фригийцами, кои все гибли в подобных битвах, тогда как у Александра, известнейшего из завоевателей, покорение такого множества разных народов заняло более двенадцати лет. Как же все историографы, приложившие столь много усердия, чтобы поведать события прошлых веков, передавшие нам даже те из них, важность которых весьма сомнительна, как могли они обойти молчанием деяния столь несравненного героя? Как

же они ни словом не обмолвились и про Мерлина, великого пророка, равного Исайе? Ибо единственная разница между ними в том, что Гальфрид не посмел предварить пророчества, приписанные им Мерлину, словами: «Так сказал Господь», и устыдился заменить их другими: «Так сказал дьявол». Заметьте, наконец, что, изобразив Артура смертельно раненным в битве, он удаляет его из его королевства, дабы залечивать раны на острове, что зовется Авалоном в бретонских сказках; и он не осмеливается сказать, что тот умер, из страха разонравиться Бретонцам, или, скорее, *Бриттам*, кои по-прежнему ожидают его возвращения».

По-моему, вряд ли современная критика могла бы еще что-либо добавить против знаменитой книги Гальфрида Монмутского. Люди здравомыслящие воспринимали ее как собрание историй, вымышленных для развлечения, которые только бретонцы могли принимать всерьез.

Но само это суждение способствовало взлету воображения и поэтических фантазий. Гальфрид подал пример, в котором нуждались наши романисты и которому они не замедлили последовать. Краткая, незамысловатая и, тем не менее, ценная хроника Ненния воодушевила Гальфрида Монмутского; и чем Ненний был для него, тем Гальфрид Монмутский стал для Робера де Борона и для авторов других романов в прозе и стихах, сочинения которых, как нам кажется, Франция вправе была ожидать и которым суждено было произвести целую революцию в литературе и даже в нравах

всего христианского мира.

III. Латинская поэма: *Vita Merlini*⁶¹

Прежде чем приняться за Романы Круглого Стола, следует завершить обзор творчества того, кто, очевидно, породил их идею.

Пророчества Мерлина образуют сейчас седьмую книгу *Historia Britonum*. Они были написаны до публикации всей истории, и автор отдельно послал их епископу Линкольнскому. *Пророчествами* пользовались Ордерик Виталий, чья хроника завершается 1128 годом, Генрих Хантингдонский и Сюжер, которые не были знакомы с *Historia Britonum*. Впрочем, Гальфрид Монмутский подтвердил это первенство:

«Я трудился над моей историей, – говорит он в начале седьмой книги, – когда, видя, что всеобщее внимание нынче занято Мерлином⁶², я предал гласности его пророчества, по просьбе моих друзей и в особенности Александра, епископа Линкольнского, прелата непревзойденной мудрости и благочестия, известного среди всех, и духовников, и мирян, числом и достоинствами тех почтенных мужей, кои поддерживали славу его добродетели и благородства. Имея намерение доставить ему удовольствие, я сопровождал послание с этими пророчествами письмом, приводимым ниже...».

---

⁶¹ Жизнь Мерлина (лат.). (Прим. перев.).

⁶² Cum de Merlino divulgato rumore. [Когда слух о Мерлине разошелся в народе (лат.)]. (Прим. П. Париса).

В этом письме Гальфрид льстит себя надеждой, что угодил желанию прелата, прервав *Historia Britonum*, чтобы перевести с бретонского на латынь *Пророчества Мерлина*. «Но, — добавляет он, — меня удивляет, что вы не запросили сего труда от кого-либо более сведущего и искусного. Не желая принизить никого из английских философов, я с полным правом могу сказать, что если бы обязанности вашего высокого сана оставляли вам на это время, вы сами могли бы лучше кого бы то ни было сочинять подобные творения».

То ли епископ Александр пожалел, что попросил книгу, авторитет которой оспаривала Церковь, то ли книга не оправдала его ожиданий, то ли, наконец, он просто забыл обещания, данные автору, как это слишком часто бывает, но он умер, не выразив Гальфриду ни малейшей признательности; и мы узнаем об этом в самом начале поэмы *Vita Merlini*.

Fatidici vatis rabiem musamque jocosam
Merlini cantare paro: tu corrige carmen,
Gloria Pontificum, calamos moderando, Roberte.
Scimus enim qui ate perfudit nectare sacro
Philosophia suo, fesitque per omnia doctum,
Ut documenta dares, dux et praeceptor in orbe.
Ergo meis coeptis faveas, vatemque tueri
Auspicio meliore velis quam fecerit alter
Cui modo succedis, merito promotes honore.
Sic etenim mores, sic vita probate genusque
Utilitasque loci clerus populusque petebant,

Unde modo felix Lincolnia fertur ad astra.

[Вещего мужа хочу Мерлина забавную музу⁶³
Петь и безумые его. А ты исправь мою песню,
Путь указавши перу, о Роберт, украшение священства.
Ибо мы знаем, что ты философии чистым нектаром
Был окроплен, от нее во всем получивши ученость,
Что доказал ты не раз, о мира вождь и наставник.
К замыслу будь моему благосклонен, при знаменьях
лучших
Ныне певца опекай, чем делал тот, чьим недавно
Ты преемником стал, по заслугам отличенный честью.
Все тут сошлось; твой род, и нравы, и жизнь без упрека,
Польза места сего и воля народа и клира:
Вот почему вознеслась до звезд Линкольния счастьем.
Как бы хотел я тебя объять достойною песней,
Но не хватает мне сил, пусть бы сам Орфей с Камерином,
Пусть бы Марий и Макр с величавым Рабирием вкупе,
Хором ведомые муз, моими бы пели устами (лат.)⁶⁴].

Поэма содержит 1530 стихов, и это, вероятно, одно из последних произведений автора. В заключение он пишет:

Duximus ad metam carmen, Vos ergo, Britannii,

---

⁶³ Странствия Мерлина, его чары часто рассматриваются как своего рода забавы. (Прим. П. Париса).

⁶⁴ Пер. с латинского А. С. Бобовича. Здесь и далее цит. по изданию: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: Наука, 1984. (Прим. перев.).

Laurea sarta date Gaufrido de Monemuta:
Est enim vester, nam quondam proelia vestra
Vestrorumque ducum cecinit scripsitque labellum
Quem nunc Gesta vocant Britonum celebrate per orbem.

[Песнь эту мы довели до конца, а вы, о британы,
Лавры сплетите – вручить их Гавфриду из Монемуты,
Ибо он ваш, ибо он и прежде ваши сраженья,
Ваших вождей воспевал и оставил книжку, что ныне
Славится в мире во всем под названьем «Деянья
бритонов» (лат.)].

Видимо, в авторстве этой поэмы не может быть сомнений. Стиль напоминает *Historia Britonum*, насколько проза может напоминать стихотворный текст; а Гальфрид уже доказал, что он любил слагать стихи, уснащая ими свою историю без малейшей на то надобности. В обоих произведениях он одинаково напыщенно восхваляет своих покровителей; и если в первом он взывает к великодушию прелата, а во втором обвиняет его в неблагодарности, то, вероятно оттого, что не ощутил результатов этого великодушия. Его наняли задаром, как и нашего французского стихотворца Васа, который вначале превозносил щедрость короля Генриха II Английского, а заканчивает свою поэму о Роллоне⁶⁵, печально

---

⁶⁵ «Роман о Роллоне» – стихотворная поэма Васа об истории нормандских герцогов, начиная от Роллона Нормандского, основателя династии. Поэма создана в промежутке между 1160 и 1170 гг. (Прим. перев.).

сетуя, что государь этот его позабыл:

Li Reis jadis maint bien me fst,
Mult me dona, plus me pramist.
Et se il tot doné m'éüst
Ce qu'il me pramist, miels me fust.
Nel pois avoir, nel plut al Rei...

[Король когда-то меня благодетельствовал,
Много мне дал, еще больше обещал.
И если бы он отдал мне все,
Что обещал, мне было бы лучше.
Не пришлось мне иметь, не угодил королю... (ст. – фр.)]

Несомненно, в его жалобах сквозил бы еще более явный упрек, если бы король тогда скончался, подобно епископу Александру. Александр умер в 1147 году, а преемником его стал Роберт Чесни; и именно этому епископу Гальфрид посвятил *Vita Merlini*, словно бы для того, чтобы побудить его выполнить обязательство своего предшественника.

В этой поэме о Мерлине все идет в полном соответствии с тем, что Гальфрид изложил в своей *истории*. Мы находим здесь основной свод пророчеств Мерлина, к которым добавляется пророчество его сестры Ганейды, давая предлог для намеков на текущие события. В *истории*, а вовсе не в романе, Мерлин оказывается сыном принцессы Деметии; а в поэме, и нигде больше, Мерлин в старости правит этой частью

Уэльса:

Ergo peragratis sub multus regibus annis,
Clarus habebatur Merlinus in orbe Britannus;
Rex erat et vates: Demaetarumque superbis
Jura dabat populis...

[В царствие многих владык измерив долгие годы,
Славным британец Мерлин прослыл по целому свету.
Был он король и пророк: народом гордым деметов
Правил... (лат.)]

В обоих произведениях Вортигерн – это герцог гевиссеев, или западных саксонцев (ныне Хатт, Дорсет и остров Уайт); Будиций – король Малой Бретани, где нашли убежище двое сыновей Константа; Артур без всякого противостояния наследует своему отцу Утер-Пендрагону, а королева Геневера упоминается лишь по причине ее преступной связи с Мордредом.

Illicitam venerum cum conjuge Regis habebat.

[Он с королевой вступил в любовный союз незаконный
(лат.)].

Наконец, в обоих произведениях разделяется мнение Апулея о существовании духов, витающих между небом и землей, которые могут вступать в любовные связи с женщинами. Правда, только в поэме у Мерлина есть жена Гвендо-

лоена и сестра Ганеида, супруга валлийского короля Родарха. В этом автор, очевидно, следовал преданию, распространенному в Уэльсе, преданию, еще ожидавшему пера романистов Круглого Стола для своей метаморфозы. Но, поскольку в поэме о Мерлине мы не находим никаких черт, навеянных романами Круглого Стола; поскольку и Гвиневра, и Артур, и фея Моргана еще не те, какими они стали в этих романах, неизбежно приходится заключить, что поэма была написана раньше романов, то есть раньше 1140–1150 годов. После создания *Артура и Ланселота* уже непозволительно было видеть в Моргане только фею, в Гвиневре – только супругу Артура, отнятую Мордредом, а в Мерлине – мужа покинутой женщины. Так что все сходится к тому, чтобы оставить за Гальфридом Монмутским честь написания поэмы *Vita Merlini* в середине двенадцатого века, после *Historia Britonum*, которая видится продолжением поэмы в том, что касается Мерлина, и раньше французского романа *Мерлин*, в котором из этой поэмы будет почерпнуто довольно многое.

Однако мне бесконечно жаль, что здесь мое мнение противоположно мнению моих высокочтимых друзей, гг. Томаса Райта и Фр. Мишеля, которым мы, впрочем обязаны превосходным изданием *Vita Merlini*⁶⁶. Да, поэма определенно была создана раньше романов Круглого Стола. Намеки на ирландские войны, якобы выявленные в ней и чрезвычайно смутные сами по себе, взяты из прозаического текста проро-

---

⁶⁶ Издана по Лондонской рукописи. Paris, Didot, 1837; in-8. (Прим. П. Париса).

чество, дата создания которого хорошо известна. Должен добавить, что при всем моем внимании я не смог обнаружить там ни малейшего признака, который мог бы указывать на правление Генриха II. Правда, поэт расточает похвалы мудрости епископа Роберта Чесни, коей последующая история не нашла ни опровержений, ни подтверждений; но в устах автора *Historia Britonum* эти похвалы не выходят за банальные рамки обязательных комплиментов. Впрочем, я бы сделал исключение для той строфы, где говорится об участии, которое жители Линкольна приняли в избрании прелата:

Sic etenim mores, sic vita probate genusque
Utilitasque loci clerus populusque petebant,
Unde modo felix Lincolnia fertur ad astra

[Все тут сошлось; твой род, и нравы, и жизнь без упрека,
Польза места сего и воля народа и клира:
Вот почему вознеслась до звезд Линкольния счастьем
(лат.)].

Действительно, можно отнести эти строки к тому усердию, которое выказывал Роберт Чесни, по словам Гиральда Уэльского, чтобы развивать в городе Линкольне ярмарки и рынки.

Добавлю, что нет никакой серьезной причины полагать, будто *Vita Merlini* была посвящена Роберту Гроссетесту, епископу Линкольнскому первой половины тринадцатого века.

Этот Роберт был, вне сомнения, весьма ученым и весьма достойным прелатом; он оставил немало трудов, давно снискавших известность; но происхождения он был невысокого, а наш поэт среди похвал, расточаемых своему покровителю, превозносит его знатность; это вполне подходит Роберту Чесни, чей род был в Англии в числе виднейших.

И еще, по-моему, совершенно напрасны были попытки убрать из поэмы четыре последних стиха, в которых автор предлагает свой опус вниманию бретонской нации. Напомнив об известности *Historia Britonum*, Гальфрид ничего не преувеличил, а ставя себя столь высоко в общественном мнении, он всего лишь следовал обычаю, довольно распространенному в то время, да и во все времена. Точно так же Готье де Шатильон⁶⁷ завершил свою поэму об Александре, посулив Гильому, архиепископу Реймсскому, равную с ним долю бессмертия:

Vivemus partier, vivet cum vate superstes
Gloria Guillelmi, nullum moritura per aevum.

[Вместе останемся живы, с пережившим века поэтом
Переживет их слава Гильома, никто из нас не умрет
(лат.)].

---

⁶⁷ Готье де Шатильон (ок. 1135 – ок. 1201) – французский клирик и поэт, автор поэм на латинском языке, самая известная из которых – «Александриада». (Прим. перев.).

Последние стихи *Vita Merlini* в старейшей рукописи написаны той же рукой, что и все остальное произведение; поэтому позволить критикам объявлять вне канона все те места, которые подтверждают неугодное им мнение, значило бы дать им слишком много воли.

Александр умер в 1147 году, а сам Гальфрид Монмутский был возведен на епископское кресло в Сент-Асафе, в Уэльсе, в 1151 году. Естественно предположить, что именно в этом четырехлетнем промежутке он посвятил *Vita Merlini* Роберту Чесни, преемнику Александра.

Но (сказали бы те, кто хочет объяснить расхождения в легендах) пророков по имени Мерлин было двое: один – сын римского консула, другой – сын демона-инкуба; первый – друг и советник Артура, другой – обитатель лесов; тот прозван *Благоуханным* [*Ambrosius*], этот *Лесным* [*Sylvester*], или *Диким*. *Historia Britonum* говорила о первом, *Vita Merlini* – о втором.

Я вскоре дам объяснение всем этим персонажам-двойникам из бретонской мифологии; но особенно легко будет доказать тем, кто проследит развитие легенды о Мерлине, что *Ambrosius*, *Sylvester* и *Caledonius* (потому что шотландцам тоже требовался свой местный Мерлин) – это одна и та же фигура.

Побывав у Ненния сыном римского консула, а в *Historia Britonum* сыном демона-инкуба, Мерлин во французской поэме Робера де Борона станет одинаково мил и небесам, и аду.

Он полюбит леса, то Каледонский в Шотландии, то Дарнантский и Брекегенский в Нортумбрии, то Броселиандский в армориканском Корнуае. Эта тяга к одиночеству не помешает ему часто появляться при дворе, быть добрым гением Утера и его сына Артура. Таким образом, Гальфрид Монмутский мог следовать легенде, которая превратила мать пророка в принцессу Деметии, а самого пророка в старости – в короля этой маленькой страны; тогда как продолжатели Робера де Борона придерживались континентальной традиции, заставив Вивиану держать его в плену в Броселиандском лесу. Но это раздвоение сюжета еще не значит, что действительно было два или три пророка по имени Мерлин.

Вкратце перечислим теперь, какие сказочные подробности добавлены в латинской поэме к тем, что уже содержались в *Historia Britonum*.

Мерлин теряет рассудок после битвы, в которой он видит гибель многих доблестных предводителей своих друзей. Городская жизнь его страшит, и, чтобы скрыться от всеобщих взоров, он углубляется в чащу Каледонского леса.

Fit silvester homo, quasi silvis editus esset.

[Стал он лесным дикарем, как будто в лесах и родился (лат.)].

Его сестра, королева Ганеида, посылает слуг на розыски. Один из них замечает его, сидящего возле родника, и ему удается привести его в чувство, произнося имя Гвендолоены

и извлекая из арфы печальные созвучия:

Cum modulis citharae quam secum gesserat ultro.

[Звуком кифарных ладов, – ибо нес он кифару с собою (лат.)].

Мерлин соглашается покинуть леса и вернуться в город. Но скоро шум и суета толпы вгоняют его в прежнюю тоску: он хочет вернуться в лес. Ни слезы жены, ни мольбы сестры не могут его поколебать. Его заковывают в цепи; он плачет, он горюет. Потом внезапно, увидев, как король Родарх вытащил из волос Ганейды запутавшийся там зеленый листок, он заливается смехом. Король удивлен и спрашивает причину такого приступа веселья. Мерлин согласен ответить при условии, что с него снимут цепи и позволят ему вернуться в леса. Обретя свободу, он сразу же раскрывает тайну своей сестры Ганейды. Нынче утром она расточала ласки одному юному пажу на ложе из зелени, и один листик остался у нее в волосах. Ганейда настаивает на своей невинности: «Как же верить хоть на малую толику, – говорит она, – словам безумца!» И чтобы доказать, как мало стоят подобные обвинения, она заставляет одного из придворных трижды переменить личину. Мерлин, отвечая на вопросы, предсказывает этому человеку три рода смерти. Предсказание исполняется, но гораздо позже⁶⁸, а пока что королева торже-

---

⁶⁸ Sicque ruit, mersusque fuit lignoque pependit, Et fecit vatem per terna pericula verum. [Так упал, утонул и повис на дереве бедный, Смертью тройной доказав

ствуует по поводу ложной мудрости ведуна. В романе о Мерлине мы найдем этот эпизод, ставший знаменитым.

Мерлин снова отправляется в лес. Видя, что он уходит, его жена и сестра как будто безутешны: «О брат мой, – говорит Ганеида, – что со мною станет, и что станет с вашей несчастной Гвендолоеной? Если вы нас покинете, нельзя ли ей поискать утешителя? – Как ей будет угодно, – отвечает Мерлин, – только ее избраннику лучше не попадаться мне на глаза. Я вернусь в день их бракосочетания и принесу свой подарок на вторую свадьбу».

*Ipsament interero donis munitus honestis,
Dotaboque datam profuse Guendoloenam.*

[Сам я, запасши даров почетных вдоволь, прибуду,

правдивость вещего мужа (лат.)].Надо заметить, что сэр Вальтер Скотт следом за старинным шотландским летописцем Фордуном совершил странную ошибку, отнеся это тройное пророчество о смерти одного и того же человека к самому Мерлину: «Мерлин, согласно собственному пророчеству, погиб сразу от дерева, земли и воды. Ибо, когда за ним гнались с камнями крестьяне, он упал со скалы в реку Твид и напоролся на острый кол, поставленный там, чтобы натягивать рыболовные сети». И далее цитирует четыре стиха, из которых последние два принадлежат поэме Гальфрида: *Inde perfossus, lapide percussus, et unda Hanc tria Merlini feruntur inire necem; Sicque ruit, mersusque fuit lignoque pependit, Et fecit vatem per terna pericula verum.* [Только одною ногой за дерево он зацепился, Тело же – вниз головой – погрузилось в текучую воду. Так упал, утонул и повис на дереве бедный, Смертью тройной доказав правдивость вещего мужа (лат.)]. Еще одно свидетельство той легкости, с какой преобразуются и искажаются предания. (Прим. П. Париса).

Чтобы богатой была невестой Гвендолоена (лат.)].

Однажды звезды указывают Мерлину, удалившемуся в лес, что Гвендолоена готовит себе новые брачные узы. Он собирает стадо ланей и коз, а сам верхом на оление приезжает к дверям дворца и зовет Гвендолоену. Пока она спешит к нему в превеликом волнении, жених выглядывает в окно и раздражается смехом при виде большого оленя, оседланного чужаком. Мерлин узнает его, отламывает у оленя рог, мечет его в голову насмешнику, и тот падает замертво среди гостей. После этого Мерлин пускает оленя вскачь и устремляется в лес; но за ним погоня; водный поток преграждает ему путь; его настигают и приводят в город:

Adducuntque domum, vinctumque dedere sorori.

[В дом его отвели и в путях сестре передали (лат.)].

Не заметно, чтобы смерть жениха Гвендолоены была отомщена, и Мерлина по-прежнему почитают в народе и при дворе. Чтобы сделать ему сносным пребывание в городе, король дает ему развлечься и ведет его в самую гущу торжищ и ярмарок. Тут Мерлин снова дважды начинает смеяться, и королю хочется знать, в чем причина. Мерлин согласен отвечать все на тех же условиях: его отпустят в любезный его сердцу лес. Сначала он не мог без смеха смотреть на нищего, куда более богатого, чем те, у кого он просил милостыню, ибо он попирает ногами несметное сокровище. Затем он

посмеялся над паломником, покупавшим новые башмаки и кожу, чтобы позже латать их, тогда как смерть поджидала его через несколько часов. Эти две сцены мы находим в романе о Мерлине.

Будучи во второй раз отпущен в лес, пророк утешает сестру и уговаривает ее построить на лесной опушке дом о семидесяти дверях и семидесяти окнах; сам он придет туда вопрошать звезды и вещать о грядущем. Семьдесят писцов будут записывать все, что он изречет.

Когда дом построен, Мерлин начинает прорицать, а писцы записывают все, что ему угодно возгласить:

O rabiem Britonum quos copia divitiarum
Usque superveniens ultra quam debeat effert!

[Ярое бешенство душ британских! Увы, надмевают
Больше должного их, возрастая и множась, богатства!
(лат.)]

После долгого приступа ясновидения поэт, не особо стараясь нас к этому подготовить, вводит Тельгесина, или Талиесина, только что прибывшего из Малой Бретани, который рассказывает, чему он научился в школе премудрого Гильдаса. Та система, которую излагает бард, отражает космогонические воззрения армориканской школы. Она признает высших, низших и промежуточных духов. Затем старый ведун переходит к обзору морских островов. Остров Плодов, ина-

че называемый Счастливым, – это обычное местопребывание девяти сестер, из которых самая прекрасная и мудрая – Моргана. Моргана знает тайны всех болезней и лекарства от них; она принимает любое обличье; она может летать, как в свое время Дедал, по своей воле перемещаться из Бреста в Шартр, в Париж; она учит «математике» своих сестер: Морною, Мазою, Глитен, Глитоню, Глитон, Тироною, Титен и другую Титен, великую арфистку. «На этот-то *Счастливый остров*, – добавляет Тельгесин, – я под началом мудрого кормчего Баринта отвез Артура, раненного в битве у Камблана; Моргана⁶⁹ приняла нас благосклонно и, повелев уложить короля на ложе, коснулась рукой его ран и обещала залечить их, если он останется с нею надолго. Я вернулся, вверив короля ее заботам».

Inque suis thalamis posuit super aurea regem
Strata, manumque detexit vulnus honesta,
Inslicitque diu, tandemque redire salute
Posse sibi dixit, si secum tempore longo
Esset...

[В свой поместила покой, уложив на парчу золотую,
Рану его обмыла сама рукой осторожной,
Долго смотрела ее и сказала, что может здоровье
Все же вернуться к нему, если он на короткое время
С нею останется там... (лат.)]

---

⁶⁹ В поэме Моргана еще не сестра Артура. (Прим. П. Париса).

Монмут в своей донельзя правдивой истории упомянул только, что *смертельно* раненный Артур был отвезен на остров Авалон, чтобы там найти исцеление; это казалось бы забавным несоответствием, если бы в бретонских жестах и преданиях остров Авалон и Страна фей не выступали обычно полноправной заменой Елисейским полям античности.

Вообще-то описание этого острова:

Insula pomorum que Fortunata vocatur,

[Остров Плодов, который еще именуют Счастливым (лат.)],

с его вечной весной и чудесным изобилием всего на свете, довольно плохо подходит для того острова Авалон, который позднее усмотрели в Гластонбери.

Наконец, в нашей поэме обнаруживается еще одна черта. Мерлин и Тельгесин наперебой рассуждали о свойствах конкретных источников и о природе конкретных птиц, как вдруг их прерывает некий бесноватый безумец; его окружают и спрашивают о нем Мерлина. «Я знал этого человека, – говорит он, – юность его была весела и прекрасна. Однажды близ родника мы заметили множество яблок, на вид превосходных. Я взял их, роздал своим спутникам, а себе ни одного не оставил. Они посмеялись над моей щедростью, и каждый поспешил съесть то яблоко, что было ему дано; но спустя мгновение всех их внезапно охватил приступ бешен-

ства, отчего они бросились в лес с ужасающим криком и воем. Человек, который перед вами, стал одной из жертв. Однако плоды эти были предназначены мне, а не им. За этим стояла одна женщина, которая давно меня любила и, дабы отомстить мне за равнодушие, раскидала эти отравленные яблоки в том месте, где я часто бывал. Но человек этот сможет вернуть себе разум, омочив губы водой из соседнего ключа».

Испытание закончилось удачно: придя в себя, безумец последовал за Мерлином в Каледонский лес; Тельгесин испросил такой же чести, а королева Ганеида больше не желала расставаться с братом. Все вчетвером углубились в лесную чащу, и поэму завершает пророческая тирада, произнесенная Ганеидой, которая внезапно стала почти такой же *ясно-видящей*, как ее брат.

Как я уже говорил, эта поэма, отражение валлийских сказаний о пророке Мерлине, окажется бесполезной для французских прозаиков, а нам позволит лучше проследить развитие армориканской легенды, которая изложена во второй ветви наших Романов Круглого Стола.

IV. О латинской книге Грааля и о поэме про Иосифа Аримафейского

В начале примем как факт, доказательства которому нам придется привести позднее, что пять повествовательных сюжетов, образующих исходный цикл Круглого Стола, хоть и объединялись обычно в старинных рукописях, но были написаны раздельно, без первоначальных намерений согласовать их друг с другом. Как ныне очевидно, эти повествования были расположены в видимом нами порядке *собираателями* (да будет позволено мне это слово), которые, чтобы устранить несоответствия, связать их воедино, были вынуждены сделать довольно много вставок и добавлений.

Святой Грааль и *Мерлин*, вероятно, появились первыми. Второй автор создал книгу об *Артуре*, которую собиратели объединили с *Мерлином*. Третий написал *Ланселота Озерного*; четвертый – *Поиски Святого Грааля*, которым дополнил предыдущие сказания.

Эти книги, сочиненные в довольно близкие эпохи, вначале были переписаны в немногих копиях, по причине их длины и отказа духовных лиц принимать их в свои церковные хранилища. Лишь у владетельных особ кое-где попадался переписанный для них экземпляр, и редко кто обладал все-

ми сразу. Гелинанд⁷⁰, чья хроника завершается 1209 годом, упомянул о них только понаслышке, а Винсент из Бове⁷¹, который донес до нас эту хронику, включив ее в *Speculum historiale*, похоже, знал их ничуть не лучше. Вот в чистом виде слова Гелинанда:

«Anno 717. Hoc tempore, cuidam eremitaе monstrata est mirabilis quaedam visio per Angelum, de sancto Josepho, decurione nobili, qui corpus Domini deposuit de cruce; et de catino illo vel paropside in quo Dominus coenavit cum discipulis suis; de qua ab eodem eremita describe est historia quae dicitur *Gradal*. Gradalis autem vel Gradale dicitur gallicé scutella lata et aliquantulum profunda in qua pretiosae dapes, cum suo jure (в их напитке), divitibus solent apponi, et dicitur nomine *Graal*... Hanc historiam latiné scriptam invenire non potui; sed tantum gallicé scripta habetur à quibusdam proceribus; nec facile, ut ajunt, tota inveniri potest. Hanc autem nondum potui ad legendum sedulò ab aliquo impetrare».

[В году 717. В то время одному отшельнику явлено было ангелом чудное видение, святой Иосиф, благородный декурион⁷², снявший с креста тело Господне; и та миска или

---

⁷⁰ Гелинанд из Фруамона (ок. 1160 – ок. 1230) – французский монах-цистерцианец, поэт и летописец. Его 49-томная «Хроника» завершается не 1209, а 1204 годом. (Прим. перев.).

⁷¹ Винсент из Бове (1190–1264) – монах-доминиканец, автор 4-част-ной энциклопедии «Зерцало великое» (*Speculum majus*). Парис здесь ссылается на 3-ю часть, «Зерцало историческое». (Прим. перев.).

⁷² Десятник, член городского совета в Римской империи. (Прим. перев.).

блюдо, из коего Господь вкушал со своими учениками; о чем написана история в книге отшельника, называемой *Gradal*. *Gradalis* же или *Gradale* у галлов называется широкая чаша небольшой глубины, в которой обыкновенно подают богатым драгоценную свежесть их напитка, и зовут ее именем *Graal*... Я мог бы не найти эту историю, написанную на латыни; ведь у многих знатных людей есть только галльские рукописи; и все найти нелегко, говорят они. Я еще не смог ознакомиться с легендой, получив ее от кого-либо (лат.)].

Пробудившееся живое любопытство вскоре привело к мысли собрать воедино эти романы, ставшие развлечением при всех дворах знати⁷³. Изучая их в наши дни, еще можно распознать в них руку собирателей. Вот например: автор *Святого Грааля* уверял, что книгу эту принес с небес Иисус Христос, тогда как собиратели выдают ее за сказание, сотканное из всех сказаний мира; мессир де Борон то сочинил его сам и по указанию короля Филиппа Французского, то с помощью г-на Вальтера Мапа⁷⁴ и по указанию короля Генриха Английского. Они убирают из книги о Мерлине послед-

---

⁷³ «Ferebantur per ora, – говорил Альфред Беверлийский примерно в 1160 году, – multorum narrationes de historia Britonum; notamque rusticitatis incurrebat qui talium narrationum scientiam non habebat. [Рассказы об истории бриттов передавались из многих уст; простачками слыли те, кто не знал о таких рассказах]. (Цит. по сэру Фред. Мэддену). (Прим. П. Париса).

⁷⁴ Вальтер (Готье) Мап (ок. 1140 – ок. 1210) – клирик и писатель родом из Уэльса, служивший при дворе Генриха II. На русский язык переведена его книга «Забавы придворных». Парис в последнем томе своего труда утверждает, что Мап был одним из авторов романа «Ланселот Озерный». (Прим. перев.).

ную главу, где было заявлено продолжение истории Алена Толстого, и подменяют обещанную ветвь ветвью об Артуре. В конце *Мерлина* еще можно было прочесть, что Артур после коронации «долго держал королевство в мире».

Эта линия развития была перечеркнута, поскольку сразу вслед за этим вставили книгу об Артуре, сочинение другого писателя, где вначале говорилось о долгих войнах Артура против Семи королей, против Риона Исландского, против Сенов, или саксонцев. Надо учитывать все эти поправки и вставки, если мы хотим разобраться в постепенном создании этих прославленных произведений.

Вот все, что я считал необходимым сказать здесь о собрании из пяти больших романов, которые, как справедливо полагают, явились вовсе не по воле случая, *prolem sine matre creatam* [ребенок без матери рожден» (лат.)], дабы изменить направление мыслей и характер литературных произведений. Как уже признали все критики, французский писатель, которому принадлежит честь напасть на след столь плодотворного источника, – это Робер де Борон. Однако Робер де Борон не является автором романа⁷⁵ о *Святом Граале*, как твердили нам собиратели; он создал лишь поэму об *Иосифе Аримафейском*.

Этот стихотворный роман основан на сказании, которое я бы, пожалуй, назвал Евангелием бретонцев, восходящем

---

⁷⁵ Предупреждаю раз и навсегда, что я оставляю за словом роман его старинное значение: книга, написанная на французском языке. (Прим. П. Париса).

к третьему или четвертому веку нашей эры. Благочестивый декурион, который положил Христа в гробницу, волею сказителей стал апостолом острова Бретань. Он чудесным образом пересек море, основал на реке Северн в Сомерсетшире знаменитый монастырь Гластонбери, где и был похоронен. Таково было древнее бретонское поверье, и можно видеть, сколь дорого оно стало этому народу, по событиям конца шестого века. Тогда папа Св. Григорий по просьбе саксонского короля Этельберта послал римских священников для обращения недавних завоевателей. Старые бретонцы были возмущены этим вмешательством римского владыки, распахнувшего врата рая перед ненавистным племенем их притеснителей. И еще хуже вышло, когда Августин, глава миссии, вздумал порицать освященные временем формы их богослужения. «По какому праву, – говорили они, – папа явился тут осуждать наши церемонии и перечить нашим традициям? Мы ничем не обязаны римлянам; мы давным-давно были обращены в христианство первыми учениками Иисуса Христа, чудом прибывшими из Азии. Они наши первые епископы; они передали своим преемникам право посвящать и назначать других».

Историю этих больших и занимательных прений надо искать в прекрасной книге *Монахи Востока*. Резкость их дошла до такой степени, что бретонские клирики обвинили посланников Рима в подстрекательстве к разрушению и сожжению знаменитого Бангорского монастыря, центра сопротив-

ления новому канону литургии. Было ли это обвинение обосновано или нет, были ли мотивы для раскола более или менее приемлемы, но все же надо признать, что для оправдания столь долгого упорства бретонское духовенство должно было иметь за собой древнюю традицию, несовместимую с традициями других церквей и решениями римской курии.

Г-н граф Монталамбер⁷⁶, признавая всю древность легенды об апостольской миссии Иосифа Аримафейского⁷⁷, все же отрицает, заодно с г-ном Пьером Вареном⁷⁸ что бретонская церковь когда-либо имела хоть малейшую тенденцию к расколу. По его мнению, бретонцы до пришествия англосаксов вполне верили, что первыми ростками веры обязаны Иосифу, «который вынес из Иудеи единственное сокровище – несколько капель крови Иисуса Христа; и оттого-то юг Франции возводил начало своего христианства к Марфе, к Лазарю, к Магдалине. Но, – добавляет уважаемый автор в другом месте⁷⁹, – бретонские обряды отличались от римских лишь в нескольких совсем незначительных деталях; это касалось формы монашеской тонзуры и церемонии крещения⁸⁰». Если бы г-н Монталамбер и авторитеты, на которых

---

⁷⁶ Автор вышеупомянутой книги «Монахи Востока» (Montalembert Ch. de. Les Moines d'Occident depuis Saint Benoit jusqu'a Saint Bernard. – Paris, Jacques Lecoffre et C-ie, 1860). (Прим. перев.).

⁷⁷ Moines d'Occident, т. III, стр. 24, 25. (Прим. П. Париса).

⁷⁸ Французский историк, современник Париса. (Прим. перев.).

⁷⁹ Стр. 87. (Прим. П. Париса).

⁸⁰ Беда, упомянув о различном исчислении времени Пасхи, все же добавля-

он ссылается, смогли повернуться спиной к общественному мнению и уделить немного внимания чтению *Святого Гра- аля*, они бы, несомненно, изменили свои взгляды. Они признали бы, что правдивые или выдуманные легенды о при- бытии в Испанию и Францию св. Иакова Младшего, Лаза- ря, Марфы и Магдалины были прекрасно совместимы с рим- ской традицией. Но совсем иначе обстояло дело с легендой об Иосифе, которая, сделав его хранителем истинной крови Христовой, изобразила его первым епископом, получившим от Христа право передать таинство Служения первым бре- тонским священникам, от которых только и должна проис- ходить вся духовная иерархия в этой старинной Церкви.

Хотя Беда Достопочтенный не уточнил, каковы были эти пристрастия, «несовместимые с единством церкви, – обы- чаи, которые Бретонцы и Скотты ставили превыше тех, что приняты всеми Церквями мира», – возможно, из боязни подлить еще масла в огонь сопротивления, – но нетрудно усмотреть даже в его собственной книге своего рода указа- тель пунктов, на которые приходились разногласия. В кни- ге V, в главе XXI, посвященной пересказу жития святого Вилфрида, выходца из Шотландии и реформатора многих

---

et: Alia plurima unitati ecclesiasticae contraria faciebant. Sed suas potius traditions universis quae per orbem concordant ecclesiis, praeferebant [Делали они и многое другое вопреки единству Церкви. Но они предпочитают собственные обычаи тем всеобщим, что приняты Церквями в мире (лат.)] (кн. II, гл. II). (Прим. П. Париса).

монастырей⁸¹, мы видим, как святой еще накануне принятия тонзуры изучает псалтирь и некоторые другие книги⁸². Затем, вступив в монастырь Линдисфарна⁸³, Вилфрид после нескольких лет пребывания в нем приходит к мысли, что путь спасения в том виде, в каком ему следуют соплеменники-скотты, далек от совершенства⁸⁴. Тогда он решает отправиться в Рим, чтобы увидеть, каковы церковные и монашеские обычаи, соблюдаемые там. Прибыв в этот город, он благодаря Бонифацию, ученому архидиакону и советнику Его Святейшества, получает возможность изучить в его ордене *Четвероевангелие*, правильное исчисление Пасхи «и множество иных вещей, которые не смог изучить в своей отчизне⁸⁵». Остановимся на этом. Не странно ли ви-

---

⁸¹ Парис здесь не вполне точен. Житию св. Вилфрида посвящена гл. XIX. (Прим. перев.).

⁸² Quia acri erat ingenii, didicit citissime Psalmos et aliquos codices, necdum quidem attonsus. [Со своим острым умом он скоро изучил псалмы и многие другие книги; хотя он еще не принял постриг (лат.)]. (Прим. П. Париса).

⁸³ Ныне Святой Остров, в Шотландии, в четырех лье от Бервика. (Прим. П. Париса).

⁸⁴ Animadvertit animi sagacis minime perfectam esse virtutis viam quae tradebatur a Scotis [Он с его трезвым умом понял, что традиционный путь благочестия, которому следовали скотты, не вполне совершенен (лат.)]. (Прим. П. Париса).

⁸⁵ Veniens Romam, ac meditatim rerum ecclesiasticarum quotidiana mancipatus instantia, pervenit ad amicitiam viri sanctissimi Bonifacii... cujus magisterio quatour Evangeliorum libros ex ordine didicit, computum Paschae rationabilem et alia multa quae in patria nequiverat, eodem magistro tradente, percepit [По прибытии в Рим Вилфрид, как и намеревался, день за днем посвящал молитвам и изучению церковных наук. Он сдружился с архидиаконом Бонифацием, святейшим и ученей-

деть, что Вилфрид вынужден был поехать в Рим, чтобы там изучить четырех евангелистов? И не позволительно ли будет отсюда заключить, что скотты, а еще с большим основанием валлийцы ставили нечто превыше этих четырех священных книг? Во всяком случае, известно, что они отказывались признавать за папами право, на которое те притязали, вы двигать или назначать им епископов. Они полагали, что это право архиепископа Йоркского, которому надлежало единолично выстраивать всю иерархию бретонской Церкви. Чем они могли бы обосновать это требование, если не верой в некое пятое Евангелие или хотя бы во вторые *Деяния Апостолов*? Гг. Варен и Монталамбер злорадствуют, ручаясь, что мы не найдем в бретонском богослужении никакого иного родства с греческой Церковью, кроме общего исчисления Пасхи. Но, во-первых, мы знаем далеко не все формы бретонского богослужения; а во-вторых, нетрудно понять, что предание об апостольской миссии Иосифа Аримафейского, порожденное, видимо, фактом обладания некой реликвией, связанной с этой фигурой и хранимой изначально в монастыре Гластонбери, – что это предание, говорим мы, не имеет ничего общего с обычаями и обрядами византийской Церкви. Бретонцы просто верили, что их обратили в христианство без помощи Рима, и старались всего лишь сохранить

шим мужем... Под его руководством он изучил по очереди все четыре евангелия и узнал о правильном способе исчисления Пасхи, а также о многих иных церковных делах, неведомых в его стране (лат.)]. (Прим. П. Париса).

независимость от святейшего престола.

В этом-то и состояла главная причина сопротивления бретонского духовенства миссионерам папы Григория. Если в инакомыслии такого рода не состоит тенденция к расколу, то я уж не вижу, почему правомерно называть раскольниками армян, москвитов и греков. Осмелюсь все же применить к г-ну Монталамберу слова, которые наш романист адресует поэту Васу. Он склонен думать, что если этот бретонский священник никогда не отвергал верховенство папской власти, то лишь потому, что не знал книги о Святом Граале, в которой он бы узрел первопричину и мотивы этого безусловного отторжения.

Считали ли бретонцы шестого века своими первыми апостолами учеников Спасителя или только декуриона Иосифа Аримафейского, в любом случае это предание легло в основу корпуса повествований, возникших в течение двенадцатого века. Перейдем от эпохи первого крещения англосаксов к концу седьмого века, когда антагонизм двух Церквей, подогретый истреблением монахов Бангора и победой саксонцев, ничуть не утратил своей силы. Два последних короля бретонской нации, Кадваллон и Кадвалладр, один за другим искали укрытия в Арморике: один при короле Соломоне⁸⁶, чьи корабли вскоре перевезут его обратно на остров; второй

---

⁸⁶ Корабль Соломона, которому валлийско-бретонское воображение отвело такую чудесную роль в Святом Граале и во второй части Ланселота, возможно, имел прообразом один из кораблей, снаряженных бретонским королем Соломоном для Кадваллона. (Прим. П. Париса).

при короле Алене Высоком, или Толстом. Кадваллон, воцарившись на некоторое время, оставил в саксонских поселениях долгую и кровавую память о своем возвращении. После его смерти сын его Кадвалладр, жертва вновь вспыхнувшей войны, бежал и покинул Великую Бретань, обещав вернуться по примеру отца. Но вместо того, чтобы принять помощь, по всей видимости, предложенную Аленом, он отправился умирать в Рим, где Папа причислил его к лику святых и указал воздвигнуть ему гробницу, объект поклонения бретонских паломников. А они, вновь наводнив Уэльс, все так же ждали от своих вождей отмены иноземного владычества; ведь барды в один голос с церковниками давно возвещали, что Кадваллону, а позже Кадвалладру суждено возродить прекрасные времена Артура и что не напрасно Иосиф Аримафейский привез некогда на остров сосуд, хранящий истинную кровь Иисуса Христа.

Не знаю доподлинно; но все склоняет меня к мысли, что предание об этом чудесном сосуде созрело в гуще событий, о которых я упомянул. Имена Кадваллона и Алена, короля Малой Бретани, слишком напоминают имена Галахада⁸⁷ – рыцаря, которому предназначено найти сосуд, и Алена Толстого, хранителя этого сосуда, чтобы можно было считать случайным такое совпадение. Но после того как умерли ко-

---

⁸⁷ Парис использует другой вариант написания имени короля, действительно похожий: Cadwallad. Мы в переводе отдали предпочтение общепринятому варианту. (Прим. перев.).

роли Кадваллон, Кадвалладр и Ален Высокий, три столпа стольких надежд, а драгоценная кровь так и не нашлась, да и саксонцев не прогнали, то бардам и прорицателям наверняка уже не было той веры, когда они повторяли, что победа бретонцев не за горами, что час освобождения пробьет, когда тело святого Кадвалладра вернется в Бретань и когда найдется столь горячо оплакиваемая и столь давно искомая реликвия.

Гальфрид Монмутский явился выразителем этих бретонских надежд, хоть и избегал произносить имя Иосифа Аримафейского и его чаши.

«Кадвалладр, – говорит он, – заручился от короля Алена, своего родича, обещанием немалой помощи; флотилия, предназначенная для завоевания острова Британия, была уже готова, когда ангел повелел беглому правителю отступить от своего замысла. Господь не хотел даровать Бретонцам независимость прежде срока, предсказанного Мерлином: Господь наказал Кадвалладру отправиться в Рим, исповедоваться у Папы и там смиренно окончить свои дни. После смерти его причислят к лику святых, а Бретонцы узрят конец саксонского владычества, когда его брренное тело будет переправлено в Британию и когда отыщутся некие святые останки⁸⁸, сокрытые, дабы спасти их от ярости язычников».

---

⁸⁸ Tunc demum, revelatis etiam caeterorum sanctorum reliquiis, quae propter paganorum invasionem absconditae fuerant, amissum regnum recuperarent... [Затем, наконец, когда явятся и мощи других святых, они должны возратить утраченное царство, сокрытое из-за нашествия язычников (лат.)]. (Прим. П. Париса).

Лет через тридцать после смерти короля Кадвалладра, около 720 года, один клирик из Уэльса, священник или отшельник, вознамерился вставить в сборник богослужебных текстов или песнопений старинное предание о миссии Иосифа Аримафейского и о драгоценной чаше, вверенной ему на хранение⁸⁹. Чтобы придать этому *Graduel* (по Дю Канжу, *Gradale*) неоспоримый авторитет, он заявил, что Иисус Христос сам написал подлинник, а ему приказал переписать его слово в слово, ничего не изменяя. Он повиновался, говорит он, и честно переписал историю об особой любви Сына Божьего к Иосифу, о долгом заточении этого последнего, о его чудесном освобождении благодаря сыну императора Веспасиана, излеченному от проказы при виде лика Спасителя, запечатленного на платке Вероники. Иосиф, первый епископ, рукоположенный Иисусом Христом, получил привилегию назначать других епископов и тем самым положить начало церковной иерархии. Он чудесным образом переплыл на остров Бретань, женил своих родичей на новообращенных дочерях местных королей и умер, передав хранение драгоценного сосуда Брону, своему зятю, который позднее доверит хранить его своему внуку, Королю-Рыболову. *Gradale* оканчивается генеалогией, или, как говорит Жоффруа Гаймар, *превосхождением* бретонских королей, которые все про-

---

⁸⁹ К этому месту относятся развернутое примечание П. Париса, приводимое им отдельно под заголовком «Addenda» («Дополнение», см. стр. 99), и публикуемый далее текст «Обретение Книги Грааль» (стр.130). (Прим. перев.).

изошли от сподвижников Иосифа Аримафейского.

Эта книга хранилась в монастыре, где она, без сомнения, и была создана: либо в Солсбери, как утверждает скрывший свое имя автор *Тристана*, либо, скорее всего, в Гластонбери, основанном, говорят, самим Иосифом, где якобы есть его могила, а затем нашлась и могила Артура. Но влияние, которое эта дерзкая книга оказала впоследствии на литературный процесс, было не таким, какого ожидал ее автор. Бретонское духовенство сразу же почуяло опасность ее распространения и отступило перед последствиями раскола, который она бы неизбежно вызвала. Это на самом деле значило бы пойти на разрыв с римской Церковью и породить сомнения в словах Евангелия, которые называют краеугольным камнем новой веры святого Петра. Пребывая в тайне, бретонский *Грааль* был забыт на три века; лишь среди бардов Уэльса он возбуждал некое почтительное любопытство. Может быть, о нем бы даже никогда и не заговорили, если бы не борьба с папством при Генрихе II, который одно время хотел полностью порвать с римской Церковью.

Автор *Liber Gradalis* отнес свое видение к 717 году. Я, наверно, очень удивлю тех, кто до сих пор штудировал роман о Святом Граале, если признаюсь, что эта дата не кажется мне фантастической и я даже нахожу, что она неплохо согласуется с умонастроениями, которые могли и должны были царить среди бретонцев восьмого века. Они перестали видеть в обоих Кадвалладах и в Алене судьбоносных освобо-

дителей Британии; но, хотя религиозная обрядовость больше не была в их представлении связана с патриотическими чаяниями, легенда об Иосифе оставалась по-прежнему мила всем, кто еще был привержен национальному богослужению. Они, в общем-то, смирились с тем, чтобы терпеть англосаксов в качестве соседей, не желая лишь иметь их господами. Чтение *Gradale* уже не напоминало об этих старых врагах бретонского племени; оно уже не вызывало в памяти отзвук таинственных имен *Галахада* и Короля-Рыболова, последнее эхо патриотических надежд, долго возлагаемых на королей Кадваллона и Кадвалладра, на армориканского государя Алена Высокого. Обычаи, которые за полвека до того были связаны с политическими чаяниями, в этой книге оказались лишены внятности и смысла. Галахад уже не более чем удачливый искатель, Ален – назначенный свыше хранитель сосуда для причастия, и молчание автора позволяет думать, что Бретонцам больше нечего было ждать от этой реликвии, хотя благодаря ей они бы обрели все, что барды насочиняли об Артуре. Но, коль скоро этот автор настаивал, будто он принадлежит к роду древних бретонских королей, ему пришлось озаботиться сбором доказательств своего происхождения, начиная от Брона, зятя Иосифа, и до потомков Артура. Итак, повторяю, датировка его видения 717 годом совпадает со всем, что можно предположить о чувствах, обуревавших валлийцев и бретонцев той эпохи. Ничто этому не противоречит и никоим образом не намекает на тенденции и

события двенадцатого века, эпохи, когда версии *Gradale* облеклись в форму романа. Похоже, что единственным намерением здесь было утвердить расхождение бретонской Церкви с римской, превознося знатных особ, которых автор объявил своими предками и от которых немалое число валлийских фамилий тоже пытались вести свою родословную.

Займемся теперь поэмой об Иосифе Аримафейском, первым французским отображением всех этих валлийско-бретонских сказаний.

Робер де Борон не имел перед глазами ни латинской книги, чтобы черпать оттуда материал для своего творения, ни романа в прозе, бывшего уже в процессе воплощения, как мы бы сказали. Он сам в этом признается:

Je n'ose parler ne retraire,
Ne je ne le porroie faire,
(Neis se je feire le voloie),
Se je le grant livre n'aveie
Où les estoires sont escrites,
Par les grans clercs feites et dites.
Là sont li grant secré escrit
Qu'on nomme le Graal...

То есть: «Я не смею говорить о тайнах, открытых Иосифу, да и пожелай я их открыть, я бы не смог, не имея перед глазами великой книги, в которой их поведали великие мужи Церкви и которая называется *Грааль*...».

Впрочем, будучи рыцарем, он не обязан был понимать латинский текст, что он и доказал, перенеся имя литургической книги на чашу Иосифа; но я не сомневаюсь, что *Gradale* была известна Гальфриду Монмутскому, хотя в своей фантастической истории бретонцев он ухитрился не сказать ни слова об Иосифе Аримафейском. Положение Гальфрида, естественно, не позволяло взяться за подобный сюжет. Он был монахом-бенедиктинцем; он питал надежды на церковный чин, до которого вскоре дослужился; так что ему следовало быть весьма осмотрительным в отношении книги, столь несогласной с католической традицией.

Что же касается Робера де Борона, он не хотел выступать ни за, ни против валлийских или римских претензий. Ему рассказали красивую историю об *Иосифе Аримафейском* и *Веронике*, заключенную в «книге, которая называется Грааль», и о столе, устроенном в подражание тому, за которым Иисус проводил Тайную Вечерю; он не увидел во всем этом ничего несправедливого и ни на миг не заподозрил, что любовь Иисуса Христа к Иосифу может нанести хоть малейший ущерб авторитету святого Петра и его последователей. Короче, он не усмотрел во всех этих историях злого умысла и изложил их по-французски лишь потому, что счел их созданными для удовольствия и наставления. Совсем по-другому, как мы увидим, будет обстоять дело с автором романа *Святой Грааль*, более или менее точным переводчиком, который не побоится противопоставить папской верховной

власти мифологические традиции бретонской Церкви.

Соглашусь, сейчас может показаться удивительным, что первым открыл континенту существование валлийско-бретонской легенды француз из графства Монбельяр⁹⁰. Но откуда нам знать, не бывал ли Робер де Борон в Англии; или во времена, когда города и замки были местом встречи жонглеров всех стран, не поведал ли ему сюжет этой богословской легенды кто-нибудь из бродячих искусников веселой науки? В любом случае мы не можем пренебречь его собственным свидетельством: Робер назвал себя, назвал и рыцаря, которому он преподнес свой труд. Закончив рассказ о том, как Иосиф передал в руки Брону сосуд, названный им *Граалем*, и как Ален и Петр отправились на Восток, он добавляет: «Мне надлежало бы последовать за Аленом и Петром в те страны, где они поселились, и дополнить их историю историей Моисея, низвергнутого в бездну; но

Je bien croi
Que nus hons nes puet rassembler,
S'il n'a avant oï conter
Dou Graal la plus grant estoire,
Sans doute qui est toute voire.
A ce tens que je la retreis,
O mon seigneur Gautier en peis,
Qui de Montbelial esteit,
Unques retreite esté n'aveit

---

⁹⁰ Графство на востоке современной Франции. (Прим. перев.).

La grant estoire dou Graal,
Par nul home qui fust mortal.
Mais je fais bien à tous savoir
Qui cest livre vourront avoir,
Que se Diex me donne santé
Et vie, bien ai volenté
De ces parties assembler,
Se en livre les puis trouver.
Ausi, come d'une partie
Lesse que je ne retrai mie,
Ausi convenra-il conter
La quinte et les quatre oblier.

То есть: «Но, когда я создал под призрением мессира Готье де Монбельяра роман, вами прочитанный, я не мог сверяться с великой историей Грааля, которую не воспроизвел еще никто из смертных. Теперь, когда она вышла в свет, я извещаю тех, кто благоволит продолжению моих повествований, что я намерен объединить все их части, если только смогу обращаться к книгам, в коих они содержатся»⁹¹.

---

⁹¹ Приводим стихотворный перевод этого отрывка, выполненный Е. Кассировой: Я вновь повествовать готовИ сочинять за томом том.Но нет же! Ни словца о том,Покуда сказа о ГраалеВы, братия, не услышали.Ей-ей, до нынешнего дняО сем Граале от меняОдин-единственный из васМессир Готье услышал сказ.Мы в Монбельяре, поясним,Однажды бражничали с ним.Однако, если буду жив,Я, с Божьей помощью сложивВсе эти повести в одну,О всех героях вспомяну.И вам, единая-одна,О всем поведает она...Однако, прежние четыреОставив, о святом потиреЯ пятаю, пожалуй вам,Спервоначально передам.(Цит. по изданию: Робер де Борон. Роман о Граале. – СПб.: Евразия, 2005). (Прим. перев.).

Не думаю, что это важное высказывание можно понять и изложить иначе, и из него я делаю вывод, что если Робер де Борон написал поэму об Иосифе до выхода *Святого Грааля*, то лишь в поздней редакции, единственной дошедшей до нас, он заявил о своей заслуге первопроходца, чтобы оправдаться то ли в том, что не проследил и не продолжил легенду, то ли в том, что без всякого перехода взялся за историю Мерлина, пока ожидал продолжения сюжетов, начатых в *Иосифе Аримафейском*. Хватило ли ему времени или желания исполнить это обещание? Не знаю, и меня это не слишком заботит, поскольку у нас есть романы, которые ему тогда осталось бы только переложить в стихи.

Я уже сказал, что он был родом из земель графа Монбельяра. В самом деле, в четырех лье от города с этим названием можно найти деревню Борон, и одновременно эта деревня позволяет нам распознать одного из баронов Монбельяров в той личности, при которой Робер сочинял свою книгу.

O mon seigneur Gautier en peis,
Qui de Montbelial esteit

[Монсеньору Готье на покое,
Что был из Монбельяра (ст. – фр.)]

Изменив кое-что в тексте, прочтя *Espes* вместо *en peis*, и не принимая во внимание второй стих, я задался вопросом, не позволено ли будет усмотреть в покровителе Робера де Боро-

на Готье или Вальтера Эспека, этого влиятельного йоркширского барона, неизменно преданного фортуне графа Роберта Глочестерского, покровителя Гальфрида Монмутского и Вильяма Мальмсберийского⁹². Но, в сущности, у нас не было права даже в пользу самой очаровательной гипотезы учинять насилие над текстом, чтобы подарить Англии французский опус французского же автора. Вальтер Эспек на самом деле не имеет ничего общего с городом Монбельяром, расположенным на краю старинного графства Бургундия; а имя Готье, принадлежавшее тогда самому известному из братьев графа Монбельяра, позволяет безошибочно признать в писателе, который извлек его имя из окрестностей города Мон-

---

⁹² Вот что придает этой атрибуции особую прелесть: другой стихотворец того времени, Жоффруа Гаймар, сообщает нам, что Вальтер Эспек, или Эспек, дал ему ознакомиться с книгой по валлийской истории или генеалогии: Il (Gaimar) purchassa maint essemplaire, Livres angleis et par grammaire, Et en romans et en latin;... Il enveiad à Helmeslac Pur le livre Walter Espac; Robers li bons cuens de Glocestre Fist translater icelle geste Solunc les livres as Waleis Qu'il aveient des Bretons reis. Walter Espec la demanda, Li quens Robers li enveia... Geffray Gaimart cest livre escrist Et les transcendances I mist Que li Walleis orent lessié. Que il avoit ains purchassié, U fust à dreir u fust à tort, Le bon livre d'Oxenefort Ki fu Walter l'Arcediaen; S'en amenda son livre bien. [Он (Гаймар) добыл множество экземпляров Книг английских, и по грамматике, и на романском, и на латыни, ... Он посылал в Хелмсли За книгой Вальтера Эспака; Роберт, славный граф Глочестерский, велел перевести эту жесту По книге Валлийцев, Что была у них о бретонских королях. Вальтер Эспек ее попросил, И граф Роберт ему послал. ... Жоффруа Гаймар написал эту книгу И внес туда родословные, Которые Валлийцы упустили. Он прежде получил, То ли правдой, то ли неправдой, Хорошую книгу из Оксфорда, Которая была у архидьякона Вальтера, И по ней он весьма улучшил свою книгу (ст. – фр.)]. (Прим. П. Париса).

бельяра, француза, состоявшего на службе у Готье. Эта столь вероятная догадка подтверждается в другом месте текстом из прозаической версии, созданной вскоре после оригинала. Вот как переданы там при веденные выше стихи: «И в то время, когда мессир Робер де Борон ее рассказал монсеньору Готье, сиятельному графу Монбельярскому, она еще никогда и никем не была написана». И немного раньше: «И мессир Робер де Борон, записавший эту повесть, с позволения святой Церкви и по просьбе сиятельного графа Монбельяра, у которого он служил...» Как мог бы автор прозаического текста во времена, столь близкие ко времени сочинения поэмы, ошибочно приписать рыцарю Готье Монбельяра творение рыцаря из свиты английского барона Вальтера Эспека?

Остается последняя неясность по поводу смысла, который следует придать этим словам: *en peis*.

En ce tens que je la retreis,
O mon seigneur Gautier en peis,
Qui de Montbelial esteit,

[В то время, когда я рассказывал ее
Монсеньору Готье на покое,
Что был из Монбельяра (ст. – фр.)]

Заметим для начала, что несовершенная форма *esteit* [был] применяется, вполне естественно, к человеку умершему: откуда следует, что к моменту, о котором Борон так го-

ворит, Готье де Монбельяра уже не было в живых. Тогда не узнается ли в *en peis* [на покое] синоним латинского *in pace* [с миром], находимого в стольких старинных погребальных надписях⁹³? Тогда я перевел бы так: «В то время, когда я трудился над этой книгой с покойным монсеньором Готье из дома Монбельяров».

Теперь несколько слов об этом последнем персонаже, который не фигурирует в наших якобы всеобъемлющих биографиях.

Это был младший брат графа Ришара де Монбельяра; он примкнул к Крестовому походу на знаменитом турнире в Экри⁹⁴, в 1199 году. Но вместо того, чтобы последовать за крестоносцами на Зару и Константинополь⁹⁵, он их обогнал и поехал вместе со своим родственником Готье де Бриен-

---

⁹³ См. в превосходном Словаре Христианской Старины аббата Мартиньи статью *In pace*, слово, которое в немалом числе эпитафий пишется просто, без добавления *requiescat* [покойся]: *Urse in pace*; – *Achillen in pace*; – *Victori*; – *Donati, in pace*. (Прим. П. Париса).

⁹⁴ Турнир в Экри был организован графом Тибо III Шампанским 15 ноября 1199 г. Папа Иннокентий III воспользовался этим, чтобы прислать туда проповедника, красноречиво убеждавшего местную знать принять участие в Четвертом крестовом походе, после того как Третий закончился неудачей. Многие из собравшихся рыцарей поддались на агитацию и «взяли крест», т. е. записались в ряды крестоносцев. (Прим. перев.).

⁹⁵ Во время Четвертого крестового похода крестоносцы вместо Египта и Палестины повернули на Зару (Задар) и Константинополь, чтобы этими военными операциями, проводимыми в интересах Венеции, оплатить фрахт венецианских кораблей. Дело закончилось взятием Константинополя и созданием Латинской империи на месте погибшей Византийской. (Прим. перев.).

ном⁹⁶ в Сицилию. Жоффруа де Виллардуэн, великий летописец Четвертого крестового похода, вернувшись из Венеции во Францию, чтобы там отчитаться о соглашении, заключенном с венецианцами, встретил графа Готье де Бриенна, когда проезжал гору Сенис, а тот «ехал в Апулию, чтобы отвоевать землю своей супруги, на которой он женился после того, как стал крестоносцем, и которая была дочерью короля Танкреда. С ним поехали Готье де Монбельяр, Робер де Жуанвиль и немалое число добрых людей из Шампани. И когда Жоффруа поведал им, как он преуспел, они весьма этому обрадовались и сказали: *Вы найдете нас поблизости, когда вернетесь*. Но случилось так, как угодно было Господу Богу; ибо они никогда уже не смогли собраться в своем войске, что было весьма прискорбно, ибо они неизменно были людьми великой чести и отваги⁹⁷».

Из Апулии Готье де Монбельяр переехал на остров Кипр, где вскоре обзавелся большими владениями, женившись на Бургони де Лузиньян, сестре короля Амори⁹⁸. После смерти этого государя в 1201 году он получил Кипр внаем или в управление до совершеннолетия его племянника, юного ко-

---

⁹⁶ Имеется в виду Готье III де Бриенн, граф Шампанский (ок. 1166–1205). Он завербовался в Крестовый поход на том же турнире в Экри, но вскоре женился на наследнице королевства Сицилия и изменил свои планы. (Прим. перев.).

⁹⁷ Выдержка из хроники Виллардуэна «Завоевание Константинополя». (Прим. перев.).

⁹⁸ Амори (Амальрик) II де Лузиньян – король Иерусалимский и Кипрский. (Прим. перев.).

роля Гугона; наконец, он сам умер примерно в 1212 году, заслужив репутацию правителя щедрого, искусного и храброго. Но он так и не увидел опять Францию, которую покинул четырнадцатью годами ранее.

Получается, что Робер де Борон сочинил поэму *Иосиф Аримафейский* до того отъезда, до 1199 года, а после 1212 подверг ее некоторой переделке. Однако прозаические романы *Святой Грааль* и *Ланселот* предшествуют поэмам *Рыцарь со львом*, *Рыцарь Телеги* и *Персеваль*, вдохновленным ими, а Кретьен де Труа, автор этих поэм, умер около 1190 года. Значит, романы в прозе были созданы раньше этого 1190-го⁹⁹ и наверняка появились сразу после *Иосифа Аримафейского*. Таким образом, мы приходим к приблизительным датам от 1160 до 1170 г. для *Иосифа* и для прозаических романов *Святой Грааль* и *Мерлин*; до 1185 г. для *Рыцаря со львом* и *Рыцаря Телеги*; наконец, до 1214 или 1215 г. для нашего переложения *Иосифа Аримафейского*.

Я не отрицаю, что эти хронологические выкладки страдают неопределенностью; но, прежде чем отказаться от них, я в любом случае подожду, пока будут найдены более приемлемые. И напоследок повторю, что если бы Робер де Борон написал стихотворного *Иосифа* после прозаического *Святого Грааля*, ему не пришлось бы в голову сказать, что раньше

---

⁹⁹ Г-н профессор Йонкблут из Гааги в превосходной работе о поэмах Кретьена де Труа счел несомненным первенство прозаических романов *Ланселот* и *Поиски Грааля* по отношению к поэмам *Рыцарь Телеги*, *Рыцарь со львом* и *Персеваль*. (Прим. П. Париса).

него никто не донес еще до слуха мирян эту легенду о *Святом Граале*.

Когда еще не подозревали, что существует поэма *Иосиф Аримафейский*, литературоведы были вправе считать творением Робера де Борона роман *Святой Грааль*, который собиратели в XIII веке часто ему приписывали. Эта ошибка стала непозволительной с тех пор, как г-н Франсис Мишель опубликовал *Иосифа*¹⁰⁰. Этот ученый-филолог напечатал его в 1841 году (Бордо, in-12) со скрупулезностью, которой от него и следовало ожидать. К сожалению, изданный им уникальный текст был подпорчен. Одного листа в нем не хватало, другой, видимо, попал по ошибке и относился к некоей хвале Деве Марии. Но прозаический вариант позволяет восполнить эти пробелы и восстановить смысл пятнадцати стихов, бывших на утраченном листе.

Я уже мельком упоминал об этом прозаическом варианте, который, скорее всего, появился очень скоро вслед за стихотворным оригиналом: видимо, в этой форме повествование ценили больше. По крайней мере, до нас дошло довольно много его экземпляров¹⁰¹, тогда как о существовании поэмы

---

¹⁰⁰ Единственная рукопись, в которой он сохранился, происходит из аббатства Сен-Жермен-де-Пре и ныне пребывает в Императорской библиотеке под № 1987. К ней подшит еще текст Образа мира Готье де Метца; что опять же говорит в пользу лотарингского происхождения этого сочинения. (Прим. П. Париса).

¹⁰¹ До сих пор я видел четыре таких рукописи: две в Императорской библиотеке, одну в Арсенале и еще одну в драгоценном шкафчике моего досточтимого друга г-на Амбруаза Фирмена Дидо. (Прим. П. Париса).

мы до сих пор знаем по единственной рукописи.

Здесь можно бы задаться вопросом: что заставляет нас думать, будто поэма была образцом для того, кто изложил нам весь этот сюжет в прозе. Вот эти причины: несмотря на то, что прозаик намеревался шаг за шагом воссоздать поэму, он частенько плохо передавал ее истинный смысл, а иногда делал неуместные добавления. Приведем несколько примеров, которые я легко мог бы приумножить.

В стихе 165 поэт повествует, как Иисус Христос дал наставление святому Петру прощать грешников и как святой Петр передал свою власть пасторам Церкви:

A sainte eglise a Dieu doné
Tel vertu et tel poesté:
Saint Pierre son commandement
Redona tout comunalment
As menistres de sainte eglise;
Seur eus en a la cure mise.

[Святой церкви Бог дал
Такую силу и такую власть:
Святой Петр свое правление
Передал всем вкупе
Пасторам Святой церкви;
На них возложено попечение о ней (ст. – фр.)].

Смысл этих стихов для нас яснее, чем он оказался для нашего прозаика; ибо он передает их так:

«Эту власть дал Господь наш святой Церкви, а управлять пасторами дал святому Петру».

Вот еще похлеще. В стихе 473 Робер де Борон написал:

D'ileques Joseph se tourna,
Errant à la crois s'en ala,
Jhesu vit, s'en ot pitié grant

[После чего Иосиф повернулся,
Ушел и направился к кресту,
Увидел Иисуса, проникся к нему великой жалостью
(ст. – фр.)].

Затем, обращаясь к страже у тела, Иосиф говорит в стихе 479:

Pilates m'a cest cors donné,
Et si m'a dit et comandé
Que je l'oste de cest despit...

[Пилат мне отдал это тело
И сказал мне и повелел,
Чтобы я снял его с этого поругания...(ст. – фр.)]

И далее, в стихе 503:

Ostez Jhesu de la haschie
Où li encrismé l'ont posé.

[Уберите Иисуса с этой пытки,
Которой его подвергли злодеи (ст. – фр.)].

Не вообразил ли наш прозаик, что слово *despit* (позор, поругание) из стиха 482 – это особое наименование для креста? «Тогда повернулся Иосиф и пошел прямо к кресту, который назывался *поругомием*... И он приказал, чтобы тот шел к *Поруганью* и снял с него тело Христа».

В стихе 171 поэт говорит, что смерть Иисуса Христа искупила грех сладострастия, в который впал Адам:

Ainsi fu luxure lavée
D'ome, de femme, et espurée.

[Так была отмыто сладострастие
Мужчины и женщины, и очищено (ст. – фр.)].

Может быть, прозаик прочел *espousée* вместо *espurée*, что привело к чудовищной нелепости: «Так Господь наш очистил сладострастие мужчины и женщины, отца и матери бракосочетанием». Но бракосочетание, будучи установлено прежде Адамова грехопадения, ничем не обязано богочеловеку Иисусу Христу, и Борон ничего подобного не говорил.

И опять-таки по ошибке прозаик присваивает титул графа Монбельярского мессирю Готье, который никогда не был пожалован этим уделом, постоянно отходившим в пользу его

старшего брата. Было бы излишне приводить другие примеры, чтобы отличить исходный текст от его переложения в прозе. Кроме того, я боюсь слишком долго задерживать читателя сухой материей, набирая аргументы в пользу вышеизложенных утверждений. Скажу только, что упорное исследование позволило мне проникнуть во многие закоулки того пространства, которое мне предстояло пройти. Полагаю, что я установил хронологический порядок повествований, форму и объем каждой версии, часть, принадлежащую каждому из авторов, назвавшему себя или анонимному. Я убежден, что ступаю по твердой почве и что за мною можно следовать с доверием; если только мне не придется краснеть потом, когда удастся разрушить силу доводов, на которые я опираюсь.

Дополнение к стр. 85, по поводу слова Graal

Следует отметить, что форма, приписываемая всеми рукописями сосуду, куда была собрана кровь Спасителя, соответствовала форме чаши и что слово *graal*, *grael*, *greal*, или *greaux* [pl.] подходило в этом смысле для блюда или широкой тарелки. Также и Элинан счел нужным сказать: *de catino illo, vel paropside* [из миски или блюда]; затем: *Gradalis dicitur gallice scutella lata et aliquantulum profunda in qua pretiosae dapes cum suo jure divitibus solent apponi* [Gradalis у галлов называется широкая чаша небольшой глубины, в которой обыкновенно подают богатым драгоценную свежесть их напитка]. Как тогда допустить, что нашим романистам пришла сама по себе идея наименовать блюдом или плоской тарелкой тот сосуд, явно закрытый, который нес Иосиф? Следует предположить недоразумение и смешение двух различных значений. С одной стороны, история реликвии была записана в *graduel*, или богослужебный сборник валлийцев. С другой, обиходное слово, соответствующее латинскому *gradualis*, было также *greal*, *graal* или *grael*. Долго говорили о Граале, или литургической книге валлийцев как заключающей драгоценные и таинственные сказания, в том числе и о чаше Иосифа Аримафейского, и в конце концов этой чаше, принесенной в Англию, дали имя *graal*, поскольку леген-

да о ней находилась в уэльском *gradale*, или *graduale*. Тайна, которую валлийское духовенство делало из этой литургической книги, и любопытство, которое она возбуждала, в равной степени находят свое оправдание в боязни осуждения официальной церковью и в надежде найти там откровение о судьбах бретонского племени.

Grael, или gradual, – это сборник молитв и песнопений, которые поют перед ступенями (*gradus*) алтаря. Беда в своем трактате *de Remedio peccatorum* [Об исцелении грешников] перечисляет книги Церкви: *Psalterium lectionarium, antiphonarium, missalem, gradalicantum* и т. д. В одной грамоте 1335 года, в пользу часовни Бленвилля, значится: «Я, сир Бленвилля, одарил эти часовни [книгами] *messel* и *grael*, по одной для обеих часовен». – «GRADALE, GRADUALE, id est *responsum vel responsorium*; quia in gradibus canitur. *Versus gradales* [GRADALE, GRADUALE – это *рефрен* или *респонсорий*, который пели на ступенях. *Стихи для ступеней*]». – А Амалер в одиннадцатом веке пишет: «Notandum est volumen, quod nos vocamus antiphonarium, tria habere nomina apud Romanos. Quod dicimus *graduale*, illi vocant cantatorium, et adhuc *juxta morem antiquum* apud illos in alionibus ecclesiis uno volumine continetur» [Следует отметить, что том, который мы называем антифонарием, имеет у римлян три названия. То, что у нас зовется *graduale*, они называют кантаторием, до сих пор в иных церквях у них, *согласно древнему обычаю*, содержащим один том] (Дю Канж). Словом *grael*, или *grael*,

называли дневную службу, в противоположность вечерней. Так, мы видим у Робера де Борона, что Иосиф каждый день назначает своим спутникам встречу в Третьем часу и указывает им, чтобы эту службу называли службой грааля. Смысл этих стихов становится более ясным в старинном переводе. «Et ce non de graal abeli à Joseph; et ensi venoient à tierce, et disoient qu'il alloient au service du graal. Et des lors en çà fu donnée à ceste histoire le nom de Graal [И это имя грааль было по нраву Иосифу; и вот они пришли в Третьем часу и говорили, что идут на службу грааля. И так с тех пор этой истории было дано имя Грааля (ст. – фр.)]» (манускрипт Дидо). Но романисты, поэты и прозаики, уже не зная истинного происхождения слова, хотели объяснить его и сообщить нам о нем больше, чем они знали. Кто теперь не признает в изначальном смысле слова *graal* дневную службу, обедню? Латинско-французский словарь двенадцатого века содержит следующее: GRADALE, *greel*, книга для пения мессы. В *Catholicon armoricum* *grasal*, *grael*, книга песнопений: *latiné gradale*. Пожалуй, довольно, чтобы обосновать наше объяснение *Грааля*.

Значение блюда, тарелки, по-латыни *catinus*, приданное этому слову, также старинное, и, без сомнения, образовано от «кратера», *cratella*, так же как от *patera* происходит *patella*, *paelle*, *pelle* [лопата, заступ]; от *crassus* – *gras* [жирный] и *gros* [толстый], и т. д. Но, повторяю, почти невозможно, чтобы закрытый потир, в котором Иосифу было доверено хранить

божественную кровь, с самого начала получил бы наименование блюда, миски или грааля. Те, кому первым рассказывали легенду о сохраняемой крови, спрашивали, откуда это взялось: – Из *Грааля*, отвечали им, который хранится в Солсбери или в Гластонбери. – Тогда сосуд, который усомнились бы назвать чашей, был назван *Грааль*. А когда понадобилось дать объяснение этому слову, то придумали, что слово было принято, потому что сосуд нравился, был приятным [*agréait* (фр.)] и появлялся по воле [*a gré*] тех, кто причащался к его благодати.

Книга первая
Роман в стихах об Иосифе
Аримафейском Робера де Борона

Иосиф Аримафейский

перевод Т. К. Горьшиной

Да будет известно грешникам, что, прежде чем сойти на землю, Иисус Христос устами пророков дал знать о пришествии Своем и горестных страданиях Своих. Дотоле всем, баронам и нищим, правым и виноватым, уготована была дорога в ад вослед за Адамом и Евой, за Авраамом, Исайей, Иеремией. Дьявол притязал на владычество над ними, возомнив, что право его непреложно; ибо должно вершить вечный суд. И надобно было, чтобы за праотца нашего дано был искупление теми, кто в единстве и подобии Своем явили божественную Святую Троицу. Едва Адам и Ева приблизились к устам своим запретный плод, как, узрев наготу свою, впали во грех нечистоты¹⁰². И тотчас пропало счастье, коим они наслаждались. Ева зачала в скорби; и сами они, и потомство их сделались смертны, дьявол же вознамерился отторгнуть их души во владение свое. Дабы спасти нас от ада, Господь принял рождение из чрева Девы Марии. И когда Он пожелал быть окрещен святым Иоанном, Он сказал: «Каждый, кто уверует в Меня и примет святую воду крещения, вызволен будет из кабалы дьявола, покуда новые грехи не ввергнут его в прежнее рабство»¹⁰³. И более того сделал для нас

---

¹⁰² Робер де Борон, похоже, имеет здесь в виду, что Бог наложил запрет на древо познания добра и зла потому, что роковое яблоко должно было открыть воображение первых людей для плотских вожелений и таким путем лишить их той непорочности, в которой они были созданы. Книга Бытия довольствуется тем, что говорит: «И они увидели, что они наги». (Прим. П. Париса).

¹⁰³ Возможно, вольное изложение цитаты из Евангелия от Марка, 16–16: «Кто

Господь: подобно второму крещению, учредил Он исповедь, с коей всякий грешник, явив свое раскаяние, прощен будет и за новые прегрешения.

В те времена, когда Господь обходил земли, проповедуя, страна Иудеев частью своею была подвластна Римлянам, а наместником от них был Пилат. Один добродетельный муж, по имени Иосиф Аримафейский, вел пятерых всадников на службу Пилату. И стоило Иосифу узреть Иисуса Христа, как он возлюбил Его великою любовью, однако выказать ее не смел, страшась злобных Иудеев. Что до Иисуса, учеников при нем было немного; к тому же один из них, Иуда, был нечестив по природе своей. В доме Иисуса Иуда служил управителем и брал за то поборы, называемые десятиною, со всего, что приносили в дар Учителю. И вот случилось так, в день Тайной Вечери, что Мария Магдалина пришла в дом Симона, где Иисус сидел за столом с учениками; она пала ниц к ногам Иисуса и омочила их слезами; и после, отерев их прекрасными своими волосами, умастила тело Его чистым и драгоценным елеем. Тотчас наполнился дом сладчайшими благоуханиями, но Иуда, оставаясь безучастен к ним, сказал:

– Эти благовония, должно быть, обошлись в три сотни динариев; меня же ввели в убыток, лишив доли в тридцать динариев¹⁰⁴.

будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». (Прим. перев.).

¹⁰⁴ «Мария же, взяв фунт [у П. П. – ливр] нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнил».

И с той поры он стал искать, как возместить этот урон.

Проведал он, что в доме первосвященника Каиафы собираются Иудеи, измышляя, как им погубить Иисуса. Он направился туда и предложил им выдать своего Учителя, если они согласны дать ему тридцать динариев. Один Иудей тотчас вынул их из своего пояса и отсчитал ему¹⁰⁵. Иуда назвал день и место, где можно будет им схватить Иисуса.

– Только, – сказал он, – не берите вместо Него Иакова, Его двоюродного брата¹⁰⁶, очень с Ним схожего; для большей верности, вы возьмете того, кого я поцелую.

Назавтра в четверг, в доме Симона, Иисус велел принести большую купель, сказав Своим ученикам погрузить туда ноги; Он омыл их все вместе и осушил их. Святой Иоанн спросил у Него, почему употребил Он одну воду для всех.

ся благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарriot, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали». (Св. Иоанн, XI, 3). (Прим. П. Париса; на самом деле – Св. Иоанн, XII, 3–6).

¹⁰⁵ Неожиданное соединение двух евангельских сюжетов, обнаруживающее в предательстве Иуды не только чисто коммерческую логику, но и механизм «ценообразования». Сумма в 30 динариев оказывается не случайной. Здесь, в отличие от канонической версии, точную и обоснованную цену назначает сам Иуда. (Прим. перев.).

¹⁰⁶ Двоюродным братом Христа считают, по одной версии, Иакова Алфеева (одного из 12 апостолов), по другой – Иакова-младшего, первого епископа Иерусалима, который входил в число 70 апостолов, но одним из 12 не был. Иногда этих двух Иаковок отождествляют между собой. (Прим. перев.).

– Вода эта, – ответил Иисус, – становится нечистой, как нечисты души всех, кому Я подношу ее; равно очищаются и последние, и первые. Сие назидание оставлю Я Петру и пастырям Церкви. Грязь от грехов, им самим присущих, да не воспрепятствует очищению грешников, что придут исповедоваться им¹⁰⁷.

Туда в дом Симона и вошли Иудеи, дабы схватить Господа нашего. Иуда, поцеловав Его, сказал им:

– Крепко держите Его, ибо Он на диво силен.

И увели Иисуса, и рассеялись ученики Его. На столе же была чаша, с коей Христос творил Свое таинство¹⁰⁸. Один Иудей заметил ее, взял и унес ко двору Пилата, куда уведен был Иисус; и когда наместник, будучи уверен, что нет в Нем вины, испросил воды, желая устраниться от приговора, то

---

¹⁰⁷ Примечательное место, которое, как представляется, развивает аксиому: *Делай, что я говорю, а не что делаю*. Здесь видно, что Робер де Борон без колебаний считает святого Петра главой церкви. Этого нет далее в «Святом Граале». (Прим. П. Париса).

¹⁰⁸ *Séans ot un vessel mout grant, Oû Crist faiseit son sacrément.* [Здесь был один весьма большой сосуд, в котором Христос совершал свое таинство (ст. – фр.).] Под этим словом *sacrément* [таинство, причастие] было бы естественно понимать обряд причастия. Однако, по-видимому, автор скорее здесь обозначает сосуд, в котором Иисус Христос омывал свои руки, раздавая благословения после трапезы. Возможно, то была ошибка переписчика, поставившего *sacrément* вместо *lavément* [омовение]. Как известно, Св. Иоанн – единственный, кто рассказывает об омовении ног, и он ничего не говорит о причастии. Может быть оттого, что авторы легенды о Граале знали только Евангелие от Иоанна, им представился образ чаши для причастия, который дает вот это второе объяснение ее вещественному присутствию во время богослужения. (Прим. П. Париса).

взявший чашу Иудей подал ее Пилату, и тот, умыв в ней руки, велел убрать ее в надежное место¹⁰⁹.

И когда Иисус был распят, пришел к Пилату Иосиф Аримафейский и сказал ему:

– Господин¹¹⁰, не первый год я привожу вам по пяти всадников, не получая за это награды; ныне я пришел просить за моих солдат тело распятого Иисуса.

– С радостью соглашусь, – ответил Пилат.

Тотчас Иосиф бросился к кресту; но стражи преградили ему путь.

– Ибо, – сказали они, – Иисус похвалялся, что воскреснет на третий день; если говорил Он правду, то, сколько раз Он воскреснет, столько раз мы снова умертвим Его.

Иосиф возвратился к Пилату, и тот, дабы сломить упорство стражей, послал на помощь ему Никодима.

– Вы так любили сего Человека, – промолвил Пилат. – Вот вам чаша, в которой Он в последний раз омыл руки Свои; храните же ее в память о праведнике, коего я не мог спасти.

На деле же Пилат не хотел упреков, будто он присвоил то,

---

¹⁰⁹ В таком контексте известное «умывание рук» неожиданно принимает дополнительный смысл, включая элементы преемственности и очищая Пилата от этого греха. (Прим. перев.).

¹¹⁰ В оригинале «Sir». Образная избыточность русского языка относительно языков романской группы не дает возможности передать всю игру смысловых оттенков этого слова: «Господь», «государь» и «господин». (Прим. перев.).

чем владел приговоренный им¹¹¹.

Вдвоем с превеликим трудом преодолели они противящихся стражей. Никодим пошел к кузнецу, и после, взяв у того клещи и молот, они поднялись на крест и сняли с него Иисуса. Иосиф взял Его на руки, положил бережно на землю, расправил как подобает члены Его и омыл их со всем тщанием. Отирая их, увидел он божественную кровь, текшую из ран; и, памятуя о том камне, что раскололся от крови, исторгнутой копьем Лонгина¹¹², кинулся за чашей и собрал в нее капли, что лились с боков, с головы, рук и стоп; ибо полагал, что в ней их будут хранить с благоговением большим, нежели во всяком ином сосуде. Совершив это, он спеленал тело новым тонким полотном, положил его в каменную гробницу, что выдолблена была для него самого, и закрыл ее другим камнем, который мы называем надгробным.

---

¹¹¹ Явное противоречие евангельскому тексту, возможно, связанное с традиционно негативным отношением к Пилату и боязнью быть уличенным в излишних к нему симпатиях. (Прим. перев.).

¹¹² Греческое название копья – λόγχη, откуда произвели Longin, имя собственное солдата, который пронзил своим копьем бок Господа. (Прим. П. Париса). В Евангелии история с расколовшимся камнем не упоминается. (Прим. перев.).

Иисус же на другой день после Своей смерти спустился в ад, дабы освободить добрых людей¹¹³; вслед затем Он воскрес, явился Марии Магдалине, Своим ученикам, еще и прочим иным. Многим мертвым, коих воззвал Он к жизни, дозволено было посетить ближних, до того как обретут место на Небесах. И вот среди Иудеев сделалось смятение, солдаты же, коим велено было охранять гробницу, устрашились быть призваны к ответу. Дабы избежать наказания, решили они схватить Никодима с Иосифом и умертвить их; а после, ежели спрошены будут, что они сделали с Иисусом, сговорились отвечать, что сии два Иудея приставлены были охранять Иисуса, только им и ведомо было, что произошло¹¹⁴.

Но Никодиму, загодя предупрежденному, удалось их избегнуть. Не то было с Иосифом, коего они застали на ложе и, едва дав облачиться в одежды, увели и побоями вынудили сойти глубоко в тайную темницу. И когда вход ее заложили камнями, ни к чему было более упоминать о нем.

Но истинный друг познается в нужде. Сам Иисус сошел в темницу и предстал пред Иосифом, держа в руке чашу, где

---

¹¹³ В канонических текстах тема сошествия упоминается очень отрывочно, а в четырех Евангелиях и вовсе отсутствует. Согласно апостолу Петру (1Пет. 3:19–20), Иисус только проповедовал там «находящимся в темнице духам», но не одерживал верх над Сатаной и не вызволял никого из преисподней. Самое подробное изложение легенды о сошествии Христа в ад мы находим в апокрифическом «Евангелии от Никодима» (гл. 17–28). (Прим. перев.).

¹¹⁴ Это обстоятельство находим в Евангелии от Никодима. (Прим. П. Париса).

собрана была Его божественная кровь.

– Иосиф, – сказал Он, – исполнись верою. Я Сын Божий, Спаситель твой и всех людей.

– Как! – вскричал Иосиф. – Вы ли тот великий пророк, рожденный Девой Марией, коего предал Иуда за тридцать динариев, коего распяли на кресте Иудеи, и коего тело якобы украл я?

– Да, и тебе, чтобы обрести спасение, довольно лишь уверовать в Меня.

– Ах, Господь, – ответил Иосиф, – сжальтесь надо мною; вот я заточен в сей темнице, и в ней я умру голодной смертью. Вам ли не ведомо, как я любил Вас; я не смел сказать Вам это, убоявшись неверия Вашего, ибо я водился с дурными людьми, коих стыдился.

– Иосиф, – сказал Господь, – я бывал среди друзей Моих и среди врагов. Ты был из сих последних, но Я знал, что при нужде ты придешь Мне на помощь; и еще, если бы ты не служил Пилату, то не получил бы в дар тела Моего.

– Ах, Господь, не говорите, что я достоин был получить столь великий дар.

– Я говорю это тебе, Иосиф, ибо Я таков с праведными, каковы праведные со Мною. К тебе пришел Я, а не к ученикам Моим, ибо никто из них не питал ко Мне любви, подобной твоей, и не знал о той великой любви, что питал Я к тебе. Не из тщеславия ты снял Меня с креста, но любя Меня втайне; и Я столь же радел о тебе, и оставляю тебе драгоценное о

том свидетельство, вручая тебе эту чашу. Ты сохранишь ее до поры, когда Я научу тебя, как должно распорядиться ею.

И тогда Иисус Христос вручил ему священную чашу, добавив:

– Помни, что хранить ее должны будут трое, один за другим. Ты первый примешь ее во владение, и, коль скоро ты заслужил добрых приверженцев, ни одно святое таинство не совершится без того, чтобы не помянуть, что ты сделал для Меня.

– Господь, – ответил Иосиф, – благоволите прояснить мне сию речь.

– Ты не забыл четверг, в который Я совершал Тайную Вечерю у Симона с учениками Моими. Благословляя хлеб и вино, Я сказал им, что с хлебом вкушают они плоть Мою и с вином выпитывают кровь Мою. Так вот, память о столе Симона утвердится во многих дальних землях: алтарь, где будут приносимы святыя дары, станет гробницей, в коей ты упокоил Меня; корпорал¹¹⁵ – плащаницей, коей ты обернул Меня; потир уподобится чаше, в коей ты собрал кровь Мою; наконец, патеной, водруженной на потир, означен будет камень, коим ты запечатал гробницу Мою.

---

¹¹⁵ Корпорал – в католическом богослужении освященная квадратная пелена (как правило, белая), которую священник расстилает на алтаре, чтобы поместить на нее потир с вином и патену с гостиями (пресными лепешками). Потир – литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия, в виде чаши на высокой ножке. Патена (в православной традиции – дискос) – блюдо для причастия. (Прим. перев.).

И отныне все те, кому дано будет узреть чистым сердцем ту чашу, что Я тебе вверяю, будут Моими: они обретут до-вольство в сердце и радость нескончаемую. Те же, кто сумеет постичь и запечатлеть в памяти слова, что Я скажу тебе¹¹⁶, обретут более власти над людьми и более угодны станут Бо-гу. Впредь не будут они опасаться утеснения в правах своих, и не будут несправедливо судимы, и не сокрушены будут в бит-ве, когда стоят за правое дело.

На том Иисус Христос покинул Иосифа, поведав ему, од-нако, что придет день, когда он будет вызволен из темни-цы. Более сорока лет пребывал в ней Иосиф, и никто уже не поминал его в Иудее, когда в город Рим явился странник, некогда бывший свидетелем предсказаний, чудес и смерти Иисуса. Хозяин, приютивший его, поведал ему, что Веспасиан¹¹⁷, сын императора, поражен ужасною проказой, отчего принужден он жить отдельно от всех живых. Он заточен в башню без окон и без лестницы, и каждый день в узкую бой-ницу подают ему пищу для поддержания сил.

– Ведомо ли вам, – добавил тут хозяин, – как найти сред-ство от его недуга?

– Нет, – ответил странник, – но знаю, что в краю, откуда я

---

¹¹⁶ «Я не осмелюсь, – говорит здесь Робер де Борон, – ни вымолвить, ни напи-сать высокие слова, поведенные Иосифу, и я не смог бы это сделать, если бы и пожелал, не имея при себе великой книги, написанной великими мужами Церк-ви, где находим мы великую тайну, называемую Граалем». (Прим. П. Париса).

¹¹⁷ Веспасиан Тит Флавий – римский император, правил в 69–79 гг. н. э. Его отец был не императором, а сборщиком налогов. (Прим. перев.).

пришел, в юные мои годы был великий пророк, который исцелял от всех болезней. Его звали Иисус из Назарета. Я видел, как он ставил на ноги хромых, даровал прозрение слепым, излечивал гниющих от проказы. Иудеи умертвили его; но если бы он был жив поныне, не усомнюсь, что ему под силу было бы исцелить Веспасиана.

Хозяин передал все это императору, и тот пожелал сам услышать странника. От него он узнал, что это случилось в Иудее, в римских ее землях, бывших под управлением Пилата.

– Государь, – сказал странник, – для прояснения дел пошлите туда мудрейших ваших советников; и если я окажусь лжецом, велите отрубить мне голову.

Посланники были отправлены с наказом, ежели речи странника окажутся правдивы, найти какие-либо из вещей, что могли принадлежать несправедливо осужденному пророку.

Пилат, к коему они обратились, поведал им о детстве Иисуса, Его чудесах, ненависти к Нему Иудеев; о тщетных усилиях, что прилагал он, желая вырвать Иисуса из их рук; о воде, что требовал он, дабы отмежеваться от приговора, и о даре одному из всадников, получившему тело пророка.

– Не знаю, – добавил он, – что стало с этим Иосифом: никто мне не говорил о нем, и, может статься, Иудеи его убили, утопили или бросили в темницу.

Для дознания призвали Иудеев, которые подтвердили рассказанное Пилатом, и посланники осведомились, нет ли

какой-либо вещи, оставшейся после Иисуса.

– Есть, – ответил один Иудей, – одна старая женщина, по имени Веррина, которая хранит лик Его; она живет на улице Школы.

Пилат велел привести ее и, хотя был правителем, встал невольно, когда она предстала перед ним. Бедная женщина, трепеща и опасаясь злой участи, вначале отрицала, что у нее есть образ; но когда посланники уверили ее в своих добрых намерениях и поведали ей, что желают найти лекарство от проказы для сына императора, она сказала:

– Ни за что на свете не продам я то, чем владею; но, если вы поклянетесь оставить его мне, я со всей радостью поеду с вами в Рим и доставлю туда сей лик.

Посланники обещали исполнить пожелание Веррины и испросили позволения увидеть драгоценный образ. Она открыла ларец, вынула из него платок и, накрыв его своим плащом, тотчас вернулась к посланникам Римским, и те встали перед нею, как встал ранее Пилат.

– Слушайте, – сказала она, – как я обрела его: вот с этим тонким полотном в руках я шла, когда мне встретился пророк, ведомый Иудеями на казнь. Руки его были связаны ремнем за спиной. Те, кто вели его, попросили меня отереть ему лицо; я подошла и приложила мой платок ему ко лбу, истекающему потом, а после шла ему вослед: при каждом шаге бичевали его, но не исторгли ни единой жалобы. Вернувшись домой, я взглянула на мое полотно и там узрела лик святого

пророка.

Веррина отправилась с посланниками в Рим. Представ перед императором, она сняла с образа покров, и император трижды поклонился, хоть не было там ни дерева, ни золота, ни серебра¹¹⁸. Дотоле никогда не видел он образа столь прекрасного. Он взял его и водрузил на бойницу в башне, где томился его сын, и Веспасиан, едва лишь остановил на нем взор, тотчас почувствовал себя в совершеннейшем здравии.

Не спрашивайте, были ли странник и Веррина вознаграждены сторицей за то, что они сказали и сделали. «Образ был сохранен в Риме как драгоценная реликвия; еще и ныне почитают его под именем плата *Вероники*». Что же до молодого Веспасиана, то прежде всего пожелал он выразить свою признательность, отомстив за пророка, коему он был обязан исцелением. Вскоре император и его сын явились в Иудею во главе огромной армии. Был призван Пилат, и, дабы предупредить смуту среди Иудеев, Веспасиан велел препроводить его в тюрьму, обвиняя в том, что он пытался оградить Иисуса от казни. Иудеи, будучи уверены, что их ожидает награда, принялись наперебой хвалиться, кто более приложил руку к смерти Иисуса. Сколь же велико было их потрясение, когда они увидели себя самих плененными и закованными в цепи! Тридцать из них, виновных более всего, император

---

¹¹⁸ Живописцы в двенадцатом веке постоянно использовали золото на досках, где наносились рисунки и краски, как для заполнения фона, так и для раскрашивания одежд. (Прим. П. Париса).

велел привязать к хвостам необъезженных коней.

– Верните нам пророка Иисуса, – сказал он Иудеям, – или мы сделаем то же со всеми вами.

Они отвечали:

– Мы оставили его Иосифу, с одного Иосифа и надо спрашивать.

Казни продолжались; многие нашли от них смерть.

– Но, – сказал один из них, – даруете ли вы мне жизнь, если я укажу, куда заключили Иосифа?

– Да, – сказал Веспасиан, – при этом условии ты избежешь мучений и сохранишь свои члены.

Иудей привел их к подножию башни, где Иосиф был заточен сорок два года тому назад.

– Тому, – сказал Веспасиан, – кто исцелил меня, под силу было и сберечь жизнь своему верному слуге. Я хочу проникнуть в подземелье.

И тогда открыли подземелье, и он позвал; никто не ответил ему. Он велел принести длинную веревку и спустить его до самого дна; и вот он узрел сияющий луч света и услышал голос:

– Добро пожаловать, Веспасиан! Зачем ты пришел сюда?

– Ах, Иосиф! – сказал тут Веспасиан, обнимая его, – кто же мог сохранить тебе жизнь, а мне вернуть здоровье?

– Я скажу тебе, – отвечал Иосиф, – если ты согласен следовать его повелениям.

– Вот я готов их слушать. Говори.

– Веспасиан, Святой Дух сотворил все – небо, и землю, и море, стихии, и ночь, и день, и четыре ветра. Еще Он создал архангелов и ангелов. Среди сих последних нашлись дурные, полные гордыни, гнева, зависти, злобы, лжи, порочности и жадности. Бог низвергнул их с небесных высот; то был ливень, длившийся три дня и три ночи¹¹⁹. Сии злые ангелы были трех родов; первые спустились в ад, и ремеслом их стало мучение душ. Вторые осели на земле; они преследуют женщин и мужчин, силясь погубить их и искушая восстать на Творца; они ведут счет нашим грехам, дабы ни единый из них не был забыт. Те же, что из третьего рода, пребывают в воздухе; принимая разные обличья, они орудуют стрелами и копьями, коими пронзают души людей, совращая их с пути истинного. Такова их родословная. Что же до ангелов, сохранивших свою преданность, они обитают на небесах и не подвержены более искушению злых духов.

Затем Иосиф поведал, как Бог, стремясь заполнить пустоту, зиявшую в раю после восстания ангелов, сотворил мужчину и женщину; как извечный Враг, не в силах этого стерпеть, склонил к падению прародителей наших и как он возомнил, что увлек их в ту же бездну, ибо рай не приемлет ни

---

¹¹⁹ Мильтон, следуя неизвестному мне источнику, продлил еще на шесть дней время, которое потребовалось этим злым ангелам, чтобы спуститься с небесных высот в бездну ада: «Девятикратно время истекло, Что мерой дня и ночи служит смертным, Покуда в корчах, со своей ордой Метался Враг на огненных волнах...» (Перевод А. Штейнберга). Дж. Мильтон. «Потерянный рай», книга первая. (Прим. П. Париса).

малейшей скверны. Но Бог послал на землю Сына своего, дабы принести искупление, требуемое Справедливостью.

– Он и есть тот Сын, кого умертвили Иудеи, кто искупил за нас муки ада, кто спас меня и исцелил тебя. Доверься же его наставлениям и признай, что Бог – Отец, Сын и Святой Дух – едины и суть одно и то же.

Веспасиан без колебаний уверовал в истины, ему открытые. Он поднялся наверх и велел разрушить темницу, откуда Иосиф вышел совершенно здоровый телом и духом.

– Вот Иосиф, которого вы требовали, – сказал он Иудеям, – а вы теперь верните мне Иисуса Христа.

Они не знали, что отвечать; и Веспасиан не медлил более, учинив над ними добротное и суровое правосудие. Было оглашено по его приказу, что он отдаст тридцать Иудеев за один динарий всякому, кто пожелает их купить. А того, кто указал темницу Иосифа, со всей семьей посадили на корабль без парусов, который и понес их по морю, куда Бог пожелал их направить.

Так отомстил Веспасиан за смерть Господа нашего.

А у Иосифа была сестра Энигея, замужем за одним Иудеем по имени Брон; узнав, что Иосиф еще жив, оба супруга примчались и стали просить у него милости.

– Не меня надо просить о ней, но Иисуса воскресшего, в коего вы должны уверовать.

Они согласились со всем, что он хотел от них, и склонили друзей своих последовать их примеру.

– А теперь, – сказал Иосиф, – если помыслы ваши чисто-сердечны, вы оставите свои жилища и свое добро; вы последуете за мной, и мы покинем эту землю.

Они ответили, что готовы идти с ним повсюду, куда он пожелает их повести.

И вот Иосиф увел их в дальние края; они пребывали там долго, укрепившись в своем добром учении. Они занялись возделыванием полей. Вначале все шло, как они хотели, и все у них процветало; но пришло время, и Бог как будто отступился от них; ни в чем более не сбывались их надежды. Хлебные злаки высыхали прежде, чем созреть, и деревья перестали приносить плоды. Такова была кара за порок разврата, коему предавались многие из них. В скорби своей обратились они к Брону, мужу сестры Иосифовой, и просили его дознаться от Иосифа, пусть он скажет им, происходят ли несчастья от его грехов или от их собственных.

Иосиф тогда прибегнул к священной чаше. Весь в слезах, пал он перед нею на колени и, сотворив короткую молитву, просил Святого Духа открыть ему причину всеобщих бедствий. Голос Святого Духа ответил: «Иосиф, грех исходит не от тебя; Я научу тебя, как отделить добрых от дурных. Вспомни, как за столом у Симона Я указал того ученика, что должен был предать Меня. Иуда устыдился и перестал беседовать с Моими учениками. В подобие Тайной Вечери накрой стол, вели Брону, супругу сестры твоей Энигеи, пойти ловить рыбу в ближней реке и принести то, что он пойма-

ет. Положи рыбу перед чашей, покрытой полотном, на самой середине стола. Сделав это, созови свой народ; и когда ты сядешь точно на то место, что Я занимал у Симона, то скажи Брону подойти к столу справа от тебя, и ты увидишь, что он оставит одно пустое сидение между вами двоими. Сие место будет означать то самое, что некогда покинул Иуда. Оно не будет занято никем иным, как только сыном сына Брона и сестры твоей Энигеи¹²⁰.

Когда Брон сядет, скажи своему народу, что, если они сохранили веру в Святую Троицу, и если они следовали тем повелениям, что Я им передал твоими устами, то им дозволено занять место за столом и причаститься к благодати, коей Господь одаряет своих друзей».

Иосиф сделал все, что ему было велено. Брон отправился удить и вернулся с рыбой, которую Иосиф положил на стол, подле священного сосуда. Когда Брон, не будучи предупрежден об этом, оставил пустым одно место между Иосифом и собою, то и все прочие приблизились к столу, одни – чтобы сесть, другие – чтобы сожалеть, что не нашлось им места. И тотчас же те из них, кто сидел, прониклись неизреченным сладостным чувством, заставившим их забыть обо всем. Один из них, по имени Петр, спросил у оставшихся стоять, не чувствуют ли они того блаженства, что наполняет его.

– Нет, ничего, – ответили они.

---

¹²⁰ Отсюда в «Артуриане» начинается мотив заколдованного пустого сиденья за Круглым столом, «погибельного места». (Прим. перев.).

– Это оттого, наверное, – сказал Петр, – что вы замараны мерзким грехом, за который Господь хочет наказать вас.

Тогда, пристыженные, они вышли из дома, кроме одного, по имени Моисей. Проливая слезы, вкушал он трапезу, гаже которой для него не было на целом свете. Иосиф между тем велел преданным ему приходить каждый день, дабы причаститься к той же благодати; и вот таково было первое свидетельство чудесной силы священного сосуда.

Те же, кто ушел из дома, не желали поверить в благодать, что наполняла столь великой сладостью сердца других.

– Что же это на вас снизошло? – говорили они, подходя к тем, – о какой благодати вы нам толкуете? Нам не видно было чаши, коей достоинства вы так превозносите.

– Потому что она недоступна взорам грешников.

– Так оставим же вас одних; но что мы скажем тем, кто спросит, отчего мы вас покинули?

– Вы скажете, что мы остались, плененные благодатью Бога-Отца, Сына и Святого Духа.

– Но каким словом назвать нам чашу, столь вам любезную?

– По ее истинному имени, – отвечал Петр, – вы назовете ее *Греаль*, ибо каждый, кому будет дано ее увидеть, примет ее всею душой¹²¹ и изведает блаженство не меньшее, чем рыба,

---

¹²¹ В оригинале – en gré. Отсюда Робер де Борон производит этимологию слова Gréal – ранней формы названия чаши. По поводу происхождения и толкований названия «Грааль» см. развернутый комментарий Париса в разделе «Дополнение» (стр. 99). (Прим. перев.).

когда из руки, ее держащей, она ускользает в воду.

Они запомнили имя, названное им, и повторяли его всюду, куда приходили, и с этого времени чашу называли только именем *Грааль* или *Греаль*. Каждый день, когда близился Третий час¹²², верующие говорили, что пойдут вкусить благодать, это значит – на службу *Грааля*.

А Моисей – тот, что не хотел быть разлучен с другими добрыми христианами и, полный злобы и лицемерия, соблазнял народ своим мудрым видом и показною скорбью, – Моисей этот начал настоятельно просить Иосифа позволить ему занять место за столом.

– Не я, – сказал Иосиф, – тот, кто дарует благодать. Сам Бог отказывает в ней недостойным. Если Моисей вознамерился обмануть нас, горе ему!

– Ах! Сир, – ответили ему другие, – вид его столь печален оттого, что он не с нами, нельзя ему не верить.

– Хорошо! – сказал Иосиф, – ради вас я спрошу Его. Он преклонил колена перед Граалем и стал просить для Моисея требуемой милости.

---

¹²² Исчисление времени дня в романах производится по богослужебным кругам, или «часам» – установленным еще раннехристианской церковью периодам чтения молитв и псалмов, определенных для данного часа. Это 1-й, 3-й, 6-й, 9-й часы после восхода солнца и «час вечерней молитвы (вечерни)». Приняв условно, что солнце восходит в 6 ч утра, получим значения «часов», равные: Первый час – с 6 до 9 часов утра; Третий час – с 9 до 12 часов; Шестой час – с 12 до 15 часов; Девятый час – с 15 до 18 часов; час Вечерни – с 18 до 21 часа. Во избежание ассоциаций с современными часовыми интервалами все «часы» в тексте обозначаются заглавной буквой: Первый час, Третий и т. д. (*Прим. перев.*).

– Иосиф, – отвечив Святой Дух, – настало время испытать то место, что лежит между тобою и Броном. Скажи Моисею, что, ежели он таков, каким представляется, то может уповать на милость Божию и садиться с вами.

Вернувшись к своим, Иосиф молвил:

– Скажите Моисею, что, если он достоин благодати, никто не сможет ее отнять у него; но если ведет речи не от чистого сердца, лучше ему не просить ее.

– Меня ничто не устроит, – ответил Моисей, – если только Иосиф дозволит мне занять место с вами.

Тогда они взяли его с собой и привели в залу, где был поставлен стол.

И вот сели на свое обычное место Иосиф, и Брон, и каждый из прочих. Моисей, осмотревшись, обошел стол и стал перед пустым сидением по правую руку от Иосифа. Вот он подходит, он готов уже сесть; и в тот же миг сидение и сам он пропали, не прервав ничуть божественную службу, словно бы их никогда не было на свете. Когда служба кончилась, Петр сказал Иосифу:

– Никогда не доводилось нам пережить такого страха. Скажите нам, молю вас, что приключилось с Моисеем.

– Не ведаю, – ответил Иосиф, – но мы можем узнать у Того, Кто уже столь многому нас научил.

Он преклонил колена перед чашей:

– Господь мой, так же истинно, как Вы приняли образ во плоти во чреве Девы Марии, и как пожелали Вы претерпеть

смерть ради нас, и как вызволили меня из темницы, и как обещали Вы прийти ко мне, когда я буду молить об этом, поведайте мне, что стало с Моисеем, дабы я мог донести это людям, коих Вы доверили моему попечению.

– Иосиф, – ответил голос, – Я сказал тебе, что в память о предательстве Иудином одно место за столом, воздвигнутым тобою, должно оставаться пусто. Оно будет занято лишь с приходом твоего внучатого племянника, сына сына Брона и Энигеи.

Что до Моисея, Я покарал его за двуличие и лживый умысел, что вынашивал он против вас. Не уверовав в благодать, вас осенившую, он надеялся смутить вас. О нем не обмолвятся более до той поры, пока не придет освободить его тот, кто должен занять пустующее место¹²³. И отныне те, кто отречется от Меня и от тебя, станут испрашивать тело Моисея, и им воистину будет за что винить его¹²⁴.

---

¹²³ Все это изменено во втором сочинении, в Святом Граале. Уже не внук Брона, внучатый племянник Иосифа, должен занять пустое сидение, а Галахад, по прошествии долгого времени. Перед тем Ланселоту предстоит открыть бездну, в которую низвергнут Моисей, но не освободить его. (Прим. П. Париса).

¹²⁴ Qui recréront ma compagnie Et la teue, ne doute mie. De Moyses se clameront Et durement l'accuseront. Те, кто отпадут от моей общины И от твоей, не сомневайся, Возопят о Моисее И будут жестоко его обвинять (ст. – фр.). Последний стих придает всему смыслу некоторую неопределенность. Прозаический текст так передает это место: *Et cil qui recroiront ma compagnie clameront la sepulture cors Moys* [И те, кто отпадут от моей общины, будут взывать к гробнице с телом Моисея (ст. – фр.)]. Это место как будто напоминает, с одной стороны, послание св. Иуды, стихи 5 и 9; с другой – Евангелие от Матфея, гл. XXIII, § 1, 2 и 3: «Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: – На *Моисеевом седалище*

У Брона и Энигеи было двенадцать сыновей, и когда они выросли, то стали обременять родителей. Энигея умоляла своего супруга спросить Иосифа, что им делать.

– Я спрошу совета, – ответил Иосиф, – у священного суда.

Он пал на колени, и в этот раз ответ ему был передан с ангелом.

– Бог, – сказал тот, – сделает для твоих племянников все, что ты пожелаешь. Он позволяет им всем взять себе жен, при условии, что они признают главой того из них, кто не возьмет жены.

Когда эти слова дошли до Брона, он собрал своих сыновей и спросил их, какую жизнь они хотели бы вести. Одиннадцать ответили, что желали бы жениться. Отец стал искать и нашел им жен, с которыми и соединил их по изначальным обрядам святой Церкви¹²⁵. Он им дал совет хранить верность брачному обету, блюсти всегда чистоту и быть едиными в сердцах и помыслах.

сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают». (*Прим. П. Париса*). Вот стихи из послания св. Иуды, которые имел в виду Парис. Стих 5: «Я хочу напомнить вам, уже знающим это, что Господь, избавив народ из земли Египетской, потом неверовавших погубил». Стих 9: «Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: «да запретит тебе Господь»». (*Прим. перев.*).

¹²⁵ Prisent les selonс la viez loi Tous sans orgueil et sans bufoi. En la forme de sainte Eglise. (V. 295)[Взяли их по древнему закону, Без гордыни всех и без шутовства, По обряду святой Церкви (ст. – фр.)].

Один лишь, по имени Ален, сказал, что скорее даст содрать с себя заживо кожу, чем возьмет жену. Брон привел его к дяде. Иосиф принял его, смеясь:

– Ален должен быть мой, – сказал он, – я прошу вас, сестра и брат, отдать мне его.

И, обняв его, промолвил:

– Мой милый племянник, возрадуйтесь: Господь наш избрал вас, чтобы прославить его имя. Вы станете главным среди ваших братьев и будете править ими.

Он возвратился к Граалю, чтобы спросить, чему он должен научить племянника.

– Иосиф, – ответил голос, – твой племянник мудр и готов воспринять наставления. Открой ему тайну о той великой любви, которую Я питаю к тебе и ко всем тем, кто мудро воспринял Мое учение. Поведай ему, как Я сошел на землю, чтобы принять позорную смерть; как ты омыл раны Мои и собрал кровь Мою в сей сосуд; и как Я одарил драгоценнейшим даром тебя, твой род и всех тех, кто возжаждет чести причаститься к нему. Благодаря сему дару повсюду вас примут благосклонно, и никто не затаит зла на вас; в любой тяжбе Я буду на вашей стороне, и никогда вас не осудят за преступление, коего вы не совершали. Когда Ален познает это все, принеси священный сосуд; покажи ему кровь, изошедшую из Моего тела; предупреди его о коварных уловках, измышляемых Врагом, дабы завлечь тех, кого Я люблю: наипаче пусть остерегается гнева, ибо гнев ослепляет людей и со-

вращает с праведного пути; пусть он не предастся плотским удовольствиям и будет тверд, прославляя имя Мое среди тех, кого он приблизит. Он будет пастырем своим братьям и сестрам; он поведет их в страну, отдаленнейшую от Запада.

Завтра, когда вы все соберетесь, великий свет снизойдет на вас, и с ним придет послание, обращенное к Петру и повелевающее ему покинуть вас. Не назначайте ему пути; он сам укажет вам дорогу, ведущую к Долинам Аварона¹²⁶; он будет жить там вплоть до прибытия сына Алена¹²⁷, который откроет ему всю силу твоего священного сосуда и уведомит его, что стало с Моисеем.

Иосиф сделал то, что было ему велено. Он просветил юного Алена, которого Бог удостоил своей благодати. Он рассказал ему, что знал сам от Иисуса Христа и что ему еще поведал голос.

Затем, на другой день, все они были на службе Грааля и видели, как с небес спустилась сияющая рука, оставив послание на священном столе. Иосиф взял его и сказал, обратившись к Петру:

---

¹²⁶ Эти Долины Аварона, лежащие к западу, напоминают источники Аларона, которые поэма о Мерлине помещает в Великобритании: *Sic Bladulus eos, regni dum sceptrum tenerret, Constituit nomenque suum consortis Alaron* (v. 873). [Бани построил Бладуд в те годы, когда царский держал он Жезл, и вода, получив по жене его имя Аларон... (лат).] (Пер. А. С. Бобовича). (Прим. П. Париса).

¹²⁷ Из предыдущего текста следует, что Алел не собирался жениться и заводить детей. Однако в послесловии Робера де Борона к этой поэме тоже упоминается сын Алел. Остается предположить, что Алел изменил свои намерения после того, как выполнил свою миссионерскую задачу. (Прим. перев.).

– Милый брат, Иисус, испуивший нас от мук ада, назвал вас своим вестником. Вот послание, возлагающее на вас этот долг; поведайте нам, в какую сторону вы думаете направить-ся.

– К Западу, – ответил Петр, – в дикую страну, называемую Долинами Аварона; там я буду ждать милости Божией.

Между тем одиннадцать сыновей Брона, ведомые Аленом, коего они признали своим главою, покинули родителей. Они подались в дальние земли, возвещая всем встречным имя Иисуса. Повсюду Ален завоевывал сердца тех, кто ему внимал¹²⁸.

А Петр, уступив просьбам своих друзей, согласился остаться среди них еще на день. И ангел Господень сказал Иосифу:

– Петр хорошо поступил, промедлив с уходом; Бог хочет сделать его свидетелем силы Грааля. Брон, коего Господь уже избрал однажды для того, чтобы поймать рыбу, будет хранить Грааль после тебя. От тебя он узнает, как должно оберегать его и какую любовь Иисус Христос питал к тебе. Ты ему поведаешь сладостные, драгоценные и святые слова, называемые *тайнами Грааля*. После ты вручишь ему святой сосуд; и с этой поры те, кто захочет назвать Брона его истинным именем, будут называть его *Богатый Рыболов*.

И еще ангел Господень добавил:

---

¹²⁸ Любопытная аналогия с миссионерством двенадцати апостолов во главе с Петром. (Прим. перев.).

– Все твои спутники должны последовать на Запад; Брон, Богатый Рыболов, изберет тот же путь и остановится там, где подскажет ему сердце. Там он дожидается сына своего сына, чтобы передать ему чашу и благодать, сопряженную с обладанием ею. И тот будет ее последним хранителем. Так, через трех добродетельных мужей, коим доведется хранить чашу, осуществится символ пресвятой Троицы. Ты же сам, вручив Грааль Брону, покинешь мир и вступишь в царство вечной радости, уготованной друзьям Божиим¹²⁹.

Иосиф сделал, что ему повелел голос. На другой день, после службы Грааля, он поведал всем своим товарищам то, что слышал, кроме святых слов, открытых ему Иисусом Христом в темнице. Эти слова он передал только Богатому Рыболову, а тот записал их вместе с другими тайнами, коих не должны слышать непосвященные.

На третий день после отбытия Петра Брон, отныне храни-

---

¹²⁹ Есть некоторое противоречие между этими стихами: *Et tu, quand tout ce fait aras, Dou siecle te departiras, Si venras en parfaite joie Qui as boens est et si est moie; Ce est en pardurable vie... (V. 3395)* [И ты, когда все это исполнишь, Расстанешься с миром И отойдешь к совершенной радости, Которая во благе есть и во Мне; И это на вечную жизнь... (ст. – фр.)] и тем, что мы читаем дальше, после рассказа об отъезде Брона: *Ainsi Joseph se demoura... En la terre là ù fu nez: Et Joseph si est demourés. (V. 3455)* [И так Иосиф остался... В той земле, где был рожден: И Иосиф там стал пребывать (ст. – фр.)]. Но эти последние слова переставлены и, может быть, добавлены впустую. В любом случае, вернулся ли Иосиф в Сирию или умер после отъезда Брона, Алена и Петра, мы видим, что у Робера он не ступает на землю Альбиона. (*Прим. П. Париса*).

тель Грааля, сказал Иосифу:

– Я хотел бы удалиться, отпусти меня.

– От всей души, – ответил Иосиф, – ибо твое желание – желание Бога.

Так он расстался с Богатым Рыболовом, о котором с тех пор сложили немало сказаний¹³⁰.

Мессир Робер де Борон говорит: «Теперь бы надобно суметь рассказать, что стало с Аленом, сыном Брона; в какую страну он попал; какой наследник от него родился и какая женщина его вскормила. – Надо бы сказать, какую жизнь вел Петр, в каких местах он побывал и где его, должно быть, найдут. – Надо бы поведать, что стало с Моисеем, столь надолго потерянным; затем, наконец, куда отправился Богатый Рыболов, где он остановился и как к нему возможно прийти.

Эти четыре отдельные повести следовало бы объединить и представить каждую, какой она должна быть; но никто не смог бы собрать их вместе, не услышав перед тем рассказ о других частях великой и правдивой истории Грааля; и в то время, когда я ее излагал, при покойном монсеньоре Готье, который был из Мон-Белиаля¹³¹, она еще не была описана ни одним из смертных. Теперь я извещаю всех, к кому попадет мой труд, что, ежели Бог дарует мне жизнь и здоровье, я на-

---

¹³⁰ Dont furent puis maintes parolesContées, qui ne sont pas folles. (V. 3457)[О котором потом было сказаноМного слов, и они не были глупы (ст. – фр.)].(Прим. П. Париса).

¹³¹ Т. е. из графства Монбельяр. (Прим. перев.).

мерен заново написать эти четыре части, если только отыщу основу их в книге. Но сейчас я не только оставляю ту ветвь, которой следовал до сих пор, но также и три других, от нее зависимых, чтобы заняться пятой, с обещанием вернуться когда-нибудь к предыдущим. Ибо, если бы я не позаботился об этом уведомить, то, я уверен, нет в мире человека, который не счел бы их утерянными и не стал бы гадать, почему я их оставил»¹³².

---

¹³² Здесь и далее особым шрифтом выделены фрагменты, где Парис вторгается на правах автора, сокращая либо вольно перелагая часть текста, перемежая его комментариями и ремарками. (Прим. перев.).

Переход к «Святому Граалю»

Такова первая книга или, лучше сказать, исходное введение ко всем Романам Круглого Стола. После истории *Иосифа Аримафейского* Робер де Борон, оставив в запасе целый ряд приключений Алена, Брона, Петра и Моисея, переходит к другой главе или ветви повествования – ветви о *Мерлине*, которую мы находим в полностью сохраненном виде лишь в прозаическом романе того же названия.

Но вначале мы займемся романом в прозе о *Святом Граале*, еще одной формой той легенды об Иосифе, которую Робер де Борон изложил в стихах.

Здесь уже нет, как в поэме, более или менее точного переводчика валлийской легенды о *Граале*; здесь есть автор *Грааля*, который, говоря от своего имени, хочет приписать самому Иисусу Христу роль сочинителя и публикатора книги.

Этот автор не называет себя, объясняя свою скромность тремя не слишком уважительными причинами. Если бы он позволил себя узнать, говорит он, вряд ли бы кто поверил, что Бог открыл такие великие тайны личности столь ничтожной; книгу не почитали бы в той мере, как она этого заслуживает; наконец, автора сочли бы ответственным за те ошибки и промахи, которые могут допустить переписчики. Эти причины, говорю я, никуда не годятся. Бог, повелевший ему переписать книгу, отнюдь не рекомендовал ему скрывать свое

имя; если его сочли достойным такой милости, его не должно было заботить, что скажут завистники; наконец, боязнь ошибок и вставок, сделанных переписчиками, должна была его беспокоить не больше, чем Моисея, апостолов и еще многих авторов, духовных или светских. Он не назвал своего имени, чтобы окутать якобы данное ему откровение еще более непроницаемой тайной; но вот этого ему не стоило говорить: он мог бы потрудиться найти другие оправдания.

Он выдавал себя за священника, живущего в уединенном скиту, вдали от всех проторенных дорог. Дадим теперь ему слово, несколько сократив его рассказ:

Обретение книги Грааль

Перевод и комментарии И. С. Мальского

В Страстной Четверг¹³³ года 717, едва я, отслужив вечерню¹³⁴, отошел ко сну, послышался мне глас, подобный раскату грома, и молвил: «Проснись и слушай о Едином в Трех и о Трех в Едином». Я открыл глаза и узрел вокруг себя небывалое великолепие. И предстал мне муж дивной красоты, и спросил:

– Уразумел ли ты реченное Мною?

– Не дерзну так утверждать, господин мой¹³⁵.

– Словами теми изъяснена сущность Троицы. Ты сомневался, что Единое Божество, Единая Сила существует в трех

---

¹³³ По мнению Полена Париса, приведенная в оригинальном тексте датировка представляется правдоподобной. В таком случае, начало событий, изложенных в рукописи, приходится на 1 апреля 717 г. (поскольку в этом году Пасха праздновалась 4 апреля). Подробнее см.: расчет хронологии событий (прим. 1 на стр. 144).

¹³⁴ Т. е., в десятом часу вечера. Об исчислении времени в романах см. прим. 2 на стр. 120. Ср.: Деян. 2:3–4.

¹³⁵ В оригинале «Sir». См. прим. 3 на стр. 108.

лицах. Скажи, кто же тогда Я?

– Господин мой, очи мои немощны, Ваш великий свет ослепляет меня; и словом человеческим нельзя выразить то, что превышает человеческого.

Сей неведомый склонился надо мною и дунул мне в лицо. И тотчас чувства мои обострились, уста исполнились бесчисленного множества наречий. Но лишь вознамерился я заговорить, как привиделось мне, будто из уст моих исторгся факел огненный, и преградил тот огонь путь словам, кои желал я произнести¹³⁶.

– Уверуй же, – молвил неведомый Муж. – Я – Податель истины и Кладезь премудрости. Я – Господь Всевышний, Тот, о Коем сказано у Никодима¹³⁷: «Мы знаем, что Вы – Бог¹³⁸».

---

¹³⁶ Ср.: Деян. 2:3–4.

¹³⁷ Апокрифическое Евангелие Никодима, материал которого широко используется в романах об Иосифе Аримафейском и о чаше Грааль из бретонской версии «артурианы». Видимо, уже в X – начале XI в. Евангелие Никодима было переведено с латинского на славянские языки и, судя по количеству сохранившихся списков XIII–XVIII вв. (около 70), пользовалось большой популярностью в православной среде. В древнерусской письменности полная редакция Евангелия Никодима известна начиная с XV в.; в XVI в. (время наибольшего распространения) оно включается в состав Великих Миней Четиих митрополита Макария под 13 ноября. В краткой редакции обычно сопровождалось циклом сказаний на ту же тему, среди которых мы находим и древнерусскую версию «Повести об Иосифе Аримафейском».

¹³⁸ Вольная цитация речи персонифицированного Ада к Сатане (рассказ о шестивии Христа во ад): «Вот и теперь я знаю, что человек, который может сделать такое, – это Бог сильный и обладающий властью, и в человеческом естестве – Спаситель Он людского рода» (Никодим XX:6).

Убедившись в твоей вере, Я поведаю тебе величайшую из тайн земных.

И Он протянул мне книгу, что легко поместилась бы в ладони, и молвил:

– Вверяю тебе величайшее чудо, какое только возможно получить человеку. Книгу сию, писанную моею рукою¹³⁹, должно читать сердцем, ибо язык смертного не может произнести слов ее, не досадив этим четырем стихиям¹⁴⁰, не по-

---

¹³⁹ Как известно, Евангелия записаны по устной традиции и являются «все-го лишь» боговдохновенными текстами, а не написанными Христом собственноручно. Таким образом, в стремлении утвердить правомерность включения «галльского Евангелия» в литургический сборник автор ставит этот текст выше канонических, занимая тем самым откровенно схизматическую позицию. И отнюдь не случайно, поскольку уже в самом «Святом Граале» мы находим такое высказывание: «Кто же осмелится усомниться в словах, написанных Иисусом Христом – Подателем истины?»

¹⁴⁰ Четыре стихии, или первоэлемента, из которых состоит весь материальный мир – земля, вода, воздух, огонь. Античное космогоническое и философское понятие, впервые встречающееся у Эмпедокла. Платон использовал этот термин для обозначения простейших чувствующих тел (см. «Теэтет» 201 e) и физических элементов («Софист» 252 b). Получив дальнейшее развитие в работах Аристотеля (см. «Метафизика», кн. 5, гл. 3), чей авторитет оставался неоспоримым в глазах европейских схоластов вплоть до XVII века, идея четырех стихий стала неотъемлемой частью картины мира образованного человека средневековья. В бретонской «артуриане» этот образчик причудливого смешения античной «языческой» космогонии с христианской – далеко не единственный. В тексте «Святого Грааля», к примеру, приведена великолепная по своей неожиданности легенда о том, как Создатель выделил первоэлементы из хаоса, чтобы получить материалы для сотворения мира, а остатки вновь смешал в кучу и забросил в море. Так возникает Вертлявый остров, на котором не действуют обычные физические законы, что и становится основой приключений одного из персонажей книги.

тревожив небеса, не возмутив воздух, не расколов землю и не изменив окраску вод. Муж, открывший ее с чистым сердцем, испытает радость тела и души, и тот, кто узрит ее, да не убоится внезапной смерти, сколь бы ни был велик груз его грехов.

Тут великое сияние, которое я едва уже выносил, возросло столь сильно, что ослепило меня. И пал я без памяти, а когда чувства ко мне возвратились, не было боле вокруг никаких чудес, и я принял бы все, что приключилось со мною, за сон, коли не нашел бы в руке своей ту книгу, что вручил мне Владыка владык. Тут поднялся я, преисполненный тихой радости, и вознес свои молитвы, а после стал разглядывать книгу, и узрел на заглавном листе:

«Се корень рода твоего»¹⁴¹

И читал я до Первого часа¹⁴², но мнилось мне, будто я едва начал, столь много букв умещалось на малых сих страницах.

И читал я затем до Третьего часа¹⁴³, следуя от корня древа

---

¹⁴¹ Первое явное вмешательство в первоначальный текст редактора XII–XIII века. Его замысел заключался в придании бретонской «артуриане» характерной для того времени формы «обрамленной повести». Для этого монах, от лица которого ведется повествование, отождествляется с фигурой Насьена (или сына Насьена), потомка первых хранителей Чаши и приближенного короля Артура из «рыцарской» ветви цикла. После гибели Артура в схватке с изменником Мордредом (заключительный эпизод эпопеи) Насьен откажется от оружия и наденет монашескую рясу. Именно тогда ему явится Христос и повелит переписать божественную книгу Грааль.

¹⁴² То есть, до восхода солнца.

¹⁴³ 9 часов утра.

рода моего и узнавая с течением повести о славных деяниях предшественников моих. Подле них казался я лишь тенью человека, столь далек я был от того, чтобы равняться с ними в добродетелях. Продвигаясь в чтении далее, прочитал я:

«Начинается Святой Грааль»

И третье заглавие:

«Начинаются Страсти»

И заглавие четвертое:

«Начинаются Чудеса»

Молния сверкнула пред моими очами, а вослед ей грянул гром. Дивный свет все разгорался, и не мог я снести его блеска, и во второй раз лишился чувств.

Не ведаю, сколь долго пребывал я в таком состоянии, но, когда поднялся, стояла вокруг тьма кромешная. Мало-помалу стал возвращаться день, вновь засияло солнце, и обонял я приятнейшие запахи и внимал сладчайшему пению, какое только доводилось мне слышать; певчие, мнилось, чуть не касались меня, но не смог я их увидеть и не смог ощутить. Они же хвалили Господа, то и дело повторяя:

«Честь и слава Победителю смерти, Подателю жизни вечной!»¹⁴⁴

Возгласив хвалу сию восьмикратно, голоса смолкли; и слышал я громкое плескание крыльев, а потом смолкли все

---

¹⁴⁴ Многократный рефрен-славословие характерен для хвалебных псалмов. Но, поскольку в изобретенном автором «псалме» воспевается Христос, а не ветхозаветный Создатель, этот текст соответствия в Псалтири, естественно, не имеет.

звуки, лишь витал аромат, сладость коего пронизала меня.

Наступил уже Девятый¹⁴⁵ час; мне же чудилось, лишь брезжит первый утренний проблеск. Я закрыл книгу и начал службу Страстной Пятницы. В этот день не совершают таинства причастия, ибо Господь выбрал его, дабы умереть. В виду воплощенной Истины не должно прибегать к символу Ее; и коли им причащают в иные дни, сие есть память об истинном Жертвовании пятничном.

Когда уже готов я был воспринять Спасителя моего и преломил хлебец жертвенный на три части, явился ангел, удержал мои руки и молвил:

– Не вкушай от трех частей сих, доколе не увидишь явленного мною.

И вознес он меня на воздух – не телом, но душою, – и доставил в некую страну, где исполнился я такой радости, что ни единый язык не мог бы всю ее выразить, ни единое ухо услышать, ни единое сердце вместить¹⁴⁶. Не солгу, возвествивши, что попал я на третье небо, куда вознесен был святой Павел; но, дабы избежать обвинений в тщеславии, поведаю лишь, что была мне там открыта великая тайна, кою, согласно святому Павлу, словом человеческим нельзя пересказать¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ 15–18 часов.

¹⁴⁶ Для придания правдоподобия своему «видению» автор, в числе прочих приемов, использует скрытое цитирование. Ср.: 1 Кор. 2:9; также Ис. 64:4.

¹⁴⁷ См.: 2 Кор. 12:2–4.

И молвил ангел:

– Видел ты чудеса великие, теперь же готовься узреть еще большие.

И вознес он меня еще выше, в страну, что светилась и переливалась всеми красками во сто крат сильнее, нежели стекло.

И дозволено мне было лицезреть Троицу – отдельно Отца, Сына и Духа Святого, и целокупность их в единой форме, едином Божестве, едином могуществе. Да не упрекнут меня завистники, что-де оспариваю я премудрость святого Иоанна Евангелиста, изрекшего:

«Очи смертного не видели и не смогут вовеки увидеть предвечного Отца»¹⁴⁸.

Ибо святой Иоанн разумел очи телесные; когда же душа разлучена с телом, дано ей разглядеть то, что тело мешало увидеть.

И вот, пребывая в таком созерцании, ощутил я, как задрожала твердь и гром прокатился. Несчетное множество Добродетелей небесных окружило Троицу и вдруг поникло, словно лишившись чувств. Тут ангел принял меня и отнес туда, откуда взял. И прежде того, как вернуть душе моей привычную оболочку, спросил: видел ли я чудеса великие?

– Ах! столь великие, – отвечал я, – что ни один язык не мог бы поведать о них.

---

¹⁴⁸ У Иоанна это утверждение на будущее не распространяется (см.: Иоан. 1:18).

– Вернись же вновь в свое тело и теперь, когда ты боле не усомняешься в Троице, иди и достойно прими Того, кого познал.

И вот, когда опять обрел я¹⁴⁹ плоть свою, уже не увидел подле себя ангела, но лишь книгу. Причастившись, дочитал я ее до конца и упрятал в ковчежец, в коем хранил просфоры. Я запер ковчежец сей на ключ и вернулся в свое обиталище, и положил не прикасаться более к книге до свершения пасхальной мессы. Каковы же были скорбь моя и удивление, когда после первой же службы¹⁵⁰, открыв ковчежец, не нашел я в нем книги; а ведь до того часа я даже не отпирал его!¹⁵¹

---

¹⁴⁹ Весь нижеследующий абзац изложен у Полена Париса в третьем лице. Нам не представилось возможности проверить, следует ли он в этом тексте средневекового оригинала. Чем вызвано такое нарушение стиля, неясно; возможно, это просто ошибка переписчика. В данной публикации мы сочли возможным придерживаться единой манеры изложения от лица рассказчика.

¹⁵⁰ Согласно нашему расчету (см. прим. 1 на стр. 144), вероятнее всего, имеется в виду вечерня Страстной Пятницы.

¹⁵¹ Дальнейший рассказ, с точки зрения обоснования правомерности включения текста «Святого Грааля» в литургический сборник, представляется нам избыточным. В литературном отношении история «хождения» рассказчика также самодостаточна и объединена с предыдущим, чисто мистическим, сюжетом разве что предметом поиска. Возможное объяснение наличия такой избыточности подсказывает нам сам автор, который, будучи отнюдь не уверен в неузвимости своей истории, устраивает превентивную полемику с вероятными «завистниками». Следующим шагом при такой позиции неизбежно должно было стать нагромождение новых подробностей для усиления правдоподобия общей картины, что мы и имеем в тексте. Именно этим обстоятельством, как нам кажется, и воспользовался редактор, конструировавший архитектуру бретонского «артуровского» цикла: поскольку по многим внешним признакам жанр «хождения» есте-

И тотчас же глас свыше рек такие слова:

– Что дивного в том, что книги больше нет там, куда ты ее запер? Разве Бог не покинул свою гробницу, не сдвигая с нее камня¹⁵²? Но вот что велит тебе Всевышний: завтра поутру, отслужив мессу и поевши, ступай по тропе, проторенной к проезжей дороге. Та же доведет тебя до дороги к Месту Распри¹⁵³, что возле Каменной Плиты¹⁵⁴. Здесь возьми впра-

---

ственным образом перекликается с рыцарским «приключением», оказалось достаточным сделать несколько характерных вставок, чтобы текст обрел нужную направленность.

¹⁵² Явная неточность. В Евангелиях утверждается, напротив, что надгробная плита гробницы была снята (см.: Мар. 16:4: «И взглянувши видят, что камень отвален»; Лук. 21:2: «Но нашли камень отваленным от гроба»; Иоан. 20:1: «Камень отвален от гроба»), а у Матфея и Никодима даже уточняется, кем (см.: Матф. 28:2: «Ангел Господень, сошедший с небес, приступив отвалил камень от двери гроба и сидел на нем»; Никодим XIII:1: «ангел Божий отвалил камень могильный и сидел на нем»). Более правомерной параллелью представлялись бы, к примеру, известные эпизоды с вызволением апостолов из темницы ангелом Господним (Деян. 5:18–24; 12:3–12) либо аналогичный пассаж с исчезновением из темницы Иосифа в Евангелии Никодима (XII:6).

¹⁵³ Вставленная редактором привязка места действия к географии и событиям «артурианы». Перевод в данном случае основан на трактовке понятия «Каменная Плита» (см. прим. 2). По нашему мнению, речь идет об известном эпизоде «распри» рыцарей, не желавших признавать законным королем юного Артура, возле плиты с заколдованным мечом. Возможно также, что имелся в виду сам заколдованный меч, и в таком контексте лексему «la Prise» следовало бы переводить как «<Место взятия> трофея» (т. е., меча).

¹⁵⁴ Фр. «perron» – каменная плита, приподнятая над поверхностью земли. Именно этим словом в романе «Мерлин» бретонского цикла обозначается камень с водруженной на него наковальней, из-под которой претендент на трон Утер-Пендрагона должен был выдернуть меч, чтобы доказать свое право насле-

во, и тогда попадешь на тропу, ведущую к перекрестку Восьми Путей, что на равнине Вальстока. Дойдя же до Скорбного родника, где некогда была великая сеча¹⁵⁵, встретишь ты неведомого зверя, коему велено указать тебе путь. И вот, как потеряешь ты его из виду – а будет это в местности, называемой Норгав, – наступит конец твоим поискам¹⁵⁶.

На другой день¹⁵⁷ во исполнение веленного я покинул свое жилище, осенив крестным знамением дверь и перекрестившись сам.

Я миновал Каменную Плиту и достиг Долины мертвых, кою легко узнал, ибо некогда видел там битву двух рыцарей, лучших во всем свете¹⁵⁸. И вот, пройдя еще галльский лье¹⁵⁹

дования. Возьмем на себя смелость предположить, что редактор вставил сюда упоминание именно об этой плите. Это кажется наиболее вероятным по естественной логике поведения Насьена, который, уйдя в монахи из скорби по погибшим, не должен был переселяться в слишком удаленные места.

¹⁵⁵ Мы полагаем, что это место следует ассоциировать со сражением сторонников и противников Артура в финале эпопеи, в котором пал весь цвет рыцарства артуровского королевства.

¹⁵⁶ П. Парис, тщетно пытавшийся найти упомянутым в абзаце названиям топонимические соответствия, полагал, что в тексте топонимы «искажены». Исходя из ранее высказанных соображений, мы считаем, что это мнение может оказаться справедливо лишь по отношению к Вальстоку и Норгаву. Остальные названия мы относим исключительно к реалиям «артурианы».

¹⁵⁷ В Страстную Субботу; см. прим. 1 на стр. 144.

¹⁵⁸ Как и Скорбный родник, эта аллюзия, видимо, относится к уже упоминавшемуся заключительному эпизоду романов Круглого Стола (см. прим. 3 на стр. 137).

¹⁵⁹ «Une lieue galesche» (ст. – фр.), по мнению П. Париса, соответствует миле,

от того места, я приблизился к перекрестку; предо мною подле источника высился крест, а под крестом тем возлежал зверь, о коем поведал мне ангел. Завидя меня, он поднялся; и чем дольше смотрел я на него, тем менее мог распознать его природу. Глава и шея его, белые, будто только что выпавший снег, были как у агнца, лапы – словно от черной собаки, тело лисье, шерсть и хвост – как у льва. Приметив, что сотворил я знак креста, он немедля встал, направился к перекрестку и пошел по ближней дороге, ведущей направо. Я следовал за ним так близко, как позволяли возраст мой и немощь; в час Вечерни¹⁶⁰ он покинул торную дорогу и свернул в обширные заросли орешника, по которым шествовал почти до исхода дня. И вот мы устремились в глубокую долину, затененную густым лесом, и очутились перед скитом¹⁶¹; на пороге его стоял старец в монашеских одеждах. Завидя меня, сей добрый человек откинул с головы капюшон, преклонил колена и испросил моего благословения.

– Я такой же грешник, как и вы, – отвечал я, – и благословлять не вправе.

Но напрасны были мои речи: он так и не поднялся, покуда

какое название «традиционалисты-англичане здраво предпочитают названию «двойной километр»».

¹⁶⁰ 18-21 час.

¹⁶¹ В оригинале «loge» – старинное название небольшого уединенного жилища; во времена Париса это слово еще употреблялось среди дровосеков и лесников. Хотя название «скит» и носит отчетливо православную окраску, оно почти идеально соответствует контексту, в связи с чем и было использовано в переводе.

не получил благословения. Затем старец ввел меня за руку в скит и настоял, чтобы я разделил его трапезу. Я провел там ночь, и наутро, помолясь, как просил меня тот добрый человек¹⁶², вновь пустился в путь; а за изгородью уже поджидал мой провожатый – чудный зверь. И я все следовал за ним по лесу, пока к полдню мы не очутились в дивных ландах¹⁶³. В том месте высилась сосна, называемая Древом Приключений¹⁶⁴, а под корнями ее бил чудесный родник, песчаное ложе которого было красным, будто огонь пылающий, вода же холодна, как лед. Трижды за день вода сия становилась зеленой изумруда и горькою, словно желчь.

Зверь улегся под сосною; когда же вознамерился я сесть

---

¹⁶² Согласно нашему расчету (см. прим. 1 на стр. 144), ночевка в ските приходится как раз на канун Пасхи, что не нашло отражения в тексте. Возможно, это место подверглось редакторскому сокращению. Трудно предположить, что рассказчик, ранее скрупулезно упоминавший чуть ли не каждую мессу, не только забывает отстоять службу в день главного христианского праздника, но и молится лишь потому, что его «просил» хозяин скита!

¹⁶³ Наряду с лесами, характерное место действия рыцарских романов. Этим словом обозначались поросшие вереском и травами пустоши – неосвоенные, никогда не обрабатывавшиеся земли, занимавшие большую часть территории средневековой Западной Европы. По сложившейся традиции слово «ланды» не переводится.

¹⁶⁴ Фр. «aventure» в данном контексте не имеет адекватного соответствия в русском языке. Этот термин также весьма характерен для рыцарских романов, где используется применительно к странствию, предпринятому рыцарем специально в поисках этих «приключений». «Приключение» – не просто любое происшествие в пути, но приличествующее рыцарю героическое деяние: битва с другим рыцарем или драконом, помощь попавшей в беду прекрасной даме etc.

подле него, то увидел, что поспешает ко мне на взмокшей лошади некто, по виду слуга. А тот, спешившись у родника, снял с шеи своей полотняный сверток и молвил, преклонив колена:

– Госпожа моя, что обязана Рыцарю Золотого кольца волею своим в день, когда некто, известный вам, узрел великое чудо, приветствует вас и просит отведать сих кушаний.

И он развернул тряпицу, и вынул из нее яйца, белый, еще теплый пирог, чашу и бочонок, полный ячменного пива. Я с великой охотой взялся за трапезу, а затем велел слуге прибрать, что осталось, и вернуть даме с моею благодарностью¹⁶⁵.

И слуга удалился, а я вновь отправился своею дорогой вслед зверю. На склоне дня мы вышли из чащи к перекрестку, где воздвигнут был деревянный крест. Там зверь остановился; слышался конский топот, и вот явились трое рыцарей.

– Добро пожаловать! – молвил первый рыцарь, сходя с коня; он взял меня за руку и просил остановиться на ночлег в его жилище.

---

¹⁶⁵ Странствующий монах был обязан питаться лишь тем, что ему подадут, и не иметь съестных припасов. В данном случае редактор удачно объединяет «божественно-мистическую» тему с «рыцарско-мистической» в лице дамы, благодарной герою повествования («некто», узревший великое чудо) за мистическую сопричастность к ее спасению. Таким образом, широко распространенная в куртуазной литературе (и, в частности, в бретонской «артуриане») тема предопределенной связи времен и событий в этом эпизоде приобретает несколько неожиданный оттенок.

– Возьмите коней под уздцы, – велел он своему оруженосцу¹⁶⁶.

И я последовал за двумя рыцарями до их жилища. Первый же из них, мыслю я, признал меня по носимому мною знаку¹⁶⁷, ибо встречал меня ранее в месте, которое назвал. Но видя, что не желаю я открывать свои помыслы, он не упорствовал в расспросах и удовольствовался тем, что принял меня как нельзя лучше.

Наутро продолжил я свое странствие, а зверь уже ждал у дверей, готовый пуститься в дорогу¹⁶⁸. К Третьему часу¹⁶⁹ мы достигли в пути своем лесной опушки, и узрел я посреди просторной поляны красивую церковь, прилепившуюся к па-

---

¹⁶⁶ В данном случае приказание отражает намерение рыцаря пешком сопроводить пешего гостя, что должно продемонстрировать тому куртуазность хозяина и его отношение к себе как к равному.

¹⁶⁷ Еще одна «привязка» к образу Насыена (см. прим.2 на стр. 132). Этот «знак», на наш взгляд, – изображение герба либо, может быть, перстень – знак принадлежности к рыцарскому сословию, оставшийся со времени пребывания при дворе короля Артура. Такой вариант вполне проясняет не только то, каким образом могли встречаться рыцарь с рассказчиком в прежние времена, но и весь характер эпизода.

¹⁶⁸ Начиная от ландов и Древа Приключений вплоть до этого места текст существенно отличается от остального содержанием, стилем и образным рядом и, по нашему мнению, представляет собой обширную вставку редактора. Помимо выполнения уже отмеченной задачи отождествления рассказчика с Насыеном, этот ряд эпизодов привносит в повествование необходимый рыцарский антураж. При этом, однако, появляются лишние сутки пути, что искажает хронологическую картину действия. Исходя из этих соображений, мы игнорировали указанную вставку при расчете времени (см. прим. 1 на стр. 144).

¹⁶⁹ К 9 часам утра.

латам немалым, подле вод, называемых Королевиным Озером. В церкви той прекрасные монахини пели утреню высокими и сладостными голосами. Они приняли меня, дав и мне помолиться своим чередом, а после службы насытили трапезой; но вотще просили меня остаться: я простился с ними и, ведомый зверем, возвернулся в лес. Когда же свечерело, бросил я взор на плиту у обочины дороги; и увидел там опечатанный свиток, каковой поспешил развернуть, и прочел в нем такие слова:

«Господь Всевышний возглашает тебе, что обретешь ты искомое нынешней ночью».

Я повернулся к зверю, но не видел его более; он исчез. И тогда дочитал я послание, и узнал, что же еще надлежит мне сделать¹⁷⁰.

Лес сделался реже; на холме в половине лье от меня высилась красивая часовня, откуда неслись ужасающие вопли. Убыстрив шаги свои, приблизился я к ее порогу, а поперек его простерся бесчувственно некий муж. Я сотворил крестное знамение пред его лицом; тогда он поднялся, и блуждание очей его открыло мне, что муж сей одержим нечистым. Повелел я бесу выйти, но отвечал тот, что не подчинится,

---

¹⁷⁰ Способ «общения» Бога с отшельником при помощи письменных инструкций весьма ярко, на наш взгляд, характеризует доверчиво-почтительное отношение человека средневековья – да только ли средневековья? – к письменному тексту. Упоминание о написанном (надо полагать, снова самим Христом) послании, таким образом, исходно обладает достаточным весом, чтобы лишний раз подтвердить статус достоверного свидетельства, присвоенный всему рассказу.

ибо явился по Божьему велению, и один лишь Бог принудит его. Тогда взошел я в часовню – и первое, что узрел там на алтаре¹⁷¹, была искомая книга! Тут возблагодарил я Господа и положил книгу сию перед одержимым. Дьявол тотчас же возопил:

– Не продолжай, – вскричал он, – вижу я, что должен удалиться; но не в силах этого сделать, ибо сотворен тобою знак креста на устах сего человека.

– Поищи другой выход, – ответствовал я. И бес выскользнул через нижние ворота с премерзкими завываниями, от коих, должно быть, пали все деревья лесные там, где пролег его путь¹⁷². Я же взял на руки одержимого, и положил пред алтарем, и бодрствовал над ним всю ночь, а наутро стал расспрашивать, чего бы ему хотелось отведать.

– Того, что вкушаю обычно.

– Что ж это?

– Травы, коренья, плоды дичков. Тридцать три года я отшельничаю, и вот уж девять лет ничего иного не едал.

Я оставил его, дабы отчитать часы и отслужить мессу; когда же возвратился, он спал; и я сел подле него и уступил власти сна. И чудилось мне, будто во время сего сна явился

---

¹⁷¹ Еще одно неясное место, возможно, искаженное при редактировании XII века. Отличие часовни от храма состоит как раз в том, что в часовне обычно не бывает алтаря, поэтому в ней нельзя служить литургию, а только «часы» – молитвы и псалмы.

¹⁷² Этот откровенный пантагрюэлизм вряд ли имеет отношение к первоначальному тексту.

некий старец и, подошедши, наполнил нутро мое яблоками и грушами. А пробудившись, узрел я наяву пред собою того старца, и вручил он мне те самые плоды, и объявил, что Господь Всевышний будет ниспосылать мне такие дары, покуда длится жизнь моя. Я разбудил доброго мужа и поднес ему один из плодов, и он съел их с большою охотою – видно, давно ничего не ел. Я провел с ним неделю, и одно лишь добро усмотрел во всем, что он говорил или делал. А на прощание он поведал, что дьявол овладел им из-за единственного греха, совершенного им за все время, что носит он монашескую рясу. Вот какво правосудие Господа нашего: муж сей служил ему, как только мог, тридцать лет и еще три года; и вот, свершил он единственный грех, и дьявол вселился в него, и коли умер бы он без исповеди, стал бы добычею ада – тогда как самый неправедный муж, подробно исповедавшись в конце дней своих, навеки обретает благодать Божью и возносится в рай¹⁷³.

Я возвратился в свою обитель со вновь обретенною книгою. И поместил ее в тот же ковчег, где она покоилась ранее; отслужив вечерню и приняв вечернее причастие¹⁷⁴, вкусил плодов, доставленных мне по велению Господа, и отошел ко сну. Во сне же явился мне Всевышний и молвил:

---

¹⁷³ «Критика Божьего промысла» тоже, видимо, привнесена светским редактором текста, поскольку по идее несовместима с умонастроением клирика, тяготеющего к схизме, но не к богохульству.

¹⁷⁴ В оригинале «messe de Vepres et Complies»; «complies» – особое причащение, совершаемое на ночь с тем, чтобы во время сна быть под опекой Господа.

– В первый будний день недели, что начинается завтра, садись переписывать книгу, доверенную тебе, и закончи работу до Вознесения¹⁷⁵. Ибо она должна быть явлена миру в тот самый день, когда Я вознесся на небо. В ларце за алтарем обнаружишь ты все, потребное переписчику.

Попутру подошел я к ларцу – и находилось там все, потребное переписчику: чернила, перо, пергамент и нож¹⁷⁶. Помолясь, взялся я за книгу, и в понедельник второй недели по Пасхе¹⁷⁷ принялся переписывать, начиная с распятия на кре-

---

¹⁷⁵ В 717 г. Вознесение отмечалось 13 мая. Таким образом, переписывание текста должно было длиться ровно месяц, что, видимо, несло определенную смысловую нагрузку.

¹⁷⁶ Нож – необходимый инструмент средневекового переписчика: им соскабливали с пергамента ошибки и кляксы, затачивали перья.

¹⁷⁷ То есть, по миновании Светлой седмицы, в понедельник 12 апреля 717 г. При расчете хронологии событий мы исходили из достоверности указанной в тексте датировки: 717-й год. В этом случае все действие, укладываемое в промежуток от Страстного Четверга до понедельника второй недели по Пасхе, происходит, в календарных датах, с 1 по 12 апреля 717 г. и, с учетом данных повествования, выглядит хронологически следующим образом. Вечер 1 апреля (Страстной Четверг): явление Всевышнего и вручение книги Грааль; ночь на 2 апреля (Страстную Пятницу) – чтение книги; 2 апреля – ангельское пение, дневная служба, затем вознесение души рассказчика на третье небо и в рай, после чего ко времени следующей службы (по всей вероятности, вечерни) книга исчезает. Утром 3 апреля (Страстная Суббота) начинается поиск книги; происходит встреча со зверем и путешествие до скита, куда рассказчик попадает к вечеру; ночь на Пасхальное Воскресенье он проводит в ските; 4 апреля, в Пасху, покидает скит; утренняя у монашек; вечером находит свиток, расстаётся со зверем, достигает часовни одержимого и изгоняет беса при помощи обретенной там книги; ночь на Светлый Понедельник (5 апреля) бодрствует над одержимым, днем отсыпается, затем получает от Всевышнего плоды; проведя у одержимого в общей

сте Господа нашего, все то, что вы прочитаете далее.

сложности неделю, возвращается домой не позднее Светлого Воскресенья (11 апреля) и утром 12 апреля садится переписывать «Святой Грааль», на что отводится время до Вознесения (13 мая). Легко заметить, что при сугубо реалистичном подходе возникает хронологическая неувязка: общее время путешествия по датам занимает не более 9 дней (3-11 апреля), тогда как суммирование времени пути туда и обратно с неделей, проведенной у одержимого, дает на 2 дня больше. Однако мы не склонны объяснять эту неувязку легкомысленным отношением средневекового автора к отсчету времени. Конечно, как справедливо отметил П. Парис: «нет ничего абсурднее, чем сделать духовное лицо VIII в. современником персонажей, часть которых принадлежала к I, а другая – к V в. Но во времена Филиппа-Августа... прошедшие века представлялись единой обширной эпохой, в которой соседствовали все исторические знаменитости.» Однако отношение к подсчету дней в свое время было принципиально иным, чем к «преданиям старины глубокой»: малейшая небрежность могла обернуться календарной ошибкой при отправлении религиозных обрядов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вспомним хотя бы широко известный случай с экспедицией Магеллана, «потерявшей» день при пересечении линии перемены дат: в результате вернувшиеся в Испанию моряки едва смогли избежать отлучения от церкви. Объяснение, на наш взгляд, заключается в том, что герой повествования просто... не тратил двух дней на возвращение домой! Неспроста это время в тексте не описывается; не используется даже вмешательство высших сил. В психологическом времени мира сказки (по законам которой существует и публикуемый текст) время действия, не дающего дополнительного динамического импульса сюжету, реально отсутствует даже для самого рассказчика, а значит, просто не может учитываться.

Книга вторая Святой Грааль

Перевод Т. К. Горьшиной

I. Иосиф и его сын прибывают в Саррас. – Посвящение сына Иосифа в сан. – Первое таинство причастия

Мы не будем останавливаться на начале истории о Святом Граале: оно почти такое же, как и в поэме Робера де Борона. Первое, что привносит романист, – то, что Иосиф был женат; его жену звали Энигея¹⁷⁸, и у него был сын, имя которого отличалось от его собственного буквой *e* на конце¹⁷⁹.

По ходу всего повествования Иосиф-сын будет преобладать над Иосифом-отцом; он станет объектом всех божественных благодеяний и главнейшим прелатом новой религии. Он был крещен святым Филиппом, епископом Иерусалимским, и ему, по всей очевидности, было более сорока лет, когда Веспасиан

---

¹⁷⁸ А не сестру, как в поэме. Другой вариант – Элиаб. (Прим. П. Париса).

¹⁷⁹ Т. е., не Joseph, а Josephe. При чтении концевая буква *e* не произносится, и при переводе на русский язык оба имени звучат одинаково. В переводе последний будет обозначен как Иосиф-сын или младший Иосиф в тех случаях, когда это не следует из контекста. Иосиф-сын, возможно, потребовался «собираателям» по вполне тривиальной причине: времена ветхозаветных долгожителей миновали, и активность очень престарелого Иосифа могла казаться неестественной, как и передача его полномочий кому-то постороннему. Появление же сына-тезки придает ситуации достаточное правдоподобие. Такие реалистичные детали скрашивали ощущение фантазмагоричности всей истории. (Прим. перев.).

освободил его отца из темницы. На этом оставим поэму Робера де Борона.

Последуем же за обоими Иосифами и их сородичами, вновь обращенными христианами, по пути, ведущему в Саррас, столицу одноименного королевства, сопредельного с Египтом¹⁸⁰. От города этого, коему довелось, должно быть, одним из первых принять нечестивую веру Магомета, пошло прозвание тех, кто и поныне верит в одного лжепророка.

Они не взяли с собою ни сокровищ, ни снеди, лишь священную чашу, врученную Иосифу Аримафейскому самим Иисусом Христом: Иосиф же, имев при себе сию драгоценную реликвию, словно бы не ведал ни голода, ни жажды; сорок лет пленения минули для него мигом единым¹⁸¹. Перед прибытием в Саррас он слышал глас Сына Божьего, который повелел ему, как некогда Бог-Отец Моисею, соорудить ковчег¹⁸², дабы заключить в него чашу. И впредь христианам, ведомым им, надлежало возносить молитвы перед ковчегом. Иосиф и его сын единственные вправе были открывать его,

---

¹⁸⁰ Саррас, земля сарацинов, не имеет точной географической привязки. Томас Мэлори в «Смерти Артура» помещает ее рядом с Вавилоном. По мнению В. Эрлихмана (см. его подробнейшее исследование «Король Артур»), она может быть обобщенным символом языческой страны, в том числе и дохристианской Британии. (Прим. перев.).

¹⁸¹ Отсылка к эпизоду из «Иосифа Аримафейского», когда Иисус Христос с помощью чаши Грааля спасает от смерти заточенного в темницу Иосифа. (Прим. перев.).

¹⁸² См. Исход, 25:10–16. (Прим. перев.).

вникать взором в чашу, брать оную в руки. Двоим мужам, избранным среди всех, назначено было нести ковчег на плечах всякий раз, когда караван был в пути.

Придя в Саррас, Иосиф узнал, что король этой страны, Эвалак Незнаемый, враждует с королем¹⁸³ Египетским Толомеем¹⁸⁴ и накануне был побежден в большом сражении. Наделенный даром красноречия, Иосиф предстал перед ним, увещевая, что, если тот желает одолеть Египтян, то должен отречься от своих кумиров и признать Бога, единого в трех лицах.

Его речь представляет превосходное краткое изложение догматов христианской веры; ничто в ней как будто не забыто, и это именно та доктрина, что изложена в наших катехизисах.

В ту же ночь Эвалаку было видение, через которое он постиг Бога Троиственного и Его вторую ипостась, облеченную смертной плотью и зачатую во чреве непорочной Девы. Иосифу в то же время явился Святой Дух и возвестил ему,

---

¹⁸³ Здесь мы следуем прямолинейной логике оригинала, населяющего восточные земли королями, герцогами, баронами и рыцарями по образцу Западной Европы. По русской традиции, идущей из переводов Библии, правителей этих земель скорее надо бы называть царями. (Прим. перев.).

¹⁸⁴ Толомеус, или Толомей, – переделанное на французский лад имя Птоломей; поскольку начальные слоги пто, ста, спа, стра претят старинному французскому языку, в таких случаях или опускали первую согласную, или добавляли перед ней гласную е, что делало произношение терпимым. (Прим. П. Париса).

что сын его Иосиф избран, дабы хранить святую чашу¹⁸⁵; что он будет рукоположен в пастыри Иисусом Христом; что в его власти будет возложить священный сан на тех, кого он сочтет достойными, равно как и они в свой черед передадут его в те страны, кои предназначит им Господь¹⁸⁶.

Святой Дух рек Иосифу-отцу:

– Когда грядущая заря осветит ковчег, когда твои шестьдесят пять сотоварищей преклонят перед ним колена, Я возьму твоего сына, Я возложу на него священство, Я отдам под его попечение Мою плоть и кровь.

И назавтра тот же божественный голос воззвал к собравшимся христианам:

– Внемлите, новые дети Мои! Древние пророки владели

---

¹⁸⁵ Один из примеров несоответствия между разными романами: в «Иосифе Аримафейском» Иосиф отдает чашу Алену, который становится ее единственным хранителем. (Прим. перев.).

¹⁸⁶ «Те, кто облечены будут священством, отныне и впредь получают его от Иосифа по всем землям, куда я приведу тебя и твое потомство». Вот тот пункт, в котором бретонская Церковь отделилась от Церкви католической. Она не хотела, чтобы ее прелаты получали посвящение от Папы Римского, и признавала это право за архиепископом Йоркским, избранным бретонским народом и духовенством. Но, поскольку эти раскольнические притязания не становились заразительны и не мешали понтифику, по крайней мере, с конца десятого века, руководить выбором или санкционировать избрание уэльских и бретонских прелатов, Римский двор, всегда мудрый и осмотрительный, не восставал против романического изложения истории бретонской Церкви. Вооруженный неоспоримым авторитетом Евангелия: *Tu es Petrus, et super hanc petram* [Ты – Петр, и на сем камне (лат.; Матф., 16.18)], и т. д., – он давал слово романистам и не доискивался латинской книги, к которой они обращались, не обнаруживая текст оригинала. (Прим. П. Париса).

даром Моего Святого Духа; вы его обретете в той же мере, и более того, ибо каждый день в своем кругу вы будете причащаться к Моей плоти, той, которую Я был облечен на земле. Одно лишь несходно, что вы не узрите Меня в этом облике. О слуга Мой Иосиф! Я счел тебя достойным стать хранителем плоти и крови твоего Спасителя. Я избрал тебя как чистейшего из смертных, более всех чуждого грехам, свободного от вожделения, гордыни и лжи: сердце твое целомудренно, тело твое девственно; прими же самый возвышенный дар, коего только может пожелать смертный. Ты единственный получишь его из Моих рук, и все, кто будут обладать им впредь, да примут его из твоих. Отвори ковчег и мужайся, взирая на то, что откроется тебе.

Тогда Иосиф-сын открыл ковчег, трепеща всеми своими членами.

Он увидел внутри человека в ризах, что алели ярче рдеющего пламени. И таковы же были его ноги, руки и лицо.

Его окружали пять ангелов, так же одетых, и у каждого было по шесть пламенеющих крыл. Один держал большой кровоточащий крест; другой – три гвоздя, с которых, чудилось, капала кровь; третий – копьё, коего наконечник тоже покраснел от крови; четвертый протягивал к лицу того мужа окровавленный пояс; в руке пятого был скрученный хлыст, опять же смоченный кровью. На развернутом полотнище, что держали пять ангелов, были письма, гласившие: *Сие есть оружие, коим Высший Судия победил смерть*; а на лбу оно

мужа белым – другая надпись: *В сем обличье Я приду судить все сущее в день Страшного суда.*

Земля под ногами сего человека казалась покрытою кровавой росой и оттого ярко-алую.

А ковчег притом стал как будто вдесятеро больше против прежнего. Пятеро ангелов вольно кружили внутри вокруг мужа, коего они созерцали глазами, полными слез.

Ослепленный всем, что он узрел, Иосиф-сын не в силах был вымолвить ни слова; он склонился, поник головой и стоял, погружаясь в свои мысли; но тут к нему воззвал небесный голос; тотчас же он поднял голову и увидел другую картину.

Человек был воздет на крест, который держали пять ангелов. Гвозди вонзились в его руки и ноги; пояс стянул поперек его тело; голова его упала на грудь; человек этот являл собою картину смертной муки. Острые копья пронзило бок, откуда вытекал ручеек влаги и крови; под ногами была Иосифова чаша, в которую собиралась кровь, капавшая с рук и ребер; ее набралось столько, что она, казалось, готова была перелиться через край.

Вслед за тем гвозди как будто отстали, и человек упал на землю вниз головою. Тогда Иосиф-сын, не помня себя, бросился вперед, чтобы его поддержать; но как только он ступил ногою в ковчег, пятеро ангелов устремились к нему, одни – нацелив на него острия своих мечей, другие – подняв копья, словно готовясь поразить его. Он все тщился войти, так хотелось ему подоспеть на помощь тому, в ком он уже признал

своего Спасителя и Бога; но неодолимая сила одного из ангелов удержала его против воли.

Поскольку он оставался недвижим, старший Иосиф, склоненный в молитве немного поодаль, обеспокоился, увидев своего сына застывшим у порога ковчега; он поднялся и приблизился к нему. Но Иосиф-сын удержал его рукою:

– Ах, отец, – сказал он, – не трогай меня, не лишай меня света сияющего, в коем я пребываю. Святой Дух возносит меня за пределы земные.

Эти слова удвоили любопытство отца, и, не помышляя о защите, он пал на колени перед ковчегом, силясь открыть, что творится внутри.

Он увидел там небольшой алтарь, покрытый белой пеленою, а поверх нее – алым покровом. На алтарь были возложены три гвоздя и наконечник копья. Золотой сосуд в виде кубка помещался в середине. Белый плат, скрывающий кубок, не давал ему рассмотреть крышку и то, что заключалось внутри. Перед алтарем увидел он три руки, держащие алый крест и две свечи, но не смог уразуметь, от каких телес были сии руки.

Он услышал легкий шум; отворилась дверь, и стала видна зала, а в ней два ангела: один держал кропильницу, другой кропило. После вошли еще два ангела, несшие два больших золотых сосуда, а шеи их были обернуты пеленами необычайно тонкой выделки. Еще трое несли золотые кадильца, украшенные драгоценными камнями, а в другой руке по

ларцу, полному ладана, мира и пряных трав, чей сладостный аромат разносился вокруг. Они вышли из залы один за другим. Наконец, седьмой ангел, на лбу которого письменна гла-сили: *Я призван силой Всевышнего*, нес в руках покров, зе-леный, словно изумруд, скрывающий священную чашу. Ему навстречу вышли три ангела со свечами, в пламени кото-рых рождались прекраснейшие краски мира. Потом Иосиф узрел, как явился сам Иисус Христос в том обличье, в каком Он проникал в его тюрьму и в каком Он восстал из гробни-цы. Однако тело Его было облачено в одежды, которые носят священники.

Ангел с кропилом зачерпнул из кропильницы и оросил новых христиан; но оба Иосифа могли лишь следить за ним взорами.

Тогда Иосиф обратился к своему сыну:

– Знаешь ли ты теперь, милый сын, что за человек стоит во главе того прекрасного воинства?

– Да, отец мой; это Тот, о Котором Давид говорил в Псал-тыри: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять те-бя на всех путях твоих»¹⁸⁷.

Все шествие выступило перед ними и прошло по перехо-дам замка, данного им в распоряжение королем Эвалаком; того замка, что Даниил в своих пророческих видениях неко-гда именовал Духовным замком¹⁸⁸. И когда они вернулись к

---

¹⁸⁷ Пс. 90:11–12. (Прим. перев.).

¹⁸⁸ В Книге Пророка Даниила такой замок не упоминается. В позднейших ро-

ковчегу, прежде чем войти в него, каждый ангел поклонился вначале Иисусу Христу, стоявшему в глубине, потом ковчегу.

Господь, приблизившись к Иосифу-сыну, молвил ему:

– Узнай предназначение той воды, коей при тебе кропили по сторонам. Это очищение мест, где обретался злой дух. Уже и само пребывание Святого Духа освятило их, но Я хотел подать тебе пример того, что ты будешь делать повсюду, где будет совершаться служба во имя Мое.

– Господи, – спросил Иосиф-сын, – как может очищать вода, когда сама не очищена?

– Она станет таковой через знак искупления, который ты наложишь на нее, произнеся слова: *Да будет так во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!*

Ныне Я дарую тебе ту высшую благодать, что Я обещал тебе; причастие Моего тела и Моей крови, которое Мой народ ясно узрит в этот первый раз, дабы все могли свидетельствовать перед царями и князьями сего мира, что Я избрал тебя быть ПЕРВЫМ ПАСТОРОМ Моих новых овец и назначать пасторов, должных указывать тех, кто в грядущие века будет править Моим народом. Моисей вел и направлял сынов Израиля властью, данной ему Мною; так же и ты будешь поводырем и стражем сего нового народа: из твоих уст они

манах Артуровского цикла Духовный замок страны Саррас фигурирует как последнее пристанище чаши Грааль, куда ее принесут Персеваль и Галахад в конце своих странствий. (Прим. перев.).

узнают, как им надлежит Мне служить и как смогут они пребывать в истинной вере.

Тут Иисус Христос взял Иосифа-сына за правую руку и привлек к себе. Весь собравшийся народ видел это ясно; так же, как и ангелов, коими Он был окружен.

И когда Иосиф-сын сотворил крестное знамение, сразу из ковчега выступил человек с длинными белыми волосами, неся на плечах одеяние, столь богатое и прекрасное, кое только возможно измыслить. В это же время явился и другой человек, молодой и чудно красивый, держа в одной руке посох, в другой митру сверкающей белизны. Они обрядили Иосифа в епископские одежды, начав с сандалий, затем и в прочее облачение, освященное с тех самых пор. Они усадили нового прелата в кресло, коего материя была неразличима, но сверкала богатейшими камнями, какие только приносила земля¹⁸⁹.

Затем все ангелы приблизились к нему. Господь посвятил его в сан и помазал миром из сосуда, который держал тот из ангелов, кого он прежде оставил на пороге ковчега. Из того же сосуда почерпнуто было миро, что служило впоследствии для посвящения королей-христиан Великой Бретани,

---

¹⁸⁹ Здесь романист добавляет, что это кресло еще в его время сохранялось в городе Саррасе и именовалось Духовным престолом. Если кто имел дерзость сесть на него, то всегда бывал поражен смертью или потерей какого-либо из своих членов. В более поздние времена король Египта Оклефос тщетно будет пытаться сдвинуть его с места; а когда он захочет воссесть на него, глаза его вылезут из орбит, и до конца жизни он не сможет владеть своим телом. (Прим. П. Париса).

вплоть до отца Артура, короля Утер-Пендрагона. Далее Господь вложил ему в руку посох и надел на один из пальцев кольцо, коего ни один смертный не смог бы переиначить, ни одна сила – изъять драгоценный камень.

– Иосиф, – рек он ему, – Я помазал тебя и посвятил в сан епископа перед всем Моим народом. Узнай же смысл тех одеяний, что избрал Я для тебя: сандалии остерегают, чтобы не делал напрасных шагов и держал ноги в сугубой чистоте, да не коснутся никакой злокозненной скверны и для того лишь ступают, чтобы подать совет и добрый пример тем, кто в этом нуждается.

Две одежды¹⁹⁰ поверх исподнего¹⁹¹ – белые, в напоминание о двух сестрах-добродетелях, целомудрии и девственности. Капюшон, покрывающий голову, – знак смирения, что понуждает идти с лицом, потупленным долу, и терпения, коего невзгоды и препоны не свернут с истинного пути.

Стола¹⁹², висящая через левое плечо, указывает на воздержание; ее носят так потому, что левой руке свойственно раздавать, как правой – удерживать. Паллий¹⁹³, подобный ярму

---

¹⁹⁰ Имеются в виду части облачения католических священников: первая – альба (туника до пола с длинными рукавами) или заменяющий ее стихарь (длиной до середины бедра); вторая – фелонь (риза, казула, ор-нат), происходящая от плаща. В современном литургическом облачении последняя далеко не всегда бывает белой. (Прим. перев.).

¹⁹¹ Буквально «первой юбки». (Прим. перев.).

¹⁹² Перевязь, аналог православной епитрахили. (Прим. перев.).

¹⁹³ Узкий шарф из овечьей шерсти. Сейчас трактуется как символ заблудшей

на шею быка, означает служение всем добрым людям. Наконец, мантия, или верхняя плащаница, – алая, чтобы тем изъяснить любовь к ближнему, коей надлежит быть пылкой, как пламенеющий уголь.

Загнутый жезл, который должна держать левая рука, несет в себе два значения: мщение и милосердие. Мщение – по острию, его завершающему; милосердие – сообразно плавному изгибу. Ибо епископу следует вначале обратиться к грешнику с милосердными увещаниями; но, если он найдет его закостенелым сверх меры, не колеблясь покарать его.

Кольцо, надетое на палец, есть символ брака, заключенного епископом с Церковью, тех уз, что не расторжимы никакою силою.

Рогатая митра означает исповедь. Она белая, в силу очищения, приносимого отпущением грехов. Два рога соответствуют: один раскаянию, другой епитимье¹⁹⁴, ибо отпущение грехов приносит плоды лишь после искупления или понесенного наказания.

После этих наставлений Господь возгласил Иосифу-сыну, что, возведя его в сан епископа, Он возложил на него ответственность за души, коим он должен указывать путь. И в то время как оному поручено было попечение о душах, отцу его

овцы, которую пастырь несет на своих плечах. В православной традиции – омофор. (Прим. перев.).

¹⁹⁴ В католической традиции епитимья накладывается, как правило, после каждой исповеди – в отличие от православия, где чистосердечное раскаяние грешника позволяет избежать наказания. (Прим. перев.).

Он предоставил заботы телесные и обеспечение всех нужд общины¹⁹⁵.

– Теперь ступай, Иосиф, – добавил Господь, – пойди и воздай жертву Моею плотью и Моею кровью, перед очами всего Моего народа.

Тогда все увидели, как Иосиф-сын входит в ковчег и ангелы кружат над ним. И то было первое причастие у алтаря. Иосиф был краток, совершая его; он вымолвил лишь такие слова Иисуса Христа на Тайной Вечере: *«Держите и вкушайте, сие есть истинное тело, которое претерпит муки за вас и за народы»*¹⁹⁶. Затем, взяв вино: *«Держите и пейте, сие есть кровь Нового Завета, Моя собственная кровь, которая будет пролита в отпущение грехов»*¹⁹⁷. Он произнес эти слова, кладя хлеб на патену у чаши; и вмиг стали хлеб плотью, а вино кровью. Он явственно увидел в руках своих тело младенца, чья кровь, чудилось, изливается в чашу. Оцепенев от смущения при виде сего, он не знал, как поступить далее: он оставался недвижим, и слезы в избытке хлынули из глаз его. Господь рек ему:

– Расчлени то, что ты держишь, и раздели его на три части.

– Ах, Господи, – отвечал Иосиф, – сжальтесь над Вашим

---

¹⁹⁵ Это различие власти мирской и духовной. (Прим. П. Париса).

¹⁹⁶ Вольное переложение евангельского текста: «Сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание» (Лука, 22:19). (Прим. перев.).

¹⁹⁷ «Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лука, 22:20). (Прим. перев.).

слугою! Никогда мне не достанет сил расчленить столь прекрасное создание!

– Исполни Мое повеление, – ответил Господь, – или отринь свою долю Моего наследия.

Тогда Иосиф отделил голову, а затем туловище от прочего, так легко, как будто плоть была сварена; но он повиновался не иначе как с трепетом, вздохами и обильными слезами.

И как только он начал разъединять это, все ангелы преклонили колена перед алтарем и так пребывали до тех пор, пока Господь не сказал Иосифу:

– Чего ты ждешь теперь? Вкуси то, что пред тобою, сиречь твоего Спасителя.

Иосиф пал на колени, бия себя в грудь, и умолял простить его грехи. Поднявшись, он снова увидел на патене то, что по облику было хлебом. Он взял его, поднял, возблагодарил Господа, открыл рот и хотел было вложить оное; но хлеб обратился в цельное тело; он тщился отдалить его от лица; непреодолимая сила ввергла его в рот. Как только оно там оказалось, он ощутил, как на него нахлынула неизреченная сладость и упоение. Затем он взял чашу, выпил вино, в ней заключенное, которое, приблизившись к его губам, преобразилось в истинную кровь.

Когда причастие совершилось, один из ангелов взял чашу и патену и положил их одну на другую. На патене находились во множестве подобия ломтей хлеба. Другой ангел возложил обе руки на патену, поднял ее и вынес за пределы ковчега.

Третий взял пелену и последовал за вторым. Когда они вышли из ковчега и предстали перед всем народом, раздался голос:

– Малое племя Мое, отныне возрожденное! Я принес искупление; вот тело Мое, которое ради вашего спасения избрало участь родиться и умереть. Приложите же усердие, чтобы принимать милость сию с благоговением. Тот не может быть ее достоин, кто не чист делами и помыслами и не утвердился в вере.

Тут ангел, несший патену, преклонил колена; он встретил Спасителя, как подобает, а вслед за ним и все, кто при сем присутствовал. Все они, едва открыв рот, вместо куска хлеба распознавали младенца, восхитительно сложенного. Когда они сполна вкусили дивной пищи, ангелы вернулись в ковчег и убрали утварь, которой пользовались. Иосиф снял одежды, дарованные ему Господом, снова закрыл ковчег, и народ был отпущен.

В довершение этого великого действия Иосиф, призвав одного из своих сородичей по имени Люкен, честность которого была ему ведома, возложил на него особую службу: охранять ковчег день и ночь. Еще и поныне по примеру Люкена в больших церквях есть служитель, называемый *ризничим*, обязанный хранить одеяния и реликвии Божьего дома.

**II. Эвалак, король Сарраса. –
Сераф, его шурин. – Толомей
Сераст, король Египта. – Крещение
Эвалака и Толомея, нареченных
Мордреном и Насьеном. –
Путешествие Мордрена. –
Остров Погибельной Гавани**

Король Сарраса Эвалак был прозван Незнаемым, ибо ничего не было известно о его семье и родине. Он держал это в тайне от всех; и потому Иосиф-сын удивил его безмерно, помянув ему историю его юных лет, и как он был сыном сапожника в городе Мо, во Франции. Когда разнеслась по миру весть о скором пришествии Царя царствующих, император Цезарь Август¹⁹⁸, снедаемый тревогою, стал готовиться дать отпор тому, кого мнил грядущим завоевателем. Он приказал собрать по одному денье с каждого во всех пределах Империи; а коль скоро Франция¹⁹⁹ слыла страной, вскормившей

---

¹⁹⁸ Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) – римский император с 27 г. до н. э., внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании. (Прим. перев.).

¹⁹⁹ Название «Франция» появилось в VI в., а ко всей территории современной Франции стало применяться только в X в. Здесь мы видим пример вольного об-

самый благородный из народов, подвластных Риму, он потребовал с нее сотню рыцарей, сотню юных девушек, рыцарских дочерей, и сотню детей мужского пола, не менее пяти лет от роду. В городе Мо выбор пал на двух дочерей владетельного графа, по имени Севен, и на молодого Эвалака. Их привезли в Рим, где тотчас замечены были приятные манеры и красота юноши, так что никто не усомнился в его благородном происхождении. В царствование Тиберия²⁰⁰ он был взят на службу к графу Феликсу, правителю Сирии, и снискал его милость; граф посвятил его в рыцари, доверив ему стать во главе своих воинов. О его подвигах в ту пору много говорили; но однажды, повздорив с сыном графа, он убил его и бежал, дабы скрыться от мести отца. Король Египта, Толомей Сераст²⁰¹, дал ему тогда войско под начало, и ему то он и был обязан покорением королевства Саррас, соседнего с Египтом. В награду он пожаловал ему корону Сарраса, взамен потребовав лишь простой присяги²⁰².

ращения с хронологией, характерного для средневековых романов. (Прим. перев.).

²⁰⁰ Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император в 14–37 гг., пасынок Августа. (Прим. перев.).

²⁰¹ Прозвание «Сераст» – по-видимому, искаженное «Себастос» (достопочтенный), которое на греческих монетах Птолемеев следовало за их именами. Что касается Феликса, известно, что он действительно был прокуратором Сирии. Кстати, выбор города Мо и похвалы Франции – не довод ли это уже в пользу французского происхождения автора? (Прим. П. Париса).

²⁰² Присяга на верность, или оммаж, – одна из церемоний, оформлявших заключение вассального договора. Будущий вассал, преклонив колена, безоруж-

Но со временем Эвалак пожелал выказать себя независимым. Дабы проучить его за непослушание, Толомей вторгся в его земли и, наверно, сверг бы его с престола, когда бы не чудесное покровительство христианского Бога. Благодаря щиту, осененному крестом, который вручил ему младший Иосиф, и благодаря подвигам герцога Серафа, своего шурина, Эвалак одолел могучего врага; Толомей был повержен. Не единожды предупрежденный сновидениями²⁰³, король Сарраса признал бессилие своих кумиров и воспринял из рук Иосифа крещение с именем Мордрен²⁰⁴. Его примеру последовал Сераф, которому, под именем Насьена, предстояло быть избранником Божьего промысла. Но прежде чем последовать за этими новообращенными государями в их странствиях, следует сказать слово о королеве Сарацинте, жене Мордрена.

Она приходилась дочерью герцогу Орканийскому и сестрой Серафу, то есть Насьену. Тридцать лет тому назад один святой отшельник, по имени Салюст, обратил ее в веру, и с той поры, как она стала королевой Сарраса, она лишь ждала

ный и с непокрытой головой, просил сеньора принять его под покровительство, давая при этом клятву верности; сеньор поднимал его, и они обменивались поцелуями. С XII века эта церемония включала также инвеституру – передачу сеньором вассалу земельной собственности (феода; во Франции – фьефа). (Прим. перев.).

²⁰³ Которые романист долго пересказывает и толкует. (Прим. П. Париса).

²⁰⁴ Это имя должно означать, согласно нашему романисту, запоздавший уверовать. Сарацинта – исполненная веры. Кламасид – знаменосец Господень. (Прим. П. Париса).

удобного случая, чтобы сорвать пелену с глаз своего супруга. Но честь провозгласить *благую весть* в этом краю была уготована обоим Иосифам. Упомянем лишь об одном деянии из их апостольских трудов.

В то время как отец крестил народ королевства Саррас, сын последовал за Насьеном в Орканию²⁰⁵ и повел беспощадную войну с идолами. В храме города Оркана было одно изваяние, водруженное на главный алтарь. Иосиф развязал свой пояс и стал перед ним, заклиная беса выйти оттуда в зримом обличье; а тем временем набросил пояс на шею идола и повлек его прочь из храма к ногам Мордрена. Демон испускал пронзительные вопли, на которые отовсюду сбежалась толпа.

– За что ты меня так мучишь? – воззвал он к Иосифу.

– Узнаешь погода; в сей же миг я дознаюсь о смерти Толомея Сераста. Скажи мне, зачем ты убил его.

– Я скажу, если ты разожмешь мне шею.

Иосиф ослабил пояс и взял идола за темя:

– Теперь говори.

– Я видел чудеса, творимые Богом, я зрел воочию крещение Эвалака, я убоился за душу Толомея; и вот, приняв облик посланника, я пришел сказать ему, будто Эвалак хочет

---

²⁰⁵ По общепринятой версии, с которой согласен и П. Парис (см. прим. на стр. 258), это Оркнейские острова, расположенные у северного побережья Шотландии. Правда, не все средневековые авторы помещали Орканию в столь суровые края. У некоторых она простирается от Вавилона до Красного моря или просто упоминается как сарацинское государство. (Прим. перев.).

его повесить; и будто я его сберегу, если он предастся мне. Он принес мне клятву; я обернулся грифоном, он взобрался мне на спину; а когда я поднялся до некой высоты, то низверг его, и он упал, переломав кости.

Тогда Иосиф затянул пояс на шею идола и проволоку его по всем улицам города.

– Вот, – говорил он толпе, – вот боги, коих вы страшились! Положите руку на сердце и признайте единого Бога в трех лицах!

Затем он спросил у демона его имя.

– Я Аскалаф²⁰⁶, призванный приносить людям и распускать по миру злокозненные слухи, ложные вести.

Но с Аскалафом еще не было покончено. Жители Оркана в большинстве своем приняли крещение, но иные решили покинуть страну, дабы уклониться от этого. Они избрали скверную участь: едва они вышли из ворот города, как пали, сраженные смертью. Иосиф примчался, узнав эту весть; и первым делом увидел он беса, им проклятого, резвящимся на телах всех этих жертв.

– Смотри, Иосиф, – вскричал Аскалаф, – смотри, как умею я мстить за твоего Бога врагам его!

– А кто тебе дал на это право?

---

²⁰⁶ Аскалаф – в древнегреческой мифологии садовник Аида. Прославился своим доносом на Персефону, за который был наказан. Когда Персефона впервые собиралась вернуться в верхний мир (выполнив условие – не принимать никакой пищи), Аскалаф заявил, что она ела «пищу мертвых» – зерна граната. Как мы видим, в средневековой демонологии ему нашлась работа по вкусу. (Прим. перев.).

– Сам Иисус Христос.

– Ты лжешь!

При этих словах он бросился к нему, намереваясь связать. Но путь ему преградил огнеликий ангел и пронзил ему бедро копьем, от коего железный наконечник остался в ране.

– Это, – промолвил он, – научит тебя не мешкать более с крещением добрых людей, спеша на помощь врагам моей веры.

Через двенадцать дней после того Насьен, снедаемый нескромным любопытством, захотел увидеть, что заключает в себе священный сосуд: он приподнял патену и постиг все чудеса, что были уготованы стране, избранной хранилищем сей драгоценной реликвии. За это он был поражен внезапной слепотою. Но ангел, уязвивший Иосифа, явился вновь и, взяв в руки древко копья, чей наконечник оставался погруженным в рану, приблизился к Иосифу и приложил древко к острию, от коего оно было отделено. Из раны выступили крупные и обильные капли крови; ангел собрал их, смочил ими конец древка и сложил его с наконечником, так что уже нельзя было догадаться, что оружие было разъято²⁰⁷. Потом ангел подошел к Насьену, оросил глаза его некоей влагой и вернул ему зрение, которого он лишился через свою

---

²⁰⁷ Только когда наступит эпоха приключений, мы увидим капли крови, стекающие с копья, и это оружие ранит другого человека того же рода и той же доблести, что и Иосиф-сын. Об этом нам расскажет вторая часть книги о Ланселоте. (Прим. П. Париса).

нескромность²⁰⁸.

Исцеленный от ангельской раны, Иосиф-сын завершил обращение всего народа Сарраса и Оркании.

Из числа шестидесяти двух, шестидесяти пяти или семидесяти двух сородичей, вышедших с ним из Иерусалима, тридцать три он посвятил в епископы стольких же городов в обеих странах. Прочие, приняв сан священников, рассеялись по меньшим городам.

Впоследствии он обнаружил места, где покоились тела двух отшельников, одному из которых королева Сарацинта, жена Мордрена, была обязана своим обращением. Надписи, сохранившиеся в каждой из гробниц, гласили: в первой – *«Здесь покоится Салюст из Вифлеема, славный воин Иисуса Христа, который прожил отшельником тридцать семь лет, не вкушая никакого мяса, приготовленного рукою человека»*. Во второй: *«Здесь покоится Гермоген из Тарса²⁰⁹, который провел тридцать четыре года и семь месяцев, ни разу не обновив ни обуви, ни одежды»*. Оба тела были перевезены, одно в Саррас, другое в Орканию, и снискали поклонение, коему не давало иссякнуть множество чудес.

---

²⁰⁸ Это наказание любопытства Насьена – его дубликат в виде наказания Мордрена – вновь появляется в одной из следующих глав. (Прим. П. Париса).

²⁰⁹ Гермоген Тарский (расцвет деятельности в 161–180 гг. н. э.) – греческий ритор эпохи императора Марка Аврелия. Вероятно, здесь эта историческая личность смешана с другой. Святой Гермоген, мученик Никейский, или Сиракузский, умер около 312 г. Этот Гермоген сначала сам был мучителем христиан, однако потом принял христианскую веру, за что и был обезглавлен. (Прим. перев.).

Вслед за тем Иосифу довелось еще очистить новообращенного короля Мордрена от последней скверны, которая не поддавалась воде крещения. Сей государь давно уже велел устроить в стенах своего чертога келейку, отведенную для одного кумира женского пола, коим он был очарован. Это была кукла чудной красоты, которую король сам облачал в богатейшие одежды. Стоило королеве Сарацинте покинуть ложе, как он брал клинышек, вставлял его в незаметную щель в стене и, отжав ее, добирался до крюка, чтобы поднять большую железную задвижку и открыть потайную дверцу. Затем король извлекал идола к себе и делил с ним ложе. Изведав свое удовольствие, он возвращал куклу в ее келью, дверь закрывалась, и железный брус вновь падал на крюк, делая ее недоступной для всех. Вот уже пятнадцать лет он тешил себя этой постыдной привычкой, как вдруг сновидение, растолкованное ему Иосифом, открыло ему, что ничто не может оставаться в тайне от тех, кто любезен Богу. Он сознался в преступлении, призвал королеву, своего шурина и Иосифа, а после при них бросил идола в огонь, выказав величайшее раскаяние.

Это было последнее деяние Иосифа-сына в стране Саррас. Голос с небес повелел ему оставить короля и увести с собою большинство своих спутников, чтобы идти проповедовать новую веру среди язычников. Во время этого долгого пути, когда им стало недоставать съестного, он преклонил колена перед ковчегом со святым сосудом, моля Бога о по-

мощи²¹⁰.

Голос рек Иосифу-старшему:

– Вели расстелить скатерти на свежей траве: пусть твой народ соберется вокруг. Когда они приготовятся к трапезе, укажи твоему сыну Иосифу взять чашу и трижды обойти с нею вокруг скатерти. В тот же миг те из них, кто чист душою, преисполнятся всей отрадою мира. И так они будут делать каждый день, в Первом часу. Но стоит им поддаться мерзкому греху похоти, как они лишатся благодати, дарующей им столь великую усладу. Когда ты устроишь на этот лад первую трапезу, ты войдешь к жене своей Энигее и познаешь ее телесно. Она понесет сына, коего нарекут при крещении Галахадом Сильным. Он будет велик силой и непоколебим верой; и тем преодолееет всех нечестивцев, ему современных.

Иосиф сделал, как ему было велено, а сын его, облаченный в белую столу, совершив три круга, сел справа от отца, оставив, однако, между обоими промежуток в одно место.

Затем он поставил чашу, накрытую патеной и тою тонкой пеленой, что мы зовем корпоралом. Все вмиг преисполнились божественной благодати, до того, что и в мысли им не приходило пожелать чего-либо. После трапезы Иосиф-сын вернул Грааль в ковчег, где он и пребывал до этого²¹¹.

---

²¹⁰ Тут состоялась духовная трапеза, о которой впервые говорил Робер де Борн, но которую он позаботился отличить от эвхаристического причастия. В нашем романе обе трапезы по сути превращаются в одну, и получается ярко выраженная ересь. Судите сами. (Прим. П. Париса).

²¹¹ Важно отметить, что этот эпизод не сохранился в другом тексте, который

Назавтра после этого великого дня голос сказал Иосифу-сыну:

– Ступай прямо к морю: тебе следует пойти и населить землю, обетованную твоему потомству; когда достигнешь берега, то, за неимением корабля, ты выступишь вперед и расстелешь наподобие ладьи свою сорочку: она расширится соразмерно числу тех, кто будет свободен от смертных грехов.

Иосиф-сын, прибыв на берег моря, снял с себя сорочку и, распластав ее по воде, первым ступил на один из рукавов, следом отец его Иосиф – на другой. Впереди них уместились Насьен и носильщики ковчега; волны, их несущие, не замочили даже подошвы их ног. Энигея, Брон, Элиаб²¹² и двенадцать их детей взошли на середину сорочки, которая раздалась сообразно числу прибывших; их примеру последовали все остальные. И так оказалось их числом сто сорок восемь. Два иудея, наполовину обращенные, Моисей и отец его Симон, хоть и мало верили в силу сорочки, захотели попробовать ступить на нее: едва они сделали три шага, как их поглотили волны, и прочие люди, оставшиеся на берегу, подобрали их с превеликим трудом. Что до Иосифа и всех, кто

послужил образцом для печатной версии. В нем спутники Иосифа-старшего находят в лесу превосходную еду, не прося об этом, а Святой Дух говорит с Иосифом лишь для того, чтобы повелеть ему возлечь с его женой Элиаб. (Прим. П. Париса).

²¹² Здесь, как мы видим, Элиаб и Энигея – не одно и то же лицо (см. прим. 1 на стр. 149). (Прим. перев.).

за ним последовал, они отплыли, невзирая на просьбы тех, которые оставались на суше и умоляли их подождать.

– Ах! безумцы! – сказал им Иосиф-сын, – вас удержал грех сладострастия. Беды ваши не исчерпаны до конца; принесите покаяние и станьте достойны воссоединиться с нами в скором времени.

После нескольких дней плавания Иосиф-сын и его спутники достигли Великой Бретани, где мы попросим их подождать, чтобы дать нам время вернуться к другим персонажам романа, и прежде всего к королю Мордрену.

Его вскоре после отъезда Иосифа посетило новое сновидение и явило ему в форме, для нас очевиднейшей, но для него весьма темной, славный жребий детей, коим предстояло родиться от него и от его шурина Насьена. И пока он тщетно испрашивал толкования у своих приближенных, страшный удар грома потряс дворец; рука, простертая из облака, схватила его за волосы и увлекла на середину моря, на крутой утес, в семнадцати днях пути от Сарраса. Велико же было горе баронов этой страны, когда они узнали, что он пропал. Насьена обвинили в том, что он убил его в надежде воцариться на его месте. Подстрекаемые рыцарем-изменником по имени Калафер, бароны схватили Насьена и ввергли в темницу, объявив ему, что он оттуда не выйдет, покуда им не вернут короля Мордрена.

Пустынная скала, на которую тот был заброшен, называ-

лась Скалой Погибельной Гавани²¹³. Она возвышалась посреди моря, на той линии, что от земли Египетской ведет прямо к Ирландии. Вдали, так что едва хватало глаз, различимы были справа берега Испании, слева – земли, образующие последний оком Океана. Немногие остатки строений, однако, свидетельствовали, что некогда Скала была обитаема. И в самом деле, она долго служила приютом знаменитому разбойнику по имени Фокар, который на самой вершине воздвиг замок, где могли укрыться двадцать его товарищей; но, поскольку их обычно бывало втрое или вчетверо больше, прочие ютились на многих галерах, причаленных под небольшим навесом, и каждую ночь они зажигали огромный факел, дабы зазвать проходящие суда на стоянку на этом островке, как в спасительной гавани. Но подходы к нему были столь опасны, что суда эти разбивались о скалы, так что путники не могли спастись или от буйства волн, или от такового разбойников, предававших смерти тех, кого не поглотило море.

Фокар вкушал плоды своих преступлений, когда великий Помпей²¹⁴, император, совершал путь из Греции в Сирию после того, как принудил весь Восток к Римскому игу. Узнав о злодейском притоне Скалы Погибельной Гавани, он поклял-

---

²¹³ Это название (Port perilleux) – явный антоним французского выражения «port de salut» – «спасительная гавань, убежище». (Прим. перев.).

²¹⁴ Гней Помпей (107-48 гг. до н. э.) – римский император и полководец. (Прим. перев.).

ся очистить землю от этих гнусных негодяев и, не теряя ни минуты, снарядил в поход малую флотилию, где было вдоволь славных и доблестных рыцарей. Он знал, какие подводные камни окружали Скалу, и сумел их избежать, подойдя к ним глухой ночью. Фокар был застигнут врасплох их приходом и, подав сигнал тем разбойникам, что не сходили с галер, сам взошел на одну из них и приказал напасть на римскую флотилию. Но солдаты Помпея вооружились большими крючьями, которыми они притянули к себе галеры, и ворвались туда с мечами в руках; им удалось потопить самую грозную из них. Прочие были покинуты, и разбойники насилу добрались до Скалы, где Римляне преследовали их, настигая во тьме повсюду. С высоты Фокар сбрасывал на них огромные бревна и обломки мачт, которые убили часть нападающих, а других заставили отступить на корабли. Но с зарею Помпей вновь перешел в наступление: вопреки суровости тех мест и трудностям подъема, Римляне вынудили разбойников искать убежища в пещере, вырытой под замком, которую они завалили вереском и досками, всеми, какие смогли собрать. Помпей велел все это поджечь; тогда, чтобы избежать удушения, Фокар приказал лить воду большими бочками в огонь, который, обратившись вспять, заставил Римлян в свой черед отступить. Разбойники вышли и возобновили нападение. Солдатам Помпея, вынужденным отступать один за другим, едва удавалось защитить свою жизнь. Один лишь император Помпей не тронулся с места: облачен-

ный в доспехи, он поджидал Фокара, набросился на него с секирой в руке, наконец, одолел его и отсек ему голову. Между тем Римляне, устыдившись, что в некий момент оставили своего императора, вновь принялись за дело; теперь разбойники оказали им лишь ничтожное сопротивление. Все они были преданы смерти, а тела их сброшены в море, и с той поры Погибельная Гавань перестала быть ужасом мореплавателей; но приближение к ней всегда внушало некоторый трепет, и никто не осмеливался к ней пристать.

Это был, пожалуй, самый славный подвиг Помпея; никогда он не выказывал лучшего свидетельства своей отваги и неустрашимости. История, однако, о сем умалчивает, ибо этот великий человек отчасти стыдился недостойных врагов, коих ему столь нелегко было истребить²¹⁵. По пути обратно в Рим он проходил через Иерусалим и имел дерзость устроить стойло для своих лошадей в храме Соломона. В святом городе был тогда один благочестивый и мудрый старец; это был отец священника Симеона, которому позже уготовано было встретить Святую Деву, когда она представляла своего Сына²¹⁶. Человек этот пришел к Помпею и воскликнул:

– Горе мне, узревшему, как дети Божии вкушают пищу за порогом, а псы – восседая за столом, для них накрытым! Го-

---

²¹⁵ Можно считать, что этот рассказ навеян тем, что романист знал о войне, которую вел Помпей с пиратами, опустошавшими Средиземноморье. (Прим. П. Париса).

²¹⁶ См.: Лука, 2:25–35. Евангельский текст, однако, не называет Симеона священником. (Прим. перев.).

ре мне, узревшему святые места, обращенные в жилые покои на потребу свиньям!

Затем, обратясь к императору, он сказал ему:

– Помпей, сразу видно, что ты водился с Фокаром и избрал его себе примером; но твое кощунство прогневало Всемогущего, и ты ощутишь тяжесть его мести.

С того дня победа отвернулась от Помпея: ни в один город более не входил он без того, чтобы покинуть его с позором; ни с одного поля боя не уходил он иначе, как изгнанный за его пределы. Прежняя слава его была позабыта, и помнились лишь его поражения.

Вот какова была Скала Погибельной Гавани, куда был перенесен король Мордрен. Чем больше он осматривался кругом, тем больше терял надежду остаться в живых в подобном месте. Вдруг он увидел, как приближается ладья необычайно приятных очертаний. Мачта, паруса и снасти были лилейной белизны, а над ладьей возносился алый крест. Когда она коснулась скалы, облако восхитительных ароматов развеялось вокруг и достигло Мордрена, уже воспрянувшего духом при виде креста. Некий муж совершеннейшей красоты поднялся в ладье и спросил короля, кто он, откуда пришел и как очутился здесь.

– Я христианин, – ответил Мордрен, – но не знаю, как очутился здесь; а вы, прекрасный путник, не соблаговолите ли сообщить мне, кто вы и каков ваш род занятий?

– Я, – отвечивал незнакомец, – искусен в ремесле, ни с

чем не сравнимом. Я умею из уродливой женщины и безобразного мужчины сделать прекраснейшую из жен и прекраснейшего из мужей. Всему, что люди знают, они учатся у меня; я даю бедному богатство, глупцу мудрость, слабому силу.

– Что за восхитительные тайны, – промолвил Мордрен, – но не скажете ли вы мне, кто вы?

– Кто хочет назвать меня верно, называет «Все во всем».

– Прекрасное имя, – сказал Мордрен, – более того, по знаку, украшающему ваше судно, сдается мне, что вы христианин.

– Верно вы говорите; знайте, что без этого не бывает дела, всецело доброго. Сей знак охранит вас от всех зол; горе тому, кто осенил бы себя иным стягом; он не мог бы явиться от Бога.

Мордрен, слушая его, чувствовал, что тело его напитано тысячью усад; он позабыл, что вот уже два дня был лишен всякой пищи.

– Не могли бы вы поведать мне, – молвил он, – суждено мне быть вызволенным отсюда или остаться здесь на всю жизнь?

– Полно! – ответил незнакомец, – разве ты не веруешь в Иисуса Христа и не знаешь, что Он никогда не забывает тех, кто Его любит? Он лелеет их более, чем они сами любят себя; к чему же, с таким добрым и всемогущим хранителем, тревожиться о завтрашнем дне?

Не поступай, как те, что говорят: У Бога слишком много

дел и без того, чтобы думать обо мне; если бы Он пожелал заняться столь слабым созданием, Он бы не преуспел в этом никогда. Те, кто говорит так, более еретики, чем попеликаны²¹⁷.

Эти слова повергли Мордрена в глубокие и сладостные грезы. Когда же он поднял голову, то не увидел более ни ладьи, ни прекрасного мужа, ее ведшего; все исчезло. Сколь сильно он сожалел тогда, что не нагляделся на него вдоволь! ибо не сомневался более, что это был посланец Бога или сам Бог.

---

²¹⁷ Еретики, которые следовали воззрениям Павла Самосатского, откуда и взялось их первое название павликиане, превращенное в публикан и наконец в попеликан. Во Франции это название распространяли на вальденсов, на манихейцев и позже на альбигойцев. (Прим. П. Париса).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.